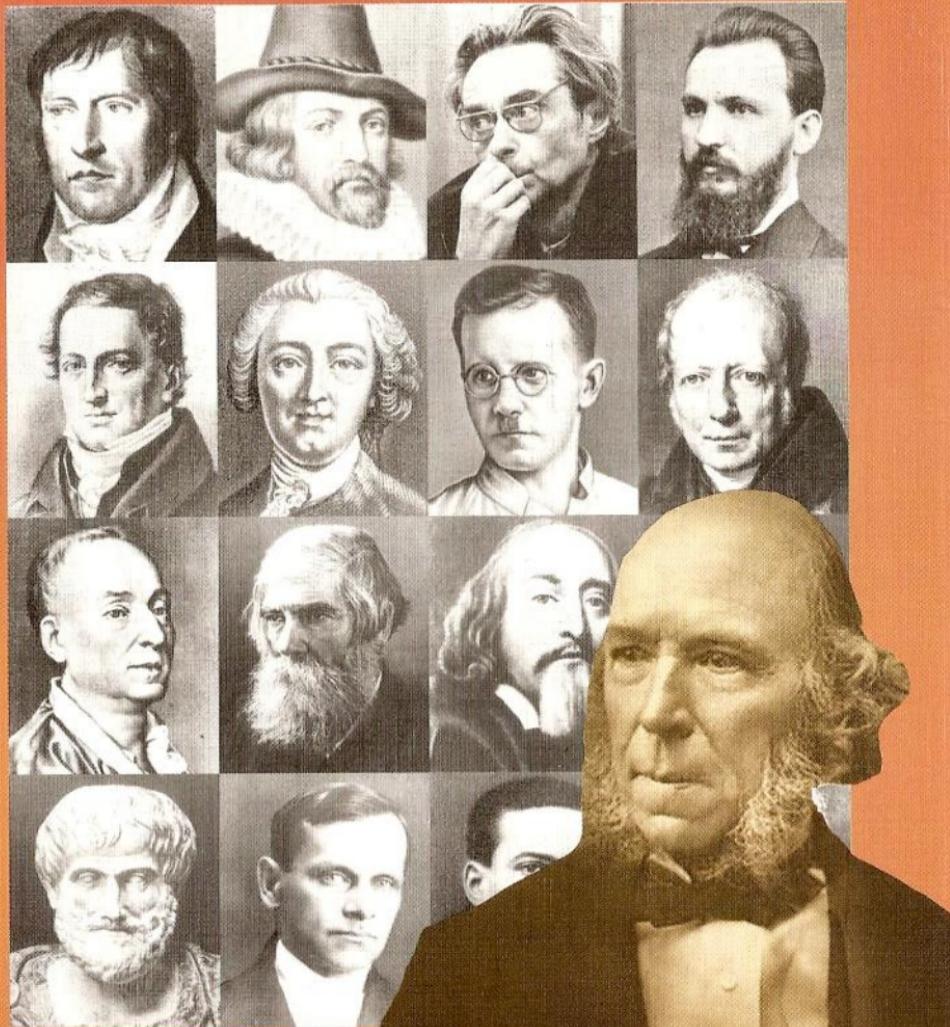

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СПЕНСЕР

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

Дорогие друзья!

Хотелось бы мысленно перенестись во времени и увидеть Вас, будущих читателей этой книги, ощутить очарование тайны, рождающейся от соприкосновения пытливого разума и вдохновенного сердца со священной мудростью тысячелетий, запечатленной в ее строчках.

Профессия учителя, пожалуй, более чем какая либо другая профессия, предполагает наличие особого качества — способности творческого отношения к жизни. Педагог, участвующий в самом загадочном и сокровенном процессе — рождении человеческой личности, — лишен способности поступать по инструкциям и в соответствии со стандартами. Он обречен на то, чтобы в каждой новой педагогической ситуации находить свое собственное, неповторимое решение.

Но великий и удивительный парадокс состоит в том, что любой самый уникальный педагогический поступок каким-то необыкновенным, чудесным способом согласуется с драгоценным опытом предшественников. Учитель формирует себя в процессе его постижения.

Искренне желаю Вам счастливых откровений в Ваших воображаемых диалогах с мудрейшими.

Ю.А.Дворянин,

доктор филологических наук,
профессор, действительный член
Международной педагогической
академии

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Дарчия М.Д.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Неменский Б.М.

Никандров Н.Д.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Сартания В.Ш.

Шадриков В.Д.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА**

**АВТОР ПРОЕКТА,
ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
ФИЛОСОФ**

**ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
УЧИТЕЛЬ**

**НАД КНИГОЙ
РАБОТАЛИ**

**Пищулин
Николай
Петрович**
Доктор философских
наук,
профессор.
Лауреат премии
правительства РФ
в области народного
образования,
г.Москва

**Грабовский
Андрей
Иванович**
Директор центра
образования № 293,
кандидат
социологических наук,
г.Москва

**Дорофеева
Наталья
Николаевна**

**Шишкина
Алла
Генадьевна**

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СПЕНСЕР

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА
2004

ББК 74
С 716

Федеральная целевая программа
«Культура России»
(подпрограмма «Поддержки
полиграфии и книгоиздания России»)

Спенсер. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2004. — С. 224 (Антология гуманной педагогики).

Выдающийся философ, основоположник английской социологической школы Герберт Спенсер внес крупный вклад в развитие гуманного педагогического мышления. В предлагаемый читателю том серии «Антология гуманной педагогики» вошли труды мыслителя, освещающие проблемы содержания и методики обучения, соответствующие этапам умственного развития ребенка, поставленного в положение исследователя.

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР И СОВРЕМЕННОСТЬ

Если проанализировать сущностные стороны образования в контексте переживаемого Россией исторического момента, то следует отметить, что за последние десятилетия российское образование имеет ощутимые достижения: демократизация системы образования, создание правовых основ современного образования, раскрепощение потенциала личности, разнообразие сети образовательных учреждений, формирование рынка образовательных услуг, многоканальное финансирование и т.п.

Однако отрицательные явления едва ли не перекрывают достижения. Распространенный ныне предметно-центрристский, репродуктивный, адаптированный к наличному социуму тип образования явно недостаточен.

Такая постановка вопроса, естественно, приводит к фундаментальному осмысливанию, выявлению того ценного, что надо сохранить и развить в отечественном образовании, и того, что требует обновления и замены, спрогнозировать новую педагогическую эпоху.

Педагоги-новаторы, управленцы образовательной системы опытным путем, интуитивно ищут современные подходы к образованию и нередко побеждают в «боях местного значения». Вместе с тем большинство инноваций в образовании, общественной жизни в силу нерешенности глобальных и для человечества, и для образования проблем и отсутствия парадигмальных оснований и подходов есть, по существу, косметическое подкрашивание того, что требует даже не капитального ремонта, а преобразования по сути. Выполнить такую задачу одной педагогической науке оказалось не под силу.

Творческий педагог по существу своей деятельности не может не быть философом. Педагог формирует то, что изначально существует лишь как возможность. Он заранее, в своем сознании создает образ того человека, который сформируется в конце образовательного процесса. Если педагог не видит весь образ, то он строит мозаично, разрозненно, развивает отдельные детали вне целого, он не образовывает человека.

Сегодня задача педагога усложняется тем, что он помогает становлению самодостаточной личности в неадекватной социальной и природной среде. Следовательно, он должен опираться на внутренние резервы, помочь индивиду найти ключи такого развития, его направление, импульсы, знаки, символы. Вот по-

чему педагог обречен быть философом, иначе он будет не мастером, а вечным подмастерьем.

С этих позиций представляется актуальным для отечественного образования научно-исследовательская серия «Антология гуманной педагогики», вобравшая в себя весь мировой опыт человечества.

На этот раз читателю представляется возможность открыть для себя Герберта Спенсера — социолога и педагога, философа.

Герберта Спенсера справедливо считают одним из основоположников позитивизма. Годы его жизни и творчества совпадают с зарождением социологии и становлением ее как самостоятельной научной дисциплины. Можно считать, что именно Спенсеру обязана своим появлением английская социологическая школа. Он сыграл важную роль не только в социологии, но и в антропологии, педагогике, был основателем органической и эволюционистской школ в классической социологической мысли.

Спенсер критиковал европейскую школу середины XIX в. за отставание от уровня развития науки и нужд практической жизни (Англия второй половины XIX в. была одной из наиболее экономически развитых стран, являя собою своеобразный символ процветания и либерализма). По Спенсеру, задача школы состоит в первую очередь в том, чтобы вооружить человека знаниями, связанными с основными видами его деятельности, которых он насчитывал пять: самосохранение, добывание средств к жизни, воспитание потомства, выполнение социальных обязанностей и досуг. Именно к ним школа и должна готовить молодежь, обучая физиологии с гигиеной, логике, математике, физике, химии, геологии, биологии, социологии, психологии, истории, литературе, иностранным языкам и некоторым видам искусств. В современном контексте реформирования образования эти изыскания видятся актуальными и достойными пристального внимания педагогической общественности.

Касаясь дидактических проблем, Спенсер требовал, чтобы содержание и методика обучения соответствовали этапам умственного развития ребенка, чтобы обучение шло от простого к сложному, от контрастного к абстрактному, от практики к теории, ставя ребенка в положение исследователя. В целом умственное развитие ребенка должно пройти весь тот путь, который прошло человечество. Само учение должно при этом возбуждать у ребенка интерес и чувство удовлетворения, желание действовать самостоятельно. Ребенок на своем опыте должен видеть последствия хороших или дурных поступков: нравственно то, что ведет к полезным для человека последствиям, не нанося вреда другим людям. «Нет такой политической алхимии, посредством которой можно бы было получить золотое поведение из свинцовых инстинктов», — считал Спенсер.

Значительное внимание Спенсер уделял вопросам физического воспитания детей: правильному питанию, закаливанию и

систематическим физическим упражнениям. Особенно резко он выступал против умственного перенапряжения у детей, которое вредит физическому и умственному развитию.

* * *

Герберт Спенсер (1820—1903) — выдающийся английский мыслитель, философ и социолог, сторонник позитивизма и главный представитель эволюционизма в естествознании, получившего во второй половине XIX в. широкое распространение.

Спенсер не получил сколько-нибудь систематического гуманитарного образования. Его педагогическими кумирами были Ж.-Ж. Руссо и И.Г. Песталоцци. На мировоззрение огромное влияние оказали сенсуализм Д.Локка, утилитаризм И.Бентама, социальный реформизм Р.Оуэна, экономические теории А.Смита и Д.Рикардо и др.

Родился Спенсер 27 апреля 1820 г. в Дерби, умер 8 декабря 1903 г. в Брайтоне. Несмотря на слабое здоровье он прожил больше 83 лет. Герберт Спенсер никогда не был женат.

Дед, отец и дядя Герберта Спенсера были учителями. Однако Герберт с трудом учился в школе, плохо воспринимал схоластическую организацию учебного процесса и не проявлял никакого интереса к изучению древних языков. В 13 лет его отправили, по английскому обычая, на воспитание к дяде, который был священником в Бате. По его настоянию Герберт продолжил образование в Кембриджском университете, но затем, после окончания трехлетнего подготовительного курса, уехал домой и занялся самообразованием.

Предполагалось, что Герберт Спенсер пойдет по стопам предков и сделается педагогом. Так и произошло: по получении среднего образования, когда возник вопрос о выборе профессии, Спенсер по желанию отца поступает на место учителя (1837) и обнаруживает дарование к педагогической деятельности. В 1839 г. в руки Спенсера попадает знаменитое сочинение Лайеля «Принципы геологии». Он знакомится с теорией эволюции органической жизни.

У Спенсера интерес к математике и естествознанию преобладал над интересом к гуманитарным наукам. У него выделялись дарования практика и техника: он рано овладел методами точных наук и потому, когда вскоре после начала педагогической карьеры ему представилось место инженера на строительстве железной дороги Лондон — Бирмингем, он оставил учительскую карьеру и сделался инженером. Он чертил карты, набрасывал планы, изобрел инструмент для измерения скоростей локомотивов и др.

Изучая окаменелости, обнаруженные при прокладке железнодорожного полотна, он начал проявлять интерес к тому, как вообще развивается жизнь от простых форм к более сложным. Возникла настоящий вопрос: если палеонтологи по одной лишь косточке ископаемого животного могут восстановить весь его внешний облик, то нельзя ли проделать то же самое в отношении исчезнувших обществ, если мы располагаем информаци-

ей о каких-то реликтовых обычаях и социальных нормах, сохранившихся вrudиментарном виде в современном обществе или где-то среди примитивных племен дикарей?

В 1841 г. Спенсер возвращается домой и в течение двух лет занимается самообразованием. Он читает труды классиков философии и публикует первые сочинения — статьи для «Нонконформиста» по вопросу истинных границ деятельности государства.

В 1843—1846 гг. Спенсер вновь работает инженером и возглавляет бюро из шестидесяти человек. Он все больше интересуется политическими вопросами, его интересы обращены к журналистике. В 1846 г. Спенсер получает патент на изобретение пилильной и строгальной машины. На этом его инженерная карьера заканчивается.

В этом же году он становится публицистом: сначала помощником, а затем и главным редактором знаменитого журнала «Экономист». Именно в это время Спенсер стал проявлять интерес к социальному вопросам и их обобщению в рамках собственной теории.

В 1848 г. Спенсер написал первое большое сочинение «Социальная статистика», в котором рассматривал развитие жизни как постепенно осуществленную божественную идею. Позднее Спенсер нашел это понятие слишком теологичным, но уже в этой работе он применяет теорию эволюции к социальной жизни. В избранном кругу читателей это сочинение нашло поддержку и действовало сближению Спенсера с Гексли, Льюисом и Элиот, а также с Миллем, Тиндалем и Карлейлем. В 1850 г. его научный труд вышел в свет. Сочинение не осталось незамеченным специалистами. Успех «Социальной статистики» окрылил Спенсера. В 1853 г., получив после смерти дяди приличное наследство, он покидает службу и начинает жизнь независимого исследователя и публициста. Все свободное время он посвящает собственным работам и прежде всего разработке философских проблем.

Философию Спенсер понимал как максимально обобщенное знание законов явлений, считая, что она отличается от частных наук только количественно, степенью обобщенности знания. Он исходил из деления мира на познаваемое и непознаваемое. Наука способна познавать лишь сходства, различия и другие отношения между чувственными восприятиями, но не в состоянии проникнуть в их сущность. Непознаваемое выступает у Спенсера как «первоначальная причина», в признании которой сходятся наука и религия. В области конкретных наук он советовал придерживаться точных фактов, добываемых экспериментальным путем. На этой основе им разработана всеобщая теория эволюции. Спенсер писал: «Что такое Наука? Чтобы показать всю бессмысличество предрассудка, направленного против нее, мы должны только заметить, что Наука есть не что иное, как высшее развитие обыкновенного знания, что, отвергая Науку, нужно отвергнуть вместе с нею и все знание. Нельзя сказать, где кончаются

указания здравого смысла и начинаются обобщения Науки. Ежедневная проверка ее предсказаний, рост и твердое положение таких больших ее разделов, как математика, физика и астрономия, и вечно продолжающийся успех тех искусств, которыми она руководит, — вот убедительное свидетельство ее истинности».

Вслед за Огюстом Контом он ввел в социологию идею изменчивости и «плавного» эволюционизма. Понятия эволюционистской социологии Спенсера — «возрастающая связанность», «переход от гомогенности к гетерогенности», «определенность», описывающие морфологическую структуру общества, позволяли английскому социологу-позитивисту проводить аналогию между биологической и социальной эволюцией, между живыми организмами и обществом. В свою очередь, это раскрывало возможность применения в социологии естественнонаучных методов, что и составляло одну из целей позитivistского подхода к обществознанию.

Занятия биологией как наукой все более и более укрепляли убеждение Спенсера в истинности положения, что всякое органическое развитие есть переход из состояния однородности в состояние разнородности. Эту истину Спенсер переносит с изучения отдельного организма на исследование развития всего организованного мира и всей Вселенной. В его статье о гипотезе развития, появившейся в 1852 г., проводится мысль о том, что знакомство с изменениями, наблюдаемыми у домашних животных и в культуре растений, вынуждает нас склоняться к мысли, что границы между видами и разновидностями относительны и что теперешние виды возникли постепенно, развиваясь под влиянием внешних отношений. Идея развития положена им в основание теории познания, психологии и метафизики, которые были им систематически разработаны в «Основаниях психологии» (1855). Он применяет гипотезу естественного происхождения видов к психологии и указывает, что необъяснимое индивидуальным опытом может быть объяснено родовым опытом.

В области психологии, соединив принципы ассоциализма с эволюционной теорией, Спенсер выдвинул концепцию, согласно которой сознание — это процесс, развивающийся по общим законам биологической эволюции и выполняющий функцию приспособления организма к среде.

Спенсер разделял психологию на объективную и субъективную. Первая трактует психические явления как корреляцию нервно-мышечных устройств, посредством которых живые существа приспособливают свои действия к окружающим их вещам и отношениям. Вторая изучает мысли и чувствования, открытые только для их носителя — субъекта.

Немаловажное влияние оказала на Спенсера приобретавшая все большее влияние в английской и европейской научной мысли эволюционная теория Ч.Дарвина. Он горячо приветствовал и высоко отзывался о вышедшей в 1858 г. книге Ч.Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». Сам Ч.Дарвин

признавал серьезное влияние, которое оказали на него работы Спенсера. И не только Дарвин. В последней четверти XIX и в начале XX в. труды и идеи Спенсера увлеченно обсуждались в университетских аудиториях и модных «интеллектуальных» салонах, редакциях журналов и респектабельных клубах. Вслед за Спенсером и ряд других авторов предпринимают попытки более или менее систематическим образом применить дарвинистские идеи к изучению социальной жизни.

Период с 1848 по 1858 г. представляет ту веху в жизни Спенсера, когда стало созревать и складываться в определенные формы его многостороннее философское миросозерцание.

В конце 50-х годов Спенсер замышляет грандиозное предприятие в виде издания стройной системы «Синтетической философии». В 1858 г. он составляет план, рассчитанный на 7 томов, затем расширяет его до 10 томов и в 1860 г. издает подробный проект. В 1858 г. Спенсер решился объявить подписку на издание своего сочинения. Он публикует первый выпуск в 1860 г. В течение 1860—1863 гг. выходили «Основные начала». Далее издание подвигалось вперед с трудом, в основном из-за экономических трудностей и холдности публики. Нервное переутомление лишило Спенсера возможности систематически работать. С горечью он заявляет в 1865 г., что должен приостановить выполнение своего великого замысла. Но вскоре благодаря полученному наследству и материальной поддержке американца Юманса ему удалось выпустить дальнейшие тома «Описательной социологии».

Юманс издает его труды в Соединенных Штатах, где Спенсер приобретает широкую популярность раньше, чем в Англии. Постепенно имя Спенсера становится известным, спрос на его книги возрастает, и к 1875 г. он покрывает свои финансовые убытки и получает первую прибыль.

Последний том своего главного сочинения Спенсер издает осенью 1896 г. Эта огромная работа состоит из десяти томов и включает «Основные начала», «Основания биологии», «Основания психологии», «Основания социологии».

В главном социологическом произведении, трехтомных «Основаниях социологии» (1876—1896), Спенсер уподобляя сословно-классовое строение общества и присущие ему различные функции разделению функций между органами живого тела. Однако отдельные личности обладают, по мысли Спенсера, гораздо большей самостоятельностью, чем биологические клетки. Подчеркивая свойство саморегуляции в живой материи, Спенсер на этом основании ставил под сомнение значимость государственных форм, рассматривая их в качестве инструментов насилия в большей мере, чем агентов регуляции.

Считается, что на пробуждение самостоятельности Спенсера в сфере политической мысли в ранней юности оказал влияние его дядя Томас, священник англиканской церкви, который, в противоположность остальным членам спенсеровской семьи строго

консервативного склада, принимал участие в демократическом движении чартистов и в агитации против хлебных законов.

Двумя полюсами эволюции общества английский социолог признавал военный и промышленный типы устройства общества. Эволюция идет по направлению от первого ко второму. В той мере, в какой закон выживания наиболее приспособленного реализует себя в общественной динамике, общество приближается к промышленному типу, характеризующемуся прежде всего дифференциацией, основанной на личной свободе. Социальные революции рассматривались Спенсером как болезнь общества, а социалистическое переустройство — как противное органическому единству социальной системы и эволюционному прогрессу, основанному на выживаемости наиболее приспособленных и одаренных.

Спенсер рассматривает общество как особое бытие, хотя и слагаемое из отдельных единиц, но постоянно сохраняемых в пределах их группировки как целостность. Это, по его мнению, указывает на конкретность составляемого ими агрегата. Спенсер называет два больших типа агрегатов, с которыми можно сравнить общественный агрегат: класс агрегатов органических и класс агрегатов неорганических.

В традициях позитивистской социологии Спенсер, опираясь на исследования Ч.Дарвина, предложил использовать эволюционную теорию для объяснения социальных изменений. Но, в противоположность Конту. Он сделал акцент не на том, что изменяется в обществе на разных периодах человеческой истории, а на том, почему происходят социальные перемены и почему в обществе возникают конфликты. По его мнению, эволюционируют в единстве все элементы Вселенной — неорганические, органические и надорганические (социальные).

Спенсер выдвигает идею о том, что общество есть организм, и сравнивает его с животным организмом. Это сложный организм, состоящий из взаимосвязанных и взаимозависимых клеток и органов. Эти клетки и органы составляют единую систему и выполняют специфические функции в составе организма.

Общество претерпевает постоянные количественные и качественные изменения, и по мере его возрастания отдельные части его, становясь несходными друг с другом, увеличивают сложность структуры. Несходные части принимают на себя выполнение несходных функций; эти функции не только различны между собой, но, органически объединенные в одну систему, обуславливают взаимное существование и функционирование. Взаимная «помощь» вызывает взаимную зависимость всех частей общества. Эти взаимозависимые части, живя при помощи друг друга и друг для друга, образуют агрегат, построенный на том же самом общем начале, как и индивидуальный организм.

Г.Спенсер обосновывает постулат, согласно которому изменения происходят в обществе по мере того, как его члены приспосабливаются к природной или социальной среде. В качестве

доказательств и обоснования своего постулата ученый приводит многочисленные примеры зависимости характера человеческой деятельности от географии местности, климатических условий, численности населения и т.д.

По Спенсеру, эволюция физических и интеллектуальных способностей членов общества находится во взаимозависимости с эволюцией социальной. Поэтому любые попытки искусственно подтолкнуть социальную эволюцию с помощью, например, регулирования спроса и предложения или радикальных реформ в политической сфере, без учета свойств членов, составляющих общество, с точки зрения ученого, должны обернуться непредсказуемыми последствиями.

Спенсер также предложил свою концепцию справедливости. Она изложена в его трехтомном труде «Опыты научные, политические и философские». Спенсер исходит в своей доктрине из тезиса, что «наука нравственности состоит в том, чтобы из законов жизни и условий существования вывести заключение о том, какого рода действия должны неизменно давать счастье и какого рода действия — несчастье».

Второй тезис сводится к выводу о том, что прогресс цивилизации состоит из «ряда компромиссов между старым и новым», а это требует постоянного обновления и идеалов, и практики, в том числе и самой справедливости.

И третий постулат: чистая справедливость — не утопическая нелепость, а стимул и критерий для совершенствования относительной (реальной) справедливости. Она же есть «накопление и организация того, что дает опыт».

Спенсер идеалом считал «общество, в котором управление будет доведено до наивозможного меньших пределов, а свобода достигнет наивозможной широты; в котором человеческая природа будет путем социальной дисциплины так приспособлена к гражданской жизни, что всякое внешнее давление будет бесполезно и каждый будет господином сам себе, в котором социальная жизнь будет преследовать только одну цель — обеспечение свободного развития индивидуальной жизни».

При этом Спенсер выступал за то, чтобы эгоистические элементы характера замещались интересами бескорыстными и социальными, «чтобы заменить частные удовольствия удовольствием, влекущим за собой счастье других или происходящим из него».

Спенсер полагал, что человеческая цивилизация в целом развивается по восходящей линии. Но отдельно взятые общества (так же как и подвиды в органической природе) могут не только прогрессировать, но и деградировать: «Человечество может пойти прямо, только исчерпав все возможные пути». При определении этапа исторического развития конкретного общества Спенсер использует два критерия — уровень эволюционной сложности и масштабность структурно-функциональных систем, по ко-

торым он относит общество к определенной системе сложности — простое, сложное, удвоенной сложности и пр.

Высказывал Спенсер и определенные утопические идеи, которые скорее более желательны, нежели возможны, как показывают история и время: «Нельзя делать особенно специальных выводов относительно будущих изменений положения детей. Все, что ведет к наибольшему благополучию потомства, должно более и более устанавливаться среди общества, ибо дети худших родителей, воспитываемые худшими способами, будут постоянно замещаться детьми лучших родителей, воспитываемыми лучшими способами».

Г.Спенсер смешивает в кучу и «веления Божества», и «законы жизни», и «социальные условия», и «нравственные интуиции», и «деспотизм общественного мнения». Чтобы как-то распутать этот узел, он пишет, что закон, религия, обычаи находятся «в связи между собой», а «их взаимные способы действий подходят под одно обобщение» и даже «имеют одинаковое происхождение». Так круг замыкается: «власть религии, власть законов и власть обычаев составляли вначале одну общую власть... произошли от одного корня». И этот корень — перво-бытный фетишизм; по мнению Спенсера, «божество, правитель и церемониймейстер были первоначально тождественны».

Особое место в творчестве Спенсера занимают проблемы образования, воспитания, умственного и физического развития подрастающего поколения, которые и по сей день не утратили своего значения, а в свете последних образовательных реформ получили новую огранку и звучание.

Педагогика для Спенсера не столько наука, сколько искусство воспитания, которое должно опираться на научный фундамент. Он сосредоточил свое внимание не на разработке принципов педагогики как самостоятельной науки, а на выявлении средств и условий, которые обеспечивают успех образованию. По мнению Г.Спенсера, педагогика является прежде всего практической деятельностью, которая базируется на физиологии и психологии, а также на знании законов жизни.

Г.Спенсер различает теорию и практику воспитания. Он пишет, что правильное воспитание — это самая тяжелая задача взрослого человека, и далее подчеркивает, что наставники, приступая к воспитанию детей, должны уяснить принципы (физические, нравственные и умственные), которыми они должны руководствоваться. Нелепо, воскликнул он, предполагать, что можно правильно руководить процессом образования и накопления идей, не понимая самой сущности этого процесса.

Понимание сущности процесса воспитания, без которого невозможно его правильное практическое осуществление, и должна была дать разрабатываемая Г.Спенсером теория воспитания, которую он стремился поставить на прочный антропологический фундамент. «Прежде чем приводить характер и порядок воспитатель-

Критикуя традиционное классическое образование, Г.Спенсер утверждает, что его дают в угоду общественному мнению. Оно соответствует моде, несет на себе печать барства, которое придает общественный вес и обеспечивает соответствующий почет. В воспитании полезное подчиняется показному. Учат тому, что считают признаками благовоспитанности. В общественной жизни социальные потребности традиционно подчиняли себе индивидуальные, а главная социальная потребность заключалась в контроле над индивидуальными. Для Г.Спенсера оказывается неприемлемым положение дел, при котором жизнь тратится на то, чтобы возвыситься над другими людьми, добиться всеобщего почитания и расположения власть имущих. Люди заботятся не о разностороннем развитии своей индивидуальности, а о том, какое впечатление их индивидуальность производит на других. В образовании знания ценят не по их внутреннему достоинству, а по тому внешнему эффекту, который они производят на других.

По мнению Г.Спенсера, необходимо решить вопрос о сравнительном достоинстве различных знаний и определить критерий, позволяющий давать сравнительную оценку знаний с точки зрения их пользы. Вопрос, чему действительно следует учиться, надо решать рационально, а не исходя из личных вкусов и предрассудков. Споры о сравнительном достоинстве классического и реального (у Г.Спенсера — математического) образования ведутся эмпирически, без попытки решить принципиальный вопрос о том, какой *curriculum*, или образ жизни, является истинным. С точки зрения Г.Спенсера, проблема заключается не в том, имеет или не имеет достоинство то или иное знание, а в относительности их достоинства, в их соразмерности. Ибо нет предметов и занятий, которые не приносили бы людям хоть какой-нибудь пользу.

Жизнь человека коротка, и время, отведенное на приобретение знаний, ограничено. Поэтому, прежде чем изучать какой-либо предмет, особенно если его изучение навязывается модой или прихотью, необходимо сравнить результаты с теми, которые были бы получены при изучении других предметов. Прежде чем установить рациональный *curriculum*, надо определить, что человеку следует знать, исходя из относительной ценности знания, определить, для чего его надо изучать.

Спенсер был сторонником природосообразного метода обучения и, следя за И.Г.Песталоцци, доказывал, что образование должно согласовываться с естественным процессом умственной эволюции ребенка.

Главную задачу воспитания Г.Спенсер видит в подготовке людей к полной жизни. Отбирая предметы и методы преподавания, которые ведут к полной жизни, важно выработать способ оценки, не просто позволяющий судить об их практическом значении, а делающий возможным определить их относительное достоинство. Г.Спенсер классифицировал виды деятельности людей, определяющие в своей совокупности круг человеческой

жизни, по степени убывания их значимости: деятельность, прямо направленная на личное самосохранение; деятельность, доставляющая все необходимое в жизни и, таким образом, косвенно направленная на личное самосохранение; деятельность, имеющая целью продление рода посредством воспитания потомства; деятельность, направленная на поддержание социальных и политических отношений, выполнение общественных обязанностей; деятельность, наполняющая жизненный досуг, направленная на удовлетворение вкусов и чувств.

Идеальное образование, по мнению Г. Спенсера, должно заключаться в подготовке ко всем пяти выделенным им видам человеческой деятельности. Отступая от идеала, подчеркивает он, следует соблюдать хотя бы определенную пропорциональность между степенями подготовки к каждому из этих видов.

Образование должно опираться на приобретение знаний, которые различаются по своему достоинству. Существенное достоинство имеют научные истины, верные всегда, везде и для всех. Квазисущественные знания значимы для отдельных групп людей. Условно значимы знания, не имеющие отношения ни к какой сфере нашей деятельности. При этом следует иметь в виду, что знания могут быть значимы как знания для нашей деятельности и как упражнения, влияющие на умственную дисциплину человека.

Огромный интерес к идеям Спенсера проявляется в конце XIX в. в России. Переводы трудов английского социолога и философа на русский язык значительными по тогдашним временам тиражами издавались чуть ли не каждый год. С обзорами и критическими разборами его теории общества выступали практически все крупные научные и многие художественно-публицистические журналы. О Спенсере спорили западники и славянофилы, нигилисты и консерваторы, анархисты и монархисты. Питирим Сорокин в «Системе социологии» (1920), оценивая социологическую концепцию Спенсера, писал: «Эта теория, до сих пор недостаточно оцененная, заслуживает полного внимания». Современные социологи также считают, что без знания фундаментальных спенсеровских положений вряд ли удастся понять суть современного функционализма.

В советский период развития общественных наук Г. Спенсер попал в опалу. Труды его на русском языке не издавались; его идеи и само имя практически исчезли из учебных программ социально-политических дисциплин. Это было вполне закономерно: слишком уж отчетливо противостояли они большевистским проектам переустройства общества, основанным на «социальной инженерии». В Советской России, а затем и в СССР Спенсер оказался фактически под своеобразным запретом. Его имя попало в список контрреволюционных, идеологически вредных авторов. Изданые в дореволюционной России труды Спенсера попали в спецхраны библиотек. При советской власти — вплоть до конца 80-х годов — не было издано ни одной его работы.

Творчество Спенсера имеет множество аспектов и затрагивает самые разнообразные проблемы. Коснуться их всех в ограниченной статье вряд ли представляется возможным. Поэтому мы коснемся лишь двух, которые, как нам кажется, наиболее характерны для творчества английского социолога: его взглядов на сущность эволюционного процесса и особенности его протекания в человеческом обществе, а также на проблемы органической аналогии, которые так или иначе затрагивались многими социальными мыслителями и до и после Спенсера, однако в его творчестве отразились наиболее выпукло и отчетливо. Мы не будем касаться чисто философских проблем, затронутых в трудах Спенсера, а обратим внимание лишь на социологические его аспекты, тем более что сам он недвусмысленно указывает на приоритет социологии, называя исследование общества «более важным приложением своего общего учения», чем рассмотрение с этих позиций данных астрономии, геологии, биологии и прочих наук. Самой целью построения позитivistской философской системы для Спенсера изначально являлось создание научно обоснованной социологии.

Спенсер рассматривал сознание в эволюционном аспекте как форму приспособления к среде при переходе от гомогенности к гетерогенности. Внутри сознания выделял различные чувствования, к которым относил ощущения и эмоции и которые могут объединяться посредством ассоциативного процесса.

Появившись на свет, молодая наука социология — особенно в ее позитivistском варианте — вынуждена была идти по пути заимствования своих методов из других научных дисциплин. Во времена Спенсера такого рода альтернатива выглядела следующим образом: механика или биология? Многие социальные философы соблазнялись параллелями с классической ньютоновской механикой. Отталкиваясь от основных положений позитивизма, они настойчиво утверждали, что в обществе должны действовать те же самые силы, что и в физической (неживой) природе, а значит — и соответствующие им законы: тяготения мелкого к более крупному, маятниковые колебания и т.п. Другие же, напротив, обратили свои взгляды на живую природу, считая, что законы, по которым она существует и развивается, значительно ближе к социальному порядку. Этот второй подход и получил название органической аналогии.

Г. Спенсер был последовательным сторонником первого из подходов — органической аналогии. Вообще это неизбежно следовало из его позитивистских позиций. Позитивизм исходит из того, что окружающие нас явления — как в неживой, так и в живой и в социальной природе — подчиняются каким-то объективным, независимым от воли и сознания людей законам. Людям не дано вмешиваться в действие этих законов, изменять или переделывать их. Правда, следует отметить, что это не означает fatalного бессилия людей перед действием законов. Наблюдая за природными социальными явлениями, регистрируя и анализи-

руя их последовательности и взаимосвязи, они могут шаг за шагом открывать и понимать закономерности, а значит, в конечном счете постепенно постигать смысл и механизмы действия этих законов. Такое понимание позволяет во все большей степени приспособливать свои поступки и всю жизнь к действию этих законов, то есть вести себя более осмысленно и целенаправленно.

О том, что он рассматривает общество как особую разновидность организма, Спенсер заявляет недвусмысленно и вполне определенно: «Мы имеем право смотреть на общество как на особую сущность; ибо хотя оно и складывается из дискретных единиц, тем не менее постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного общего сходства в пределах занимаемой каждым обществом местности указывает на определенную конкретность составляемого ими агрегата».

Вряд ли вызовет сомнения, к какому же классу — органическому или неорганическому, следует отнести этот агрегат: конечно же, к органическому. Одна из глав «Оснований социологии» так и называется: «Общество есть организм». В чем же выражается эта аналогия, то есть подобие, сходство социальных и общественных организмов? Таких схожих черт можно обнаружить достаточно много. К главным из них относятся следующие.

- Точно так же, как и биологический организм, общество увеличивается в своих размерах, растет (с неорганическими агрегатами такого не происходит).

- По мере роста и биологического, и социального организмов изменяется и усложняется их внутреннее строение.

- И в биологическом, и в социальном организмах усложнение структуры влечет за собой все углубляющуюся дифференциацию функций различных их органов.

- Одновременно, в ходе эволюции второго и третьего процессов, развивается и усиливается взаимодействие и взаимное влияние всех составляющих структуру органов.

- И в обществе, и в биологическом организме, когда жизнь целого расстраивается, отдельные части могут какое-то время продолжать собственное независимое существование. В то же время, пока не произошло никакой катастрофы, сокращающей жизнь агрегата, жизнь целого бывает гораздо продолжительнее жизни отдельных составляющих его единиц.

Таким образом, мы видим, что жизнь целого организма — и биологического, и социального — в общем-то совершенно не похожа на жизнь составляющих его единиц, хотя и зависит от них и образуется ими. Так или иначе, сходство между биологическими и социальными организмами настолько убедительно, что не заметить его невозможно.

Так, по мере роста животного организма различные его части становятся все более непохожи между собою, а их взаимосвязи становятся все сложнее. Одновременно с прогрессивной дифференциацией строения наблюдается и прогрессирующая диффе-

ренциация их функций. Скажем, пищеварительная система разрастается в отличные друг от друга подсистемы, каждая из которых выполняет свои, свойственные только ей функции. То же самое справедливо и в отношении общества. Возникающий в нем господствующий класс не только становится отличным от других классов и слоев, но и берет на себя функции контроля за их действиями. Постепенно этот класс распадается на подклассы, каждый из которых обладает различными уровнями контроля и к тому же над различными сферами социальной жизнедеятельности.

В то же время аналогия эта неполная. Спенсер указывает, что отождествлять биологические и социальные организмы никоим образом нельзя. Начать с того, что совокупность отдельных частей биологического организма образует конкретное (от лат. *spectus*, букв. — сгущенный, уплотненный, сросшийся), в то время как составные единицы социального организма — общества — дискретны (от лат. *discretus* — разделенный, прерывистый); органы, входящие в состав организма, тесно связаны между собой неразрывной связью, находясь в постоянном соприкосновении друг с другом; а живые единицы, составляющие общество, пространственно разделены, свободны, не соприкасаются друг с другом, могут покинуть эту общность, объединившись с индивидами другой общности и войти в ее состав.

Сама связь между составными частями носит в биологическом организме чисто физический характер. В обществе же отдельные его единицы связаны между собой иначе, чаще всего отнюдь не с помощью простого физического контакта, а посредством интеллектуальных и эмоциональных проводников взаимодействия. Эти проводники, а также результаты взаимодействия Спенсер называет надорганическими (*superorganic*) продуктами. Важнейшим из них является речь, язык, при помощи которого устанавливается та взаимозависимость элементов и частей общества, которая и обеспечивает его организацию.

Спенсер выдвигает и еще одно различие между двумя этими родами организмов. В первом из них — биологическом (точнее животном) — сознание (или нечто эквивалентное ему) сконцентрировано в одной сравнительно небольшой части целого агрегата. В социальном же сознание распределено по всему агрегату, все его единицы обладают приблизительно одинаковой или схожей способностью ощущать как счастье, так и несчастье.

Что же такое общество по Спенсеру? Он дает на это такой ответ: общество есть некая сущность (*entity*), достаточно самостоятельная, ибо, хотя оно и слагается из отдельных (*discrete*) единиц, однако достаточно длительное и постоянное — в течение целых поколений и даже веков — совместное проживание приводит к известному сходству в группировке этих единиц в рамках одной и той же местности, занимаемой данной общностью, и указывает на определенную конкретность составляемого ими агрегата.

Другими словами, мы не можем назвать обществом те перемечивые, случайные скопления людей, которые могут образовывать первобытные племена, и применяем это название только там, где достаточно длительная оседлая жизнь приводит к какому-то постоянству внутреннего распределения составляющих его частей и взаимоотношений между этими частями.

И еще одно замечание. Те агрегаты, довольно сложные по своему внутреннему строению и по уровню дифференциации, которые образуются общественными насекомыми (пчелы, термиты, муравьи) и которые вроде бы по многим внешним признакам схожи с социальными агрегатами, нельзя приравнивать к обществу. Ибо они не представляют собой соединений самостоятельных индивидов, независимых друг от друга в смысле родства. Все они являются объединениями детей одной матери. Муравьи или пчелы не могут покинуть свой муравейник или улей и присоединиться к другому — там их ждет немедленная смерть. Точно так же они не могут образовывать небольшие группы и жить в одиночку. В этом смысле пчелиный рой, муравейник или термитник можно рассматривать, скорее, как единый целостный организм, отдельные части которого более или менее пространственно разделены.

Каковы же основные факторы тех процессов, которые протекают в обществе? Спенсер выделяет среди них первичные и вторичные. В свою очередь, первичные факторы он подразделяет на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся такие, как климат, характер рельефа поверхности Земли, ее флора и фауна, к внутренним — интеллектуальные и эмоциональные качества социальных единиц — индивидов, составляющих общество. Вторичные, или производные, — это те, что вызываются самим процессом социальной эволюции, однако в дальнейшем начинают оказывать на нее влияние: к примеру, последствия вырубания лесов, обильного орошения или, напротив, осушения почвы, различные перемены в растительном и животном мире, которые вызываются целенаправленной (но не всегда рациональной) деятельностью человека.

К одному из наиболее важных факторов социального развития Спенсер относит рост общества, который выступает одновременно и причиной, и следствием социальной эволюции. В самом деле, разделение труда просто не может быть достаточно глубоким при малых размерах общества, где насчитывается лишь небольшое число индивидов, которые могут принять на себя лишь ограниченное число функций. По мере того как человеческие общности увеличиваются в размерах, они начинают оказывать все более сильное влияние одна на другую — либо путем военных столкновений, либо посредством усиления торговых и промышленных отношений. Постепенно все более влиятельными причинами дальнейших социальных изменений становятся постоянно накапливающиеся и постоянно усложняющиеся надорганические продукты — как вещественные, так и чисто духовные.

Чем отличается одно общество от другого? В конечном счете люди объединяются в социальные структуры для достижения каких-то общих целей — тех, которые и становятся целями самого общества. И одним из отличий одного общества от другого становится тот факт, является ли сотрудничество людей в достижении этих общих целей добровольным или принудительным. Такого рода различие, по Спенсеру, определяет противоположность двух типов общества — «военного» и «промышленного». Как известно, схожее противопоставление отмечал и О.Конт. Однако, если Конт считал, что военное общество — это проходящий этап, более низкий уровень социальной эволюции в сравнении с промышленным, то по мнению Спенсера дело обстоит сложнее и при определенном стечении обстоятельств такой тип общества может возникать вновь и вновь. Само противопоставление «военной» организации общества «промышленной» возникает не столько вследствие интегральных характеристик того или иного общества, а нередко зависит от особенностей развития его отдельных (хотя и достаточно крупных) частей и отражает довольно сложные социальные тенденции. К тому же не всякое общество можно отнести к военному типу, основываясь лишь на данных об агрессивных намерениях его правящих кругов. «При военном типе общества, — говорит Спенсер, — армия есть мобилизованный народ, а народ — отдыхающая армия; поэтому здесь армия и народ имеют одинаковое строение».

Социальный организм, как считает Спенсер, состоит из трех основных систем органов (институтов): регулятивной (управленческой), производственной (поддерживающей) и распределительной (пути сообщения, транспорт, торговля и т.п.). При анализе регулятивной системы он сосредоточивает внимание на механизмах социального контроля; правда, при этом он рассматривает одно лишь политическое управление. В конечном счете весь социальный контроль, по его мнению, держится на страхе. В то время как политический контроль и власть государства корениются в страхе перед живыми, в страхе перед мертвими коренятся религиозный контроль — власть церкви. Оба этих социальных института возникли и постепенно развились из простейших зародышевых форм, которые существовали еще в первобытном обществе. Что касается повседневного, обыденного поведения людей, то социальный контроль за ними осуществляется «церемониальными институтами», которые даже старше, чем церковь или государство, и выполняют свои функции нередко даже эффективнее, нежели они.

Одна из основных особенностей системы философско-этических взглядов Спенсера состоит в том, что он был последовательным сторонником идеи свободы индивида как самостоятельной ценности. Он был твердо убежден, что общество существует для индивидов, а не наоборот. Условием успешного развития общества он считал утверждение принципа равной свободы инди-

видов, которая ограничена лишь возможностями обеспечения свободы для других индивидов, равного влияния всех членов общества и социальных слоев на принятие политических решений, а также свободной конкуренции.

В силу таких убеждений Спенсер считал неприемлемым социализм, поскольку этот строй, по его мнению, в любой своей форме подразумевал рабство. Что является характерной чертой раба? То, что он работает не по собственной воле, а по принуждению. При этом не имеет принципиального значения, кто его господин — другой человек или государство. Если он должен отдавать обществу весь свой труд, а получать из общего достояния лишь ту часть, которую назначит ему общество, то он — раб общества. Спенсер отрицал социализм как с позиций справедливости, так и с чисто утилитарных соображений — его полезности, считая, что установление социалистических порядков поведет к установлению самой жесткой формы военного деспотизма. «Мое отрицание социализма, — утверждал он, — основывается на убеждении, что он остановит развитие высокоразвитого государства и повернет вспять развитие менее развитого. Ничто, кроме медленного совершенствования человеческой природы посредством организации социальной жизни, не может произвести благоприятной перемены».

Драматизм ситуации заключался в том, что Спенсер, предвидя плачевые последствия социализма и считая его величайшим несчастьем для человечества, был в то же время убежден, что возникновение социализма неизбежно — именно такой виделась ему тенденция развития современных обществ. Спенсер имел возможность воочию убедиться, как укреплялось могущество общественных движений, упорно толкавших западные общества на путь социализма.

* * *

Принципиальной чертой социологии Спенсера была попытка сочетать индивидуализм с органической моделью эволюции социальных систем. Испытывая влияние биологических теорий естественного отбора, Спенсер использовал, по сути, две отдельные версии трактовки социальной эволюции. В первой он утверждал, что социальные системы, подобно организмам, адаптируются к своему окружению с помощью процесса внутренней дифференциации и интеграции. Согласно второй, эволюционный прогресс идет от простой однородности «воинственного» общества к сложной гетерогенности индустриального общества.

Политическая доктрина, которую Спенсер извлек из своей социологии, состояла в том, что социальное планирование, централизованное установление социального благосостояния и государственное вмешательство в общественные процессы служат препятствием социальной эволюции и прогрессу, который гарантирует личную свободу в индустриальном обществе. Социологию Спенсера часто ассоциируют с принципом «выживания

наиболее приспособленного» и социал-дарвинизмом, однако сам он считал, что конкурентная борьба господствовала лишь в ранних воинственных обществах. Развитое индустриальное общество будет полагаться скорее на сотрудничество, убеждение и альтернизм, чем на агрессию и конфликт.

Что же нового, кроме введения термина «эволюция» в его современном значении в широкий научный оборот, сделал Герберт Спенсер для формирования общенациональной социологической парадигмы? Во-первых, Спенсер применил эволюционный подход к анализу общественных явлений. Во-вторых, о чём часто забывают, Спенсер показал применимость идеи эволюции не только к животно-растительному миру и обществу, но и к неорганической природе, — эта идея получила солидное развитие в геологии. Наконец, в-третьих, основываясь на эволюционном методе, Спенсер существенно пересмотрел устоявшиеся в Европе еще с начала нового времени представления о критериях прогресса, создав оригинальную концепцию прогресса-эволюции, сыгравшую видную роль в становлении не только социологии, но и системного анализа.

Разумеется, не все однозначно и не все равноценно в творчестве выдающегося английского мыслителя, не во всем можно с ним согласиться, однако необходимо признать, что без него и без его идей социально-гуманистический потенциал педагогики стал бы намного беднее.

Н.П.Пиццалин

ОПЫТЫ НАУЧНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ

ТОМ 2. I. ГЕНЕЗИС НАУКИ

Ф

Глубинные потребности бытия человека, социума, мира побуждают, с одной стороны, к констатации достигнутого, с другой — к поиску новых прорывных идей, концептуальных подходов.

Мы очень часто пользуемся термином «наука» и не всегда задумываемся над глубиной содержания этого понятия, отражающего важнейшую форму и сферу человеческой деятельности.

Между людьми всегда господствовало смутное представление, будто бы научное познание по природе своей отлично от обыкновенного. Это различие должны были сильно чувствовать греки, у которых только математика — буквально: вещи изучаемые — почиталась собственно знанием; с тех пор это различие всегда сохранялось в общем мнении. Хотя, принимая во внимание противоположность между приобретениями науки и результатами обыденного, неметодического мышления, неудивительно, что такое различие было предполагаемо, но стоит только подняться немного выше обыкновенной точки зрения, чтобы увидеть, что это различие не может существовать в действительности, или, лучше, что это только поверхностное различие. В обоих случаях действуют одни и те же способности, и в обоих случаях способ их действия в основе своей один и тот же.

Если мы скажем, что наука есть организованное знание, то нам возразят истиной, что всякое знание организовано в большей или меньшей степени, т.е. что самые обыкновенные домашние и полевые работы предполагают сопоставление фактов, получение выводов, ожидание результатов и что общий успех этих работ доказывает, что данные, которые служили им руководством, связаны между собою правильно. Далее, если мы скажем, что наука есть предвидение, т.е. прозрение в будущее, знание того, в какое время, в каких местах, в каких сочетаниях и в какой последовательности получатся известные явления, то мы все-таки обязаны признать, что это определение обнимает собою многое, что совершенно чуждо науке, в обыкновенном смысле этого слова. Возьмем, например, познание дитяти о яблоке. Это познание состоит

NB Трудно согласиться с Г. Спенсером в том, что нет качественного различия между обыденным мышлением и наукой. Сегодня учитель должен ясно сознавать это различие. Может быть, в истоках наука выросла из обыденного мышления, но в XVII Веке — Веке, когда наука зародилась в ее истинном значении, произошло то, что отделило науку от обыденного мышления: были созданы научные методы исследования. Впоследствии они развивались и обогащались.

из предвидений. Когда ребенок видит известную форму и известные цвета, он знает, что если он положит предмет на руку, то получит впечатление сопротивления, круглоты, гладкости, а если укусит его, то получит впечатление известного вкуса. Очевидно, что таково же по природе своей и общее его знакомство с окружающими предметами, т.е. оно состоит из подлежащих фактов, сгруппированных таким образом, что, когда усмотрена одна часть этой группы, предвидится существование и других фактов, содержащихся в ней. Если, далее, мы скажем, что наука есть точное предвидение, мы все-таки не установим предполагаемого различия. Мы не только найдем, что многое, что мы называем наукой, неточно и что некоторые из наук, как физиология, никогда не делаются точными, но мы найдем еще, что многие из предвидений, составляющих общее достояние как мудреца, так и невежды, точны. Что тело без поддержки упадет, что зажженная свеча погаснет, когда ее опустят в воду, что лед растает, когда его бросят в огонь, — эти и многие подобные предсказания, касающиеся самых обыкновенных свойств вещей, имеют такую высокую степень точности, какую только способны иметь предсказания. Справедливо, что утверждаемые результаты имеют весьма общий характер; но не менее справедливо и то, что в пределах своей сферы они строго правильны: а это — все, что требуется определением. Существует совершенное согласие между предусмотренными и действительными явлениями; не более этого мы можем сказать и о самых высоких результатах науки, преимущественно характеризуемых термином: точные.

Видя, таким образом, что предположенное различие между научным и обыкновенным знанием не оправдывается логически, и сознавая вместе с тем, что, как ни невозможно провести черту между ними, оба они на практике не тождественны, — мы задаем себе вопрос: в чем же состоит родство, существующее между ними? Частный ответ на этот вопрос может быть извлечен из примеров, только что приведенных. Пересмотр их покажет, что те части обыкновенного знания, которые тождественны по характеру с научным знанием, обнимают только такие совокупности явлений, которые непосредственно познаются чувствами и по природе своей просты и неизменны. Что от зажженного огня будет восходить дым; что огонь скоро вскипит воду — это такие предвидения, которые делаются служанкой так же хорошо, как и самым ученым физиком; они так же верны, так же точны,

как и его предвидения, но это предвидения, касающиеся явлений, находящихся в постоянном и прямом отношении между собою, т.е. явлений, которые видимо и непосредственно следуют за предшествовавшими, явлений, причинность которых не отдалена и не темна, явлений, которые могут быть предсказаны посредством самого простого рассуждения. Если теперь мы перейдем к предсказаниям, составляющим то, что обыкновенно называют наукой: что затмение Луны случится в означенное время, что в барометре, перенесенном на вершину горы известной высоты, ртутный столб опустится на определенное число дюймов; что, погрузив полюсы гальванической батареи в воду, мы получим

NB *Обыденное мышление схватывает лишь процессы несложные. И недаром Г. Спенсер приводит примеры простых суждений о простых явлениях, что не требовало сложных методов мышления. Автор приводит пример из сельскохозяйственного производства. Но этот пример бьет его самого: наука медленно шла сюда, и потому так медленно развивалась технология сельхозпроизводства. Фактически она осталась той же, что и тысячи лет назад, только лошадь заменили машиной, а навоз химией. И сегодня остро стоит вопрос о принципиально новой технологии, иначе сельское хозяйство не сможет прокормить все увеличивающееся население планеты.*

Учитель должен показать отличие обыденного мышления от научного, опирающегося на сложные методы исследования. Сегодня перед образованием стоит задача обучить самому мышлению, дать методологические знания учащимся и студентам. Этого требуют и усложнившаяся социальная жизнь, и но-

чим на одном горючий, на другом воспламеняющий газ в определенной пропорции, — мы усматриваем, что заключающиеся в этих процессах отношения не такого рода, какие обыкновенно представляются нашим чувствам; что некоторые из них зависят от особенных комбинаций причин и что в некоторых из них связь предшествующего с последующим может быть установлена только посредством выработанного ряда выводов. Таким образом, видимое различие между двумя родами знания заключается не в природе их, а в их отдельности от восприятия. Рассматривая случаи в их самом общем виде, мы убеждаемся, что земледелец, который, слыша известный звук на соседнем поле, может описать особенную форму и цвет птицы, издающей этот звук, и астроном, который, вычислив проход Венеры, может очертить черное пятно, вступающее на солнечный диск, как оно будет видно через телескоп в данный момент, — оба делают существенно то же самое. Каждый знает, что при исполнении требуемых условий он должен получить предвиденное впечатление, т.е. что за определенным рядом действий получится группа ощущений наперед известного рода. Различие, таким образом, заключается не в основном характере умственных действий, не в правильности предвидений, совершаемых этими действиями, а в сложности процессов, необходимых

Вые тонкие технологии в производстве. Обыденного мышления для решения современных жизненных задач недостаточно. Более того, оно становится опасным, поскольку случайно, не опирается на функциональные законы развития. Случайные решения сегодня приводят к опасным последствиям, что мы наблюдаем в нашей социальной и политической жизни.

Учить методам мышления, изучать методологию — новая важная задача образования.

для достижения предвидений. Значительная доля самого обыкновенного знания нашего строго точна в пределах своей сферы. Наука не увеличивает этой точности; она не может выйти за ее пределы. Что же в таком случае делает она? Она приводит другие познания к той же самой степени точности. Достоверность, которую дает нам прямое восприятие относительно существований и последовательностей самого простого и самого доступного рода, — ту же достоверность дает нам наука относительно существований и последовательностей явлений, сложных по их зависимости или недоступных непосредственному наблюдению. Короче, наука, если смотреть на нее с этой точки зрения, может быть названа расширением восприятий путем умозаключения.

Ф

Миллионы фактов, гипотез и теорий в области познания, профессиональной специализации накопило человечество за время своего существования, но при этом не поднялось, а опустилось в сфере нравственности, доброты и красоты образующего сокровечества с природным окружением. Первый, фундаментальный уровень подхода к человеку и образованию обусловлен их вписанностью во все мировые процессы и явления.

Рассматривая, однако же, предмет несколько глубже, мы почувствуем, может быть, что это определение не выражает всего факта — факта, что, как бы ни была наука неотделима от обыкновенного знания, как бы мы ни наполнили расстояния между самыми простыми предвидениями ребенка и самыми глубокими предвидениями естествоиспытателя введением ряда предвидений, в котором сложность умозаключения увеличивается все более и более, — между ними все-таки останется различие помимо того, о котором мы говорили здесь. И это справедливо. Но это различие далеко не таково, чтобы можно было провести предполагаемую демаркационную линию. Это — различие не между обыкновенным знанием и научным, а между последовательными фазисами самой науки или самого знания, все равно, какое бы название мы ни употребляли. В своих первых фазисах наука достигает только достоверности предвидения; в позднейших она достигает еще и полноты. Мы начинаем открытием одного отношения и оканчиваем открытием отношения вообще. Наше первое приобретение состоит в предсказании рода явления, которое может встретиться при известных условиях; наше последнее при-

обретение состоит в предсказании не только рода явления, но и его количественных данных.

Или, приводя положение в более определенную форму, мы можем сказать, что неразвившаяся наука есть качественное предвидение, а развивающаяся — количественное.

Эта формула очевидно выражает вместе с тем и различие между низшими и высшими ступенями положительного знания. Предсказание, что для поднятия куска свинца нужно больше силы, чем для поднятия куска дерева равного объема, представляет верное, но неполное предвидение. Предвидится род действия, в котором одно тело превышает другое, но не количество этого превышения. Здесь представляется только качественное предвидение. С другой стороны, предсказания, что в определенное время две данные планеты будут в соединении; что посредством рычага, плечи которого имеют данное отношение, известная сила может поднять столько-то фунтов; что для разложения определенного количества серно-кислого железа потребуется столько-то гранов углекислого натра, — эти предсказания представляют предвидение не только природы производимых действий, но и величины или самих действий, или производящих их деятелей, или расстояния во времени или пространстве, какое потребуется ими. Здесь представляется не только качественное, но и количественное предвидение. Это-то невыраженное различие и заставляет нас считать некоторые отделы знания преимущественно научными перед познанием вообще. Измеряемы ли явления — вот критерий, который мы бессознательно употребляем. Пространство измеряемо — отсюда геометрия.

Ф Стиль научного мышления той или иной эпохи характеризует магистральную линию в развитии научного познания на определенном историческом этапе.

Сила и пространство измеряемы — отсюда статика. Время, сила и пространство измеряемы — отсюда динамика. Изобретение барометра дало человеку возможность распространить принципы механики и на атмосферу, — явилась аэростатика. Когда был изобретен термометр, возникла наука о теплоте, наука, невозможная до того времени. Те из наших ощущений, для измерения которых мы не нашли еще способа, не производят наук. Мы не имеем науки запахов; у нас нет и науки вкусов. Мы имеем науку об отношениях звуков в диапазоне, потому что открыли путь для измерения их; но у нас нет науки о звуках в отношении их звучности или их тембра, потому что мы не дошли еще до измерения звучности и тембра.

Очевидно, что это-то сведение ощущительных явлений на отношения величин и сообщает известному отделу знания его специально-научный характер. Первоначально знание людей о весах и силах находилось в том же самом положении, в каком находится и теперь их знание о вкусах и запахах; это было знание,

не простиравшееся далее того, что доступно невооруженным чувствам, оно оставалось в этом положении до тех пор, пока не были изобретены взвешивающие инструменты и динамометры. До появления песочных часов и клепсидр многие явления могли быть измерямы относительно их продолжительности или перемежаемости не с большею степенью точности, чем та, с какою может быть измеряма степень твердости тел посредством пальцев. До изобретения термометра суждения людей об относительных количествах теплоты стояли на той же самой ступени, на которой стоят их настоящие суждения об относительных количествах звука. И как на этой начальной ступени, когда не было пособий для наблюдения, можно было только самым грубым образом сравнивать различные случаи и усматривать только самые резкие различия, то очевидно, что только самые простые законы зависимости могли определиться, — только такие законы, которые, не будучи усложнены другими и не будучи изменяемы в своих проявлениях, не требовали для определения своего особенной тщательности со стороны наблюдателя. Отсюда очевидно не только то, что по мере того, как знание становится количественным, его предвидения делаются столько же полными, сколько и верными, — но и то, что до принятия количественного характера оно необходимо ограничивается самыми элементарными отношениями.

Сверх того, нужно заметить, что хотя, с одной стороны, законы большей части явлений могут быть открыты только через исследование их количественности, с другой — ряд наших количественных предсказаний может расширяться только в той мере, в какой мы открываем законы результатов, нами предсказываемых. Ибо ясно, что способность определять размеры результата, недоступного прямому измерению, предполагает знание рода его зависимости от чего-либо, могущего быть измеренным, — предполагает знание того, что отдельный факт, с которым мы имеем дело, есть проявление некоторого более общего факта. Таким образом, объем, до какого доведены наши количественные предвидения в каком-нибудь направлении, указывает глубину, до которой достигло наше знание в этом направлении. Здесь мы можем указать, как на другую сторону того же самого факта, что, переходя от качественного к количественному предвидению, мы переходим от индуктивной науки к дедуктивной. Пока наука чисто индуктивна, до тех пор она чисто качественна; если она неточно количественна, то состоит обыкновенно частью из индукции, частью из дедукции; она становится вполне количественной только тогда, когда она совершенно дедуктивна. Это не значит, однако, что области дедуктивного и количественного одинаковы; ибо очевидно, что часто дедуктивное бывает чисто качественным.

Мы говорим только, что всякое количественное предвидение достигнуто дедуктивно и что индукция может достигнуть только качественного предвидения.

NB Г.Спенсер опять примитивизирует процесс научного познания. Конечно, количественное измерение в ряде научных областей является чрезвычайно важным. Но не во всех областях науки и не только измерения — теории, выработанные наукой, открытые ею законы являются мощным инструментом исследования. Г.Спенсера «подвела» философия, основанная им наряду с О.Контом, — позитивизм, который скорее можно назвать псевдофилософией, а В.И.Вернадский называл «плохой философией».

К сожалению, сегодня временно победил позитивизм: его приверженцами являются представители естественных наук, тем более технических, они занимают сегодня ключевые должности в администрациях всех уровней, в том числе и в образовании. Результат — вытеснение из образования общегуманистарых и социальных наук, т.е. тех наук, которые только и делают человека человеком.

что некоторые из них, как количественной ступени, но и то, что наиболее подвинувшиеся вперед науки достигли своего настоящего могущества в определении количеств, не доступных чувствам и не измеримых непосредственно, лишь путем медленного процесса совершенствования, продолжавшегося целые тысячелетия. Так что наука и знание необразованного человека сходны по природе своих предвидений, как бы широко ни различались по их степени, и наука и простонародное знание отличаются общим несовершенством, хотя в последнем его несравненно больше, чем в первой, и переход от последнего к первой совершился рядом поступательных движений, в которых несовершенство постоянно уменьшалось, а сфера расширялась.

Однако все еще не должно предполагать, чтобы эти различия давали нам возможность отделить обыкновенное знание от науки, хотя они, по-видимому, и делают это.

Показывая, в чем состоит контраст, найденный между крайними формами знаний и науки, они вместе с тем приводят нас к признанию существенного тождества между обыкновенным знанием и наукой и еще раз доказывают, что различие между ними лишь в степени. С одной стороны, самое обыкновенное положительное знание в некоторой степени количественно, так как размер предусмотренного результата известен в неопределенной степени точности. С другой стороны, высшее количественное предвидение не достигает точной истины, а только очень близко подходит к ней. Без часов дикарь знает, что день длиннее летом, чем зимой; без весов он знает, что камень тяжелее мяса, т.е. он может предвидеть относительно известных результатов, что их величина будет более того-то и менее того-то, — он знает приблизительно, каковы они. И все, что может сделать ученый со своими тончайшими инструментами и самыми обширными вычислениями, ограничивается сведением различия между предвиденным и действительным результатом до ничтожных размеров. Сверх того, должно помнить не только то, что все науки на первых ступенях своих качественны и

Ф

Человек проживает короткую жизнь в быстро меняющемся мире. Объективно увеличивающаяся, согласно статистическим данным, средняя продолжительность человеческой жизни становится субъективно все короче именно из-за обилия и скорости происходящих вокруг перемен (например, за счет увеличения количества стрессирующих факторов).

Что наука и положительное знание необразованного человека не могут быть разделены по их природе и что первая есть усовершенствованная и расширенная форма второго, — эти факты должны необходимо лежать в основе всей теории науки, ее прогресса и взаимного отношения ее частей.

Всякая история наук будет достаточно неполной, если, оставляя в стороне первые ступени их генезиса, она начинает лишь с тех ступеней, которые приняли определенные формы. Должно считать важным недостатком, если не основной ошибкой, философии наук, рассматриваемых в их взаимной зависимости и развитии, если она пренебрегает исследованием того, как они сделались отдельными науками и как каждая из них развила из хаоса первоначальных идей. Не только прямое рассмотрение предмета, но все аналогии доказывают, что ключ ко всем последующим усложнениям должно искать на самых ранних и простейших ступенях. Было время, когда анатомия и физиология человека изучались сами по себе, когда анализировали взрослого человека и исследовали отношения частей его тела и их отправлений без всякой связи как с отношениями, проявляющимися в зародыше, так и с соответствующими отношениями в других существах. Теперь, однако, сделалось очевидным, что при таких условиях невозможно никакое верное понятие, никакое верное обобщение. Анатомы и физиологи нашли теперь, что действительная природа органов и тканей может быть определена только тогда, когда будет исследовано их первоначальное развитие; что средство между существующими родами может быть удовлетворительно указано только путем исследования ископаемых родов, с которыми первые связаны. Если так, то не ясно ли, что то же самое должно быть справедливо по отношению ко всем вещам, подверженным развитию? Разве наука не растет? Разве наука не имеет своей эмбриологии? Не должно ли пренебрежение ее эмбриологией вести к ложному пониманию принципов ее развития и ее настоящей организации?

NB Г. Спенсер не учитывает, что развитие идет через скачки и результатом такого перехода становится новое качество, качественно иное явление.

Если так, то не ясно ли, что то же самое должно быть справедливо по отношению ко всем вещам, подверженным развитию? Разве наука не растет? Разве наука не имеет своей эмбриологии? Не должно ли пренебрежение ее эмбриологией вести к ложному пониманию принципов ее развития и ее настоящей организации?

Итак, есть априорные основания для того, чтобы усомниться в истинности всякой философии наук, которая безмолвно опирается на общее мнение, что научное знание и обыкновенное знание различны, вместо того чтобы начинать, как бы должно было, соподчинением их одно другому и указанием того, как они

постепенно стали отличаться одно от другого. Мы можем ожидать, что обобщения такой философии окажутся существенно искусственными, и мы не ошибемся. Некоторые примеры могут быть удобно приведены здесь как введение к краткому очерку генезиса науки с указанной точки зрения. Мы не можем привести более удобных примеров, как те, которые представляются некоторыми из разнообразных классификаций наук, предлагавшихся в разное время. Рассмотрение всех таких классификаций заняло бы слишком много места; мы должны удовольствоваться только некоторыми из новейших.

Начиная с тех классификаций, которые скорее всего могут быть устраниены, укажем прежде всего на распределение, предложенное Океном. В извлечении оно таково:

ЧАСТЬ I. Матезис. — Пневматогения. Первичное искусство, Первичное сознание, Бог, Первичный покой, Время, Полярность, Движение, Человек, Пространство, Точка, Линия, Поверхность, Шар, Вращение — Гилогения: Тяжесть, Вещество, Эфир, Небесные тела, Свет, Теплота, Огонь. (По его объяснению, Матезис есть наука о целом; Пневматогения — наука о невичественных целых; Гилогения — о вещественных целых.)

ЧАСТЬ II. Онтология. — Космогения: Покой, Центр, Движение, Линия, Планеты, Форма, Планетная система, Кометы. — Стихиогения: Сгущение, Простое вещество, Элементы, Воздух, Вода, Земля. — Стихиология: Функции элементов и пр. и пр. — Царства Природы: Неделимые. (Он говорит в объяснении, что «Онтология учит нас явлениям материи. Первые из них представляются нам небесными телами, обнимаемыми Космогенией. Они разделяются на элементы — Стихиогения. Земной элемент разделяется на минералы — Минералогия. Они соединяются в одно коллективное тело — Геогения. Целое в особях есть живущее, или Органическое, которое снова разделяется на растения и животных. Биология, следовательно, разделяется на Органогению, Фитософию, Зоософию».)

ПЕРВОЕ ЦАРСТВО. — Минералы. Минералогия, Геология.

ЧАСТЬ III. Биология. — Органософия, Фитогения, Фитофизиология, Фитология, Зоогения, Физиология, Зоология, Психология.

Беглый взгляд на этот беспорядочный план показывает, что это есть не что иное, как попытка классифицировать знание не в том порядке, в каком оно созидалось или могло созищаться в человеческом сознании, но в предполагаемом порядке творения. Это псевдонаучная космогония, сродная тем, какие люди предлагали с самых ранних времен, и немного более их заслуживающая уважения. Поэтому она не может признаваться достойной большего внимания со стороны того, кто, подобно нам, полагает, что опыт есть единственное начало знания. Иначе полезно бы, быть может, остановиться на несоответствиях распределения, спросить, как можно рассматривать движение прежде пространства? Как может быть вращение без вращающейся мате-

рии? Как можно говорить о полярности, не подразумевая точек и линий? Но для нашей настоящей цели достаточно будет указать только немногие из крайних нелепостей, вытекающих из учения, которого Окен, кажется, придерживается вместе с Гегелем, учения, что «философствовать о природе значит снова переосмысливать великую мысль творения». Вот пример: «Математика есть всеобщая наука, точно так же как и физиофилофия, хотя она есть только часть или лучше, только одно из условий Вселенной. Обе они одно и то же, или, взаимно совпадают».

«Математика, однако же, есть наука чистых форм без субстанции. Физиофилофия, следовательно, есть математика, одаренная субстанцией».

С английской точки зрения кажется довольно забавным, что такой догмат выставляется не только серьезно, но выставляется как бесспорная истина. Здесь мы видим опыты количественных отношений, добытые из окружающих тел и обобщенные человеком (опыты, которые почти повсюду были обобщены при самом начале исторического периода); эти обобщенные опыты, эти умственные отвлеченностии возводятся в конкретные действительности, вдвигаются назад в природу и рассматриваются как внутренняя основа вещей, как скелет, которым поддерживается материя. Но эта новая форма древнего реализма еще не представляет собою самого запутанного из физиофилофических принципов. Мы видим далее, что: «Высочайшая математическая идея или основной принцип всей математики есть нуль=0».

«Нуль сам по себе ничто. Математика имеет в основе своей ничто и, следовательно, возникает из ничего».

«Поэтому возможно, чтобы из ничего возникло нечто; потому что математика, состоящая из положений, представляет сою по отношению к нулю».

В современных условиях философия образования должна стать для всех участников образовательного процесса научным ориентиром, системой жизненных координат. Сущностное основание философии образования — наличие в педагогической области, как и в духовной сфере, бытии в целом, всеобщих, «сквозных», универсальных связей, тенденций, противоречий и закономерностей развития, пронизывающих все составляющие образовательного процесса.

Посредством подобных «следовательно» и «поэтому» философствуют люди, когда они «переосмысливают великую мысль творения». Посредством догматов, которые имеют притязание быть доводами, ничто сделано производителем математики, а облекая математику материей, мы получаем Вселенную. Если мы станем отрицать, как мы и в самом деле отрицаем, чтобы высочайшая математическая идея была нуль; если, с другой стороны, мы станем утверждать, как мы и в самом деле утверждаем, что

основная идея всей математики есть идея равенства, — то вся космогония Окена исчезает. Здесь мы можем видеть отличительную особенность германского метода мышления в этих предметах, незаконнорожденного априористического метода, как бы его можно было назвать.

Истинный априористический метод выставляет положения, отрицание которых немыслимо; незаконный же априористический метод выставляет или такие положения, отрицание которых непостижимо, или положения, подобные положениям Окена, которых утверждение непостижимо.

Нет надобности далее продолжать этот анализ. Мы могли бы в подробности описать ступени, по которым Окен дошел до заключений, что «планеты суть сгущенные цвета, потому что они суть сгущенный свет: что сфера есть протяженное ничто»; что тяжесть есть «весомое ничто, тяжелая сущность (эссенция), стремящаяся к центру»; что «земля есть тождественное, вода — безразличное, воздух — различное, или первая есть — центр, вторая — радиус, а третий — поверхность всеобщего шара или огня». Делать замечания на эти положения было бы столь же нелепо, как нелепы самые положения. Переайдем к другой германской системе познания, к системе Гегеля.

Простой факт, что Гегель ставит Якова Бёма наравне с Бэкона, достаточен, чтобы доказать, что его точка зрения далеко отстоит от той, которая обыкновенно считается научной, — в сущности, так далеко, что нелегко найти общее основание для критики. Те, которые думают, что дух человека образуется соответственно окружающим вещам и действием этих вещей, неизбежно недоумевают, как относиться к людям, подобным Гегелю и Шеллингу, которые утверждают, что окружающие вещи суть отверженный дух; что природа есть «окаменелый разум»; однако же бросим беглый взгляд на классификацию Гегеля. Он разделяет философию на три части.

- 1) Логика, или наука об идее в самой себе, чистой идее.
- 2) Философия природы, или наука об идее, рассматриваемой под другой ее формой, — об идее как природе.
- 3) Философия духа, или наука об идее в ее возвращении к самой себе.

Из них вторая разделяется на естественные науки, под их обыкновенными названиями; в более подробной форме ряд идет так: логика, механика, физика, органическая физика, психология.

Теперь, если мы будем верить вместе с Гегелем: во-первых, что мысль есть истинная сущность человека, во-вторых, что мысль есть сущность мира и что, таким образом, в нем нет ничего, кроме мысли, — в таком случае его классификация, начинаящаяся наукой о чистой мысли, может быть принята. Иначе же является очевидное возражение против этого распределения, состоящее в том, что мысль подразумевает мыслимые вещи, что не может быть логической формы без чего-либо подлежащего опы-

ту, что наука об идее и наука о вещах должны иметь одновременное начало.

Однако Гегель предвидит это возражение и в своем упорном идеализме утверждает истинность противного, т.е. что все содержимое в формах должно быть мыслью, чтобы стать чем-нибудь; что логические формы суть основания всех вещей.

Неудивительно, что, исходя из таких посылок и умозаключая по этому способу, Гегель доходит до странных заключений. Из пространства и времени он строит движение, материю, отталкивание, протяжение, тяжесть и инерцию. Затем он переходит к логическому развитию Солнечной системы и далеко расходится с Ньютонаской теорией. Путем силлогизма он доходит до убеждения, что планеты суть наиболее совершенные из небесных тел; и, не будучи в состоянии ввести звезды в свою теорию, говорит, что они только формальные бытия, а не живое вещества и что в сравнении с Солнечной системой они так же мало заслуживают внимания, как накожная сыпь или рой мух. Несколько любопытно, что автор сочинения *Многочисленность миров*, преследуя совершенно другие цели, привел себя к подобным же заключениям. Столь несообразные результаты можно было бы оставить, как сами себя опровергающие; но мыслители этого класса не смущаются тем, как бы далеко ни расходились их выводы с установленными мнениями. Единственно действительный способ рассмотрения систем, подобных системе Гегеля, состоит в том, чтобы доказать, что они сами себя разрушают, что на первых своих ступенях они покидают тот самый авторитет, на котором основываются все последующие ступени. Если Гегель думает (а он это, очевидно, думает), что он развивает свою схему путем рассуждения, т.е. что он представляет последовательные выводы как необходимо следующие из известных посылок, — то он тем самым предполагает постулат, что верование, которое необходимо вытекает из известного предшествующего, есть истинное верование; если бы затем противник на один из его выводов возразил, что хотя противоположное и не может быть мыслимо, но оно истинно, — то такое возражение Гегель счел бы нерациональным. Однако процедура, которую он таким образом осудит, как разрушающую всякое мышление, есть именно процедура, представляющаяся в изложении его собственных основных начал. Человечество оказывается неспособным понять, чтобы могла быть мысль без мыслимой вещи. Гегель, однако же, утверждает, что может быть мысль без мыслимой вещи. Высший критерий истинности положения

NB Г.Спенсер заметил одну из особенностей науки — опираться не только на опыт, не только на теорию и логическое мышление, но и на Веру. Действительно, без веры нет науки. Но великое значение гегелевского метода Г.Спенсер не понял и косвенно признается в этом («если он (Гегель) исходит из непонятных положений...»). Будем помнить, что Г.Спенсер — инженер, и это могло стать препятствием в развитии его философско-

го мышления. Он не «засигнировал», что методологические открытия Гегеля широко используются современной ему наукой. Рационализм Гегеля был чрезмерным, в этом Спенсер прав, но чрезмерная рациональность — одна из вечных издержек «мыслительного производства».

что хотя отдельный вывод, делаемый им, как для его ума, так и для всех умов кажется необходимым следующим из посылок, однако он ложен, а противный вывод верен. Или — поставим дилемму в другой форме: если он исходит из непонятных положений, то с равным удобством может и все последующие свои положения сделать непонятными, т.е. на каждой ступени своего умозаключения выводит следствие, прямо противоположное тому, которое, по-видимому, должно бы вытекать отсюда.

Так как гегелевский способ процедуры убивает себя по самому существу своему, то и гегелевская классификация, основанная на нем, ниспровержается. Рассмотрим теперь классификацию Конта.

Ф

Спенсер с детства привык искать причинность явлений, и его ум был сосредоточен именно на этой проблеме, отсюда не удивительно, что, будучи последователем Конта, он подвергает отдельные его теории и высказывания критике.

Все читатели Конта должны допустить, что он представляет нам распределение наук, которое, будучи не похоже на все предшествующие, требует почтительного рассмотрения. Как ни далеко мы расходимся с ним, мы охотно признаем широту его взглядов,

NB *Сегодня в школе и в университете разные области мира изучаются отдельно друг от друга, «разведены» по разным учебным дисциплинам. Связь между ними, как правило, не определяется. В голове у учащегося возникает «каша» из отдельных, не связанных друг с другом знаний. Трудно в таких условиях создать основу для выработки целостного мировоззрения. Без мировоззрения.*

— неспособность человеческого ума понять отрицание его, — во всех других случаях признаваемый им за непогрешимый, он признает слабым там, где это ему удобно, и в то же самое время отрицает у противника право следовать его примеру. Если он властен устанавливать догматы, прямо отрицающие то, что признано человеческим сознанием, то и противник его также властен останавливать на каждом шагу его рассуждение замечанием,

что хотя отдельный вывод, делаемый им, как для его ума, так и для всех умов кажется необходимым следующим из посылок, однако он ложен, а противный вывод верен. Или — поставим дилемму в другой форме: если он исходит из непонятных положений, то с равным удобством может и все последующие свои положения сделать непонятными, т.е. на каждой ступени своего умозаключения выводит следствие, прямо противоположное тому, которое, по-видимому, должно бы вытекать отсюда.

Так как гегелевский способ процедуры убивает себя по самому существу своему, то и гегелевская классификация, основанная на нем, ниспровержается. Рассмотрим теперь классификацию Конта.

зрений, ясность его рассуждений и ценность его умозрений, как содействующих умственному прогрессу. Если бы мы верили в возможность линейного распределения наук, мы приняли бы распределение Конта. Его основные положения совершенно понятны и если не истинны, то имеют значительное подобие истины. Последовательные ступени его рассуждения согласованы логически; заключения свои он подтверждает значительным числом доказательств, которые, пока они не исследованы критически и не встреча-

зрения нет личности в философском, а не в психологическом понимании этого слова. Поэтому принимающие эту аксиому педагогические коллектизы вводят в школьную программу такие интегрированные предметы, как «Современный мир», «Естественнонаучные картины мира» или «Законы окружающего мира».

Попытки Гегеля, Конта, Спенсера разработать связи между науками являются важными, необходимыми и могут побудить учителя, преподавателя, педагога давать свой предмет и его явления во Всеобщей взаимосвязи.

Метод Гегеля в этом отношении более плодотворен, чем изыскания позитивистов, часто, вопреки своим заявлению, идущих не от действительности и ее законов, а от искусственных рациональных конструкций.

ют противоположных доказательств, подтверждают, по-видимому, его положения.

Но стоит только принять антагонистическое положение, какое должно приниматься относительно новых доктрин, — приниматься в том убеждении, что если эти доктрины истинны, то они окрепнут от победы над противниками, — стоит только испытать его главные доктрины или другими фактами, а не теми, которые он указывает, или его собственными, но иначе примененными, чтобы обнаружить несостоятельность этих доктрин. Мы намерены поступить таким образом с общим принципом, на котором он основывает свою иерархию наук.

Во второй главе своего Курса позитивной философии Конт говорит: «Наша задача состоит в том, чтобы найти единственный рациональный порядок во всей массе возможных систем. Этот порядок определяется степенью простоты или — что то же самое — общности их явлений». И распределение, выводимое им, идет таким образом: математика, астрономия, физика, химия, физиология, социальная физика. «Это, — утверждает он, — есть истинная филиация наук». Он утверждает далее, что начало прогрессивного движения от большей к меньшей степени общности, «обусловливающее такое распределение всей массы наук, распределяет также и части каждой науки». Наконец, он утверждает, что градации между науками и их частями, установленные таким образом а priori, «находятся в существенном соответствии с порядком, который самопроизвольно установился между отраслями естествознания или, другими словами, что он соответствует порядку исторического развития.

Сравним эти положения с фактами. Чтобы быть совершенно беспристрастными, мы не будем делать выбора, а остановимся в нашем сравнении на ближайшем отделе, трактующем о первой науке — математике, и не будем ничем пользоваться, кроме собственных фактов Конта и то последующие ступени. Если Гегель думает (а он это, очевидно, думает), что он развивает свою схему путем рассуждения, т.е. что он представляет последовательные выводы как необходимо следующие из известных посылок, — то он тем самым предполагает постулат, что верование, которое не-

обходимо вытекает из известного предшествующего, есть истинное верование; если затем противник на один из его выводов возразил, что хотя противоположное и не может быть мыслимо, но оно истинно, — то такое возражение Гегель счел бы нерациональным. Однако процедура, которую он таким образом осудит, как разрушающую всякое мышление, есть именно процедура, представляющаяся в изложении его собственных основных начал. Человечество оказывается неспособным понять, чтобы могла быть мысль без мыслимой вещи. Гегель, однако же, утверждает, что может быть мысль без мыслимой вещи. Высший критерий истинности положения — неспособность человеческого ума понять отрицание его, — во всех других случаях признаваемый им за непогрешимый, он признает слабым там, где это ему удобно, и в то же самое время отрицают у противника право следовать его примеру. Если он властен устанавливать доктрины, прямо отрицающие то, что признано человеческим сознанием, то и противник его также властен останавливать на каждом шагу его рассуждение замечанием, что хотя отдельный вывод, делаемый им, как для его ума, так и для всех умов кажется необходимым следующим из посылок, однако он ложен, а противный вывод верен. Или — поставим дилемму в другой форме: если он исходит из непонятных положений, то с равным удобством может и все последующие свои положения сделать непонятными, т.е. на каждой ступени своего умозаключения выводит следствие, прямо противоположное тому, которое, по-видимому, должно бы вытекать отсюда.

Так как гегелевский способ процедуры убивает себя по самому существу своему, то и гегелевская классификация, основанная на нем, ниспровергается. Рассмотрим теперь классификацию Конта.

Ф

Концепция функциональности социальных связей, выдвинутая О.Контом, в работах Г.Спенсера была доведена до прямых аналогий с учением Ч.Дарвина применительно к эволюции общественного организма.

Все читатели Конта должны допустить, что он представляет нам распределение наук, которое, будучи не похоже на все предшествующие, требует почтительного рассмотрения. Как ни далеко мы расходимся с ним, мы охотно признаем широту его взглядов, ясность его рассуждений и ценность его умозрений, как содействующих умственному прогрессу. Если бы мы верили в возможность линейного распределения наук, мы приняли бы распределение Конта. Его основные положения совершенно понятны и если не истинны, то имеют значительное подобие истины. Последовательные ступени его рассуждения согласованы логически: заключения свои он подтверждает значительным числом доказательств, которые, пока они не исследованы критически и не встречают противоположных доказательств, подтверждают, по-видимому, его положения.

Но стоит только принять антагонистическое положение, которое должно приниматься относительно новых доктрин, — приниматься в том убеждении, что если эти доктрины истинны, то они окрепнут от победы над противниками, — стоит только испытать его главные доктрины или другими фактами, а не теми, которые он указывает, или его собственными, но иначе примененными, чтобы обнаружить несостоятельность этих доктрин. Мы намерены поступить таким образом с общим принципом, на котором он основывает свою иерархию наук.

Во второй главе своего Курса позитивной философии Конт говорит: «Наша задача состоит в том, чтобы найти единственный рациональный порядок во всей массе возможных систем. Этот порядок определяется степенью простоты или — что тоже самое — общности их явлений». И распределение, выведенное им, идет таким образом: математика, астрономия, физика, химия, физиология, социальная физика. «Это, — утверждает он, — есть истинная филиация наук». Он утверждает далее, что начало прогрессивного движения от большей к меньшей степени общности, «обусловливающее такое распределение всей массы наук, распределяется также и части каждой науки». Наконец, он утверждает, что градации между науками и их частями, установленные таким образом а priori, «находятся в существенном соответствии с порядком, который самопроизвольно установился между отраслями естествознания или, другими словами, что он соответствует порядку исторического развития».

Сравним эти положения с фактами. Чтобы быть совершенно беспристрастными, мы не будем делать выбора, а остановимся в нашем сравнении на ближайшем отделе, трактующем о первой науке — математике, и не будем ничем пользоваться, кроме собственных фактов Канта и того, что он сам допускает. Ограничивааясь одной этой наукой, мы, разумеется, должны сравнивать различные ее части. Конт говорит, что части каждой науки должны быть распределены в порядке их убывающей общности и что этот порядок убывающей общности согласуется с порядком исторического развития. Мы должны поэтому исследовать, подтверждает ли история математики это положение.

Прилагая к делу свой принцип, Конт разделяет математику на «абстрактную математику, или счисление (принимая это слово в самом обширном смысле), и конкретную математику, которая состоит из общей геометрии и рациональной механики». Предмет первой из них есть число, предмет второй обнимает пространство, время, движение, силу. Первая обладает высшей степенью общности, какая возможна, потому что все какие бы то ни было вещи допускают перечисление. Вторая менее обща, так как существует бесчисленное множество явлений, которых нельзя познать ни посредством общей геометрии, ни посредством рациональной механики. Следовательно, сообразно с принимаемым законом, разви-

тие счисления повсюду должно было предшествовать развитию конкретных поднаук. Несколько неловко для себя Конт, в первом же замечании относительно этого пункта, говорит, что «с исторической точки зрения математический анализ, кажется, возник из созерцания геометрических и механических фактов». Но далее он замечает, что «этот анализ — логически говоря — все-таки независим от этих наук (геометрии и механики)», потому что «аналитические идеи более всех других всеобщи, отвлечены и просты, и геометрические понятия необходимо основаны на них». Мы не воспользуемся последним утверждением, чтобы обвинить Кonta в учении наподобие гегелевского, что мысль может существовать без предмета мышления. Мы просто удовольствуемся сравнением двух положений, что анализ возникает из созерцания геометрических и механических фактов и что геометрические понятия основаны на аналитических. Понимаемые буквально, эти положения вполне уничтожают друг друга. Но толкуемые в более широком смысле, они предполагают то, что, по нашему мнению, может быть доказано, а именно — что геометрические и аналитические понятий имеют одновременное происхождение. Это место или не имеет смысла, или принимает, что абстрактная и конкретная математика современны одна другой. Таким образом, на самой первой ступени показанное соответствие между порядком общности и порядком развития оказывается несостоятельным.

Но, может быть, абстрактная и конкретная математика и получили свое начало в одно и то же время, но впоследствии одна развивалась быстрее другой и с тех пор оставалась всегда впереди нее? Нет, — мы призываем в свидетели опять самого Кonta. К счастью для своей аргументации, он ничего не сказал относительно первых ступеней абстрактного и конкретного отделов после расхождения их от общего корня, иначе появление алгебры долго спустя после того, как греческая геометрия достигла высокой степени развития, было бы фактом, с которым ему оказалось бы неудобным иметь дело. Но, оставляя это в стороне и ограничиваясь его собственными положениями, мы находим в начале следующей главы допущение, что «историческое развитие абстрактной части математической науки, со времени Декарта, по большей части определялось развитием конкретной части». Далее относительно алгебраических функций говорится, что «многие функции были конкретны при своем происхождении — даже те из них, которые в настоящее время совершенно абстрактны, и что древние открывали только путем геометрических определений элементарные алгебраические свойства функций, которым численное значение стало придаваться гораздо позже, делая для нас абстрактным то, что было конкретным для древних геометров». Как же примирить эти положения с доктриной Кonta? Мало того, разделив счисление на алгебраическое и арифметическое, Конт допускает — как он необходимо и должен допустить, — что алгебраическое счисление более обще, чем арифметическое, однако же он не скажет, что алгебра-

бра предшествовала арифметике по времени. Далее, разделив исчисление функций на исчисление прямых функций (общая алгебра) и на исчисление непрямых функций (трансцендентный анализ), он поставлен в необходимость сказать, что последний обладает высшей общностью, чем первый, однако же происхождение его относится к гораздо более позднему времени. Правда, косвенным образом Конт сам признает это несоответствие, потому что он говорит: «Может казаться, что трансцендентный анализ должен был быть изучаем прежде обыкновенного, так как он приготовляет уравнения, разрешаемые последним, но хотя трансцендентный анализ логически независим от обыкновенного, лучше следовать принятому методу изучения, т.е. начинать с обыкновенного». Во всех этих случаях, как и в заключении отдела, где он предсказывает, что со временем математики «создадут процессы более широкой общности». Конт делает допущения, диаметрально противоположные принятому им закону.

В следующих главах, в которых рассматривается конкретный отдел математики, мы находим подобные же противоречия. Конт сам называет геометрию древних специальной геометрией, а геометрию новейшего времени общей геометрией. Он допускает, что, тогда как «древние изучали геометрию по отношению к известным телам или специально, в новейшее время ее изучают по отношению к рассматриваемым явлениям, или вообще». Он допускает, что, тогда как «древние извлекали все, что могли, из одной линии или поверхности, прежде нежели переходили к другой», «новейшие математики, со временем Декарта, занимаются вопросами, которые относятся к какой бы то ни было фигуре». Эти факты совершенно противны тому, что должно бы быть согласно его теории. Точно то же оказывается и по отношению к механике. Прежде разделения ее на статику и динамику Конт разбирает три закона движения, и должен поступить так, потому что статика, наиболее общий из этих двух отделов, хотя и не обнимает собою движения, невозможна как наука, пока не установлены законы движения. Между тем законы движения относятся к динамике, более частному отделу. Далее Конт замечает, что после Архимеда, открывшего закон равновесия рычага, статика не делала успехов до тех пор, пока установление динамики не дало нам возможности искать «условий равновесия с помощью законов сложения сил», — и присовокупляет: «Теперь этот метод вошел во всеобщее употребление. На первый взгляд это кажется не особенноrationально, потому что динамика сложнее статики, а предшествовать должно бы то, что проще. Но на деле будет более научно отнести динамику к статике, как делали с тех пор». Различные открытия, рассмотренные затем в частности, показывают, как развитие статики было подвинуто вперед рассмотрением ее задач с точки зрения динамики, и перед заключением отдела Конт замечает: «Прежде чем гидростатика могла быть включена в статику, необходимо было, чтобы абстрактная теория равновесия была обобщена до прямого приложения к

жидким, так же как и к твердым, телам. Это было достигнуто, когда Лагранж поставил в основание всей рациональной механики единое начало возможных скоростей». В этом положении мы имеем два факта, прямо не согласных с доктриной Канта: первый, что простейшая наука, статика, достигла своего настоящего развития только при помощи начала возможных скоростей, которое принадлежит более сложной науке, динамике, — и второй, что это «единое начало», лежащее в основе всей рациональной механики, этой самой общей формы, одинаково включающей отношения статических, гидростатических и динамических сил, было добыто только во времена Лагранжа.

Таким образом, несправедливо, чтобы историческая последовательность в отделах математики соответствовала порядку убывающей общности. Несправедливо, чтобы абстрактная математика развила прежде и независимо от конкретной математики. Несправедливо, чтобы в подразделениях абстрактной математики более общие отделы явились прежде специальных. И несправедливо, чтобы конкретная математика, в каждом из двух ее отделов, начиналась более абстрактными и переходила к менее абстрактным истинам.

Полезно, может быть, заметить мимоходом, что Конт, защищая принимаемый им закон перехода от общего к частному, где делает замечания о двух значениях слова общий, могущих дать повод к сбивчивости. Не говоря о том, может ли утверждаемое различие бытьдержано в других случаях, ясно, что в этом случае оно не существует. В разных примерах, приведенных выше, старания самого Канта скрыть или объяснить иначе предшествование специального общему ясно указывают, что общность, о которой там говорится, того же самого рода, какой подразумевается его формулой. И достаточно беглого рассмотрения предмета, чтобы показать, что, даже если бы он и покушался на это, он не мог бы отличить той общности, которая, как показано выше, часто приходит напоследок, от общности, которая, по его словам, всегда идет впереди. Ибо какова природа того умственного процесса, посредством которого объекты, измерения, веса, времена и пр. становятся способными получить численное выражение для своих отношений? Этот процесс есть образование известных абстрактных понятий единства, двойственности и множественности, которые одинаково приложимы ко всем вещам. Это есть изобретение общих символов, служащих для выражения числовых отношений между бытиями, каковы бы ни были их особенные характеры. Какова же природа умственного процесса, посредством которого числа получают возможность иметь алгебраическое выражение для своих отношений? Природа этого процесса та же самая. Это есть образование известных абстрактных понятий о численных функциях, остающихся неизменными при всякой величине чисел. Это — изобретение общих символов, служащих для выражения отношений между числами, как числа служат для выражения от-

ношений между вещами. Арифметика может выразить одной формулой величину частной касательной к частной кривой; алгебра может выразить одной формулой величины всех касательных к частной кривой; трансцендентальный анализ может выразить одной формулой величины всех касательных ко всем кривым. Точно так, как арифметика имеет дело с общими свойствами линий, поверхностей, объемов, сил, времен, так алгебра имеет дело с общими свойствами чисел, представляемых арифметикой.

Доказав, что принимаемый Контом закон прогрессивного движения несостоителен для отдельных частей одной и той же науки, посмотрим теперь, насколько этот закон согласен с фактами, если приложить его к отдельным наукам. «Астрономия, — говорит Конт в начале III книги, — со своей геометрической стороны была положительной наукой уже с самых древнейших времен Александрийской школы; между тем как физика, которую мы теперь намерены рассмотреть, не имела вовсе положительного характера до тех пор, пока Галилей не сделал великого открытия своего о падении тяжелых тел». На это мы заметим просто, что это ложное представление, основанное на произвольном злоупотреблении словами, — чистая игра слов. Вознамерившись исключить из земной физики те законы величины, движения и положения, которые он включает в небесную физику, Конт показывает этим, что одна из них ничем не обязана другой. Однако это не только не может быть допущено, но и радикально не соответствует его собственному плану разделений. Вначале он говорит (так как этот пункт важен, то мы приводим его в подлиннике): «Pour la physique inorganique nous voyons d'abord, en nous conformant toujours à l'ordre de généralité et de dépendance des phénomènes, qu'elle doit être partagée en deux sections distinctes, suivant qu'elle considère les phénomènes généraux de l'univers, ou, en particulier, ceux qui présentent les corps terrestres. D'où la physique céleste, ou l'astronomie, soit géométrique, soit mécanique; et la physique terrestre» («Относительно неорганической физики мы видим прежде всего, соображаясь по-прежнему с порядком общности и зависимости явлений, что она должна быть разделена на два самостоятельных отдела, смотря по тому, рассматривает ли общие явления Вселенной или, в частности, явления, представляемые земными телами. Отсюда небесная физика, или астрономия, как геометрическая, так и механическая, и земная физика»). Здесь, следовательно, неорганическая физика ясно разделяется на небесную физику и физику земную, т.е. на явления, представляемые Вселенной, и явления, представляемые земными телами. Если же небесные и земные тела представляют некоторые общие главные явления (как это и есть), то каким образом можно считать обобщение этих общих явлений принадлежащим скорее одному классу, нежели другому? Если неорганическая физика включает геометрию (что признает Конт, помещая геометрическую астрономию в одно из ее подразделений, т.е. в небесную физику) и если ее подразделение, земная физика, рассуждает о вещах,

имеющих геометрические свойства, то каким образом законы геометрических отношений могут быть исключены из земной физики? Ясно, что если небесная физика заключает геометрию предметов в небесах, то земная физика заключает геометрию предметов на земле. Если же земная физика включает в себя земную геометрию, а небесная физика — небесную геометрию, то геометрическая часть земной физики предшествует геометрической части небесной физики, так как геометрия приобретает свои первые идеи из окружающих предметов. До тех пор пока люди не изучили геометрических отношений на земных телах, для них невозможно было понять геометрические отношения небесных тел. Точно то же приходится сказать и о небесной механике, которая имеет свое начало в земной механике. Самое понятие о силе, лежащее в основании всей механической астрономии, заимствовано из наших земных опытов, и главные законы механического действия, обнаруживающегося на весах, рычагах, полете брошенных тел и т.п., должны были быть узаны прежде, чем могла начаться динамика Солнечной системы. Какими законами пользовался Ньютон, вырабатывая свое великое открытие? Законом падения тел, открытый Галилеем; законом сложения сил, также открытый Галилеем; законом центробежной силы, определенным Гюйгенсом, — все это представляет обобщение земной физики. Однако и при этих фактах Конт ставит астрономию прежде физики в порядке развития! Он не сравнивает между собой геометрических частей той и другой и механических частей той и другой, потому что результат такого сравнения не подходил бы к его гипотезе. Он сравнивает геометрическую часть одной с механической частью другой и таким образом дает своему положению подобие истины. Он увлечен на ложный путь ошибкою в словах. Если бы он сосредоточил свое внимание на вещах и пренебрегал словами, он увидел бы, что, прежде чем человечество научно привело в порядок какой бы то ни было класс явлений, представляющихся в небесах, оно предварительно привело в порядок параллельный класс явлений, представляющихся на поверхности земли.

Если б нужно было, мы могли бы наполнить десятки страниц несообразностями Контова плана. Но предыдущих примеров будет достаточно. Его закон развития наук так несостоятелен, что, следуя примеру самого же Канта и произвольно игнорируя один класс фактов, можно будет представить весьма правдоподобное обобщение, которое будет прямо противоположно тому, какое он выражает. Тогда как он утверждает, что рациональный порядок наук, сходный с порядком их исторического развития, «определяется степенью простоты или — что то же — степенью общности их явлений», можно утверждать, напротив, что, начиная со сложного и особенного, человечество идет постепенно к познанию более простого и более общего.

На это существует так много доказательств, что Уэвелль, в своей Истории индуктивных наук, делает такого рода общее замечание

ние: «Читатель уже много раз видел в изложении этой истории, что сложные и производные принципы представляются умам людей прежде простых и элементарных». Даже из собственного сочинения Конта можно выбрать много фактов, признаний, аргументов, показывающих то же самое. Мы уже ссылались на его слова в доказательство того, что как абстрактная, так и конкретная математика шла к высшей степени общности и что надо ожидать впереди еще более высокой общности. Чтобы усилить эту гипотезу, возьмем еще пример. От частного случая весов, закон равновесия которых был близко знаком самым древним народам, Архимед перешел к более общему случаю равно- или неравноплечего рычага, закон равновесия которого включает закон весов. При помощи Галилеева открытия относительно составления сил Д'Аламбер «установил в первый раз уравнения равновесия какой бы то ни было системы сил, приложенных в разных точках твердого тела», — уравнения, которые включают все случаи рычагов и бесчисленное множество других случаев. Ясно, что это прогресс к высшей общности, к познанию, более независимому от частных обстоятельств, к изучению явлений, «наиболее свободных от обстоятельств частного случая» и составляющих, по определению Конта, «самые простые явления». Из общепринятого факта, что умственный прогресс идет от конкретного к абстрактному, от частного к общему, — из одного этого факта не вытекает ли уже, что всеобщие и, следовательно, самые простые истины должны открываться после всех? Если мы когда-нибудь успеем возвести все порядки явлений к некоторому единому закону, — положим, хоть к закону действия атомов, как намекает Конт, — не должен ли этот закон, согласно Конту, быть независимым от всех других и, следовательно, самым простым? И не должен ли такой закон обобщить явления тяжести, сцепления, сродства атомов и электрического отталкивания точно так, как законы чисел обобщают количественные явления пространства, времени и силы?

Возможность сказать так много в подтверждение гипотезы, прямо противной гипотезе Конта, сразу показывает, что его обобщение есть только полуистина. Факт тот, что ни одна из этих гипотез не правильна сама по себе, и действительность выражается только сочетанием их обеих. Прогресс науки двойной: он вместе идет от частного к общему и от общего к частному; он в одно и то же время аналитичен и синтетичен.

Конт сам замечает, что развитие науки совершено было разделением труда. Но он совершенно неверно определяет способ, по которому действовало это разделение труда. По его понятию, это было просто распределение явлений по классам и изучение каждого класса отдельно. Он не признает постоянного действия прогресса одного какого-либо класса на все другие классы, а признает это действие только на класс, непосредственно следующий в его иерархическом порядке. Или если он случайно и допускает побочные влияния и взаимные сообщения, то делает это

так неохотно, так быстро теряет это из виду и забывает, что является впечатление, будто бы науки, с незначительными исключениями, помогают одна другой только в порядке принимаемой им последовательности. Дело, однако, в том, что разделение труда в науке, подобно разделению труда в обществе и подобно «физиологическому разделению труда» в индивидуальных организмах, было не только специализацией направлений, но и постоянным вспомоществованием одному отделу со стороны всех других и всем со стороны каждого. Каждый отдельный класс исследователей как бы выделил свой собственный частный порядок истин из общей массы материала, накопленного наблюдением; и все другие классы исследователей пользовались этими истинами, по мере того как они вырабатывались; результатом этого была возможность для каждого успешнее разрабатывать его собственный порядок истин. Так было в различных случаях, на которые мы сослались в опровержение теории Канта. Так было с применением оптического открытия Гюйгенса к астрономическому наблюдению Галилея. Так было с приложением изохронизма маятника к устройству инструментов для измерения промежутков времени, астрономических и других. Так было с открытием, что преломление и рассеяние света следуют не одному и тому же закону изменения: это открытие имело влияние как на астрономию, так и на физиологию, дав нам ахроматические телескопы и микроскопы. Так было, когда Брадлеево открытие aberrации света дало ему возможность сделать первый шаг к определению движений звезд. Так было, когда опыты Кавендиша над крутильными весами определили удельный вес Земли и таким образом сообщили нам данные для вычисления удельного веса Солнца и планет. Так было, когда таблицы атмосферического преломления дали возможность наблюдателям записывать действительные места небесных тел вместо их видимых мест. Так было, когда открытие различного расширения металлов от теплоты дало нам средства исправлять наши хронометрические измерения астрономических периодов. Так было, когда линии призматического спектра были употреблены для распознания небесных тел, по природе похожих на Солнце, от тех, которые не сходны с ним. Так было с недавним изобретением электротелеграфического снаряда для более точного записывания меридиональных прохождений. Так было, когда различие в ходе часов под экватором и у полюсов доставило данные для вычисления сплющенности Земли и для расчета предварения равноденствий. Так было... но больше нет надобности приводить примеров. При ограниченном знании истории астрономии мы могли набрать десять случаев, в которых эта наука обязана своим развитием наукам, следующим за нею в Контовом ряду. Не только ее второстепенные ступени, но даже самые важные перевороты ее определялись таким образом. Кеплер не открыл бы своих знаменитых законов, если бы не существовало точных наблюдений Тихо Бра-

ге; усовершенствованные же орудия, при помощи которых следы эти наблюдения, были возможны только после некоторого прогресса в физике и химии. Гелиоцентрическая теория Солнечной системы ожидала изобретения телескопа для того, чтобы установиться окончательно. Чего же лучше, даже величайшее из открытий, открытие закона тяготения, в своем доказательстве зависело от операции, входящей в физику, именно от измерения градуса на земной поверхности. Эта зависимость была так полна, что Ньютона действительно оставил было свою гипотезу, так как длина градуса по тогдашнему определению приводила к ложным результатам, и только после обнародования Пикаром более точного измерения обратился он снова к своим вычислениям и доказал свое великое обобщение. Эта постоянная взаимность, которую мы, для краткости, указали только в одной науке, имела место и во всех прочих. Во все продолжение развития наук между ними существовала постоянная связь (*consensus*), связь, имеющая общее соответствие со связью способностей в каждом из фазисов умственного развития, так как первые представляют собою объективную летопись субъективного состояния вторых.

С нашей настоящей точки зрения, идея линейного распределения наук становится, таким образом, очевидно несостоятельной. Дело не в том только, что классификация, как говорит Конт, «заключает в себе всегда нечто если не произвольное, так, по крайней мере, искусственное», и не в том, будто бы — как он думает уверить нас, — помимо маловажных недостатков, классификация может быть, в сущности, верна, — а в том, что всякая группировка наук в преемственном порядке дает радикально ложную идею об их генезисе и зависимости. «Между множеством возможных систем» не существует «какого-либо рационального порядка». «Истинной филиации наук» нет. Вся гипотеза ложна в своем корне. В самом деле, стоит только бросить беглый взгляд на ее происхождение, чтобы тотчас же увидеть, как она несостоятельна. Откуда взялся линейный ряд наук? Какое у нас основание предположить, что науки допускают линейное распределение? Где наше право предполагать, что существует какая-то преемственность, в которую науки могут быть поставлены? Для всего этого нет ни оснований, ни поводов. Откуда же в таком случае возникло это предположение? Пользуясь собственной фразеологией Канта, мы должны бы назвать такое предположение метафизическим понятием. Оно прибавляет еще один случай к постоянно встречающимся случаям, когда из ума человеческого делается мерило природы. Мы принуждены мыслить последовательно; по законам нашего ума мы должны рассматривать предметы отдельно — один за другим; поэтому в самой природе должен существовать рядовой порядок, поэтому науки должны допускать классификацию в последовательном порядке. Вот где начало данного понятия и единственное доказательство его истинности. Люди принуждены были, располагая в книгах свои планы воспи-

тания и свои системы знания, выбрать тот или другой порядок. Доискиваясь, каков самый лучший порядок, они естественно пришли к убеждению, что должен существовать порядок, который бы верно представлял факты, т.е. упорствовали в открытии такого порядка; но при этом они вовсе упустили из виду предварительный вопрос: правдоподобно ли, чтоб природа применялась к удобству составления книги. Когда дело касается германских философов, утверждающих, что природа есть «окаменелый разум», а логические формы суть основы всех вещей, — то у них понятна гипотеза, что если мысль линейна, то и природа должна быть линейна; но странно, что Конт, столь непримиримый противник всякого антропоморфизма даже в наиболее переходящих его формах, делает подобную ошибку, навязывая внешнему миру порядок, который так явно вытекает из ограниченности человеческого сознания. Это покажется еще страннее, когда припомним, как Конт замечает, что вначале *«toutes les sciences sont cultivees simultanement par les memes esprits»* («все науки разрабатываются одновременно одними и теми же умами»); что это представляется *«inevitable et meme indispensarbe»* («неизбежным и даже необходимым») и что — как он далее говорит — различные науки представляют *«comme les diverses branches d'un tronc unique»* («как бы различные ветви одного общего ствола»). Если не объяснять всего этого извращающим влиянием любимой гипотезы, то едва ли можно будет понять, каким образом после признания подобных истин Конт в состоянии был настаивать на попытке построить *«une echelle encyclopedique»* («энциклопедическую лестницу»).

Метафора, которую Конт так непоследовательно употребил для выражения отношений между науками, «ветви одного ствола», выражает собою приближение к истине, но не саму истину. Она указывает, что науки имели общее начало, развивались одновременно и, наконец, время от времени разделялись и подразделялись. Но она не указывает еще более важного факта, что возникшие таким образом деления и подразделения не оставались особняком, а то там, то здесь прямо и косвенно снова соединялись. Они выходят из одного ствола, дают и принимают в разных направлениях связывающие отпрыски, и эта взаимная связь становится все более тесной, более запутанной и более разветвленной. Повсюду и постоянно являлись более высокие специализации, из которых могли создаваться более широкие обобщения; анализ постоянно углублялся, и тем самым совершенствовался синтез. Всякое расширение обобщений поднимало специализации, всякое совершенствование синтеза подготавлило путь для более глубокого анализа.

Ф

Образование — это не только индивидуальное, общественное, но и всеобщая онтологическая форма развития. Развивается не только человек, но и образовывается весь сопряженный с ним социокультурный универсум.

Теперь мы удобно можем приступить к указанной выше задаче — представить очерк генезиса науки, рассматриваемой как постепенное произрастание обыкновенного знания, т.е. как расширение восприятий при помощи разума. Мы намерены исследовать дело как историческое выражение психологического процесса, указывая в то же время переход от качественного предвидения к количественному, прогресс от конкретных фактов к абстрактным и приложение абстрактных фактов к анализу новых порядков конкретных фактов, одновременное расширение обобщения и специализации, постоянно возрастающее подразделение и воссоединение наук и, наконец, их беспрерывно совершенствующуюся связь (*consensus*).

Понятно, что очерк развития науки с глубочайших корней ее заключал бы в себе полный анализ духа: потому что, как наука есть усовершенствование обыкновенного знания, приобретенного с помощью невооруженных чувств и необразованного разума, точно так же и само это обыкновенное знание постепенно созидаются из простейших восприятий. Мы должны поэтому начать несколько отрывочно; самое удобное состояние, которое мы можем взять за точку отправления, есть возмужалый ум дикаря.

Начиная, таким образом, без надлежащего предварительного анализа, мы естественно находимся в некотором затруднении относительно того, как представить удовлетворительным образом те основные процессы мысли, из которых в окончательном результате возникает наука. Может быть, наше рассуждение было бы лучше начать с предположения, что всякое рассудительное действие зависит от усмотрения различий между окружающими вещами. Добытие пищи и избежание опасности возможны для всякого существа только под тем условием, что различные предметы действуют на него различно, что один предмет заставляет существо действовать таким образом, а другой — иным. В низших порядках существ это условие выполняется посредством аппарата, который действует автоматически. В высших порядках действия частью автоматичны, частью сознательны. В человеке же они почти вполне сознательны. Повсюду, однако же, должна необходимо существовать известная классификация вещей, сообразно их свойствам, — классификация, которая или органически располагается в систему, как в низших существах, или составляется путем опыта, как в нас самих. Далее можно заметить, что пределы, до которых бывает доведена эта классификация, обозначают, в общих чертах, степень разумности, т.е. между тем как низшие организмы в состоянии идти немного далее различения органического вещества от неорганического, между тем как большая часть животных доводит свои классификации не далее ограниченного числа растений или существ, служащих им пищей, не далее ограниченного числа зверей, служащих им добычей, и ограниченного числа мест и материалов, — наименее развитая личность из человеческой расы обладает знанием отличительных свойств большо-

го разнообразия веществ, растений, животных, орудий, лиц и пр. не только как классов, но и как особей.

Каков процесс, посредством которого совершается классификация? Очевидно, это — познание сходства или несходства ве- щей относительно их размеров, цвета, форм, веса, строения, вку- са и пр. или относительно их способов действия. Посредством какой-либо особенной приметы, звука или движения дикарь признает известное четвероногое животное за годное для пищи и способное ловиться известным образом или за опасное, — и дикарь действует сообразно с этим. Он соединил в один класс все существа, сходные в этой особенности. Очевидно, что при выбо- ре дерева, из которого он делает свой лук, растения, которым он отравляет свои стрелы, кости, из которой он делает свою удочку, он узнает, что по главным своим ощущительным свойствам они принадлежат к общим классам деревьев, растений и костей, но он отличает их, как принадлежащие к подклассам, в силу извест- ных свойств, в которых они не сходны с остальными предметами их классов; таким образом образуются роды и виды.

Здесь становится очевидным, что не только классификация производится группированием в уме вещей, которые сходны; но что и классы и подклассы составляются и располагаются соо- бразно степеням несходства. На низших ступенях развития разли- чаются только вещи резко противоположные, как это ежедневно можно наблюдать на ребенке. И по мере того, как способность различения возрастает, резко противоположные классы, разграниченные вначале, разделяются каждый на подклассы, разнящи- еся друг от друга меньше, чем разнятся классы; эти же подклас- сы снова распадаются по тому же самому способу. Тем же самым путем вещи постепенно распределяются в группы, члены кото- рых менее и менее несходны; этот процесс заканчивается группами, члены которых различаются только как индивиды, но не как виды. Таким образом, в окончательном результате все стрем- ляются к тому, чтобы создать понятие совершенного сходства. Ибо очевидно, невозможно, чтобы группы постоянно подразде- лялись в силу все меньших и меньших различий, не приближаясь в то же время все более и более к понятию безразличия.

Заметим здесь, что познание сходства и несходства, которое лежит в основании классификации и из которого беспрерывное классифицирование развивает идею совершенного сходства, ле- жит также и в основании процесса наименования, а следователь- но и языка. Всякий язык состоит вначале из символов, которые подобны означаемым ими вещам настолько, насколько это воз- можно. Язык знаков есть средство сообщения идей путем подра- жания действиям и особенностям вещей, о которых идет дело. Язык слов является вначале также средством напоминать пред- меты или действия путем подражания звукам, которые произво- дятся предметами или которыми сопровождаются действия. Пер- воначально эти два языка употреблялись одновременно. Доста-

точно только заметить телодвижения, которыми дикарь сопровождает свою речь, видеть бушмена или кафра, драматизирующего перед слушателями свой способ охоты за дичью, или обратить внимание на крайнюю бедность словаря во всех первобытных языках, — чтобы понять, что вначале положения, телодвижения и звуки одинаково сочетались для произведения возможно лучшего подобия вещей, животных или событий и что по мере того, как звуки стали пониматься сами по себе, телодвижения вышли из употребления, оставляя, однако, следы в манерах более впечатительных цивилизованных рас. Наконец, достаточно вспомнить, как многие из слов, принятых варварскими народами, сходны со звуками, принадлежащими означаемым предметам; как многие из наших собственных самых древних и самых простых слов имеют ту же особенность: как ребенок склонен изобретать подражательные слова и как язык знаков, самоизвестно образующийся у глухонемых, неизменно основывается на подражательных действиях, — чтобы сразу отнести начально номенклатуры предметов именно к понятию сходства. Если бы позволяло место, мы могли бы указать далее, как закон сходства проявляется не только в происхождении, но и в развитии языка; как в первобытных языках множественное образовано посредством удвоения единственного, так что оно есть умножение слова, чтобы сделать ему подобным множественности вещей; как употребление метафор — этот обильный источник новых слов — есть указание идей, подобных в том или другом отношении идеям, которые должны быть сообщены, и как в частом употреблении подобия, басни и аллегории у народов нецивилизованных проявляется факт, что важные понятия, для которых нет еще прямого выражения в языке, передаются представлением известных понятий, более или менее подобных им.

Воззрение это, так же как и древнее преобладание понятия о сходстве, подтверждается и выясняется далее тем фактом, что наша система передачи идей глазам человеческим произошла тем же самым способом. Письмо и печатание произошли из языка живописи. Самый ранний способ записывания факта состоял в изображении его на стене, т.е. в представлении чего-то настолько подобного напоминаемой вещи, насколько это могло быть достигнуто. По мере того как прием этот становился обычным и распространялся, формы, чаще всего повторяемые, стали постояннее и в то же время сократились, и, прошедши иероглифический и идеографический фазисы, символы потеряли всякое видимое отношение к означаемым вещам точно так же, как это было с большую частью слов, употребляемых нами.

Заметим еще, что то же самое верно и относительно генезиса умозаключения. Подобие, замечаемое между отдельными случаями, представляет собою сущность всего первоначального умозаключения и значительной части настоящего. Дикарь, открыв опытом отношение между известным предметом и известным

действием, заключает, что подобное же отношение окажется и в будущих случаях. И выражения, постоянно употребляемые нами в наших доказательствах: «по аналогии следует», «случаи не параллельные», «рассуждая точно таким же образом», «здесь нет сходства», — эти выражения показывают, что идея подобия постоянно лежит в основании процессов нашего умозаключения. Это будет видно еще яснее, когда мы признаем факт, что существует известный параллелизм между умозаключением и классификацией, что оба процесса имеют общий корень и что они не могут существовать отдельно.

С одной стороны, известно, что приписывать какому-нибудь телу, вследствие некоторых из его свойств, все другие свойства, в силу которых оно относится к особенному классу, составляет акт умозаключения. С другой стороны, образование обобщений представляет собой соединение в один класс всех тех случаев, которые представляют сходные отношения; тогда как извлечение вывода состоит в усмотрении того, что некоторый отдельный случай принадлежит к известному классу случаев, предварительно обобщенных. Таким образом, как классификация есть группирование подобных вещей, так умозаключение есть группирование подобных отношений между вещами. Прибавим к этому, что тогда как усовершенствование, постепенно достигаемое в классификации, состоит в образовании групп предметов, которые совершенно сходны, усовершенствование, постепенно достигаемое в умозаключении, состоит в образовании групп случаев, которые совершенно сходны.

Мы можем проследить это господство идеи сходства и в искусстве. Всякое искусство, как среди цивилизованных, так и среди диких народов, состоит почти исключительно в делании предметов, подобных другим предметам, находимым в природе или произведенным прежним искусством. Если мы проследим прошедшее различных искусств, существующих теперь, мы найдем, что на каждой ступени уклонение от прежних образцов маловажно в сравнении со сходством и что в самом раннем искусстве настойчивость подражания видна еще более. Древние формы, орнаменты и символы считались священными и постоянно копировались. В самом деле, сильная склонность к подражанию, обнаруживаемая, как известно, самыми низшими человеческими расами, обеспечивает для них возможность постоянно воспроизводить сходства вещей, форм, знаков, звуков, действий и всего, что доступно подражанию; и мы имеем даже основание подозревать, что эта первоначальная особенность связана некоторым образом с культурой и развитием того общего понятия, которое мы нашли столь глубоко и широко распространенным в его приложениях.

Перейдем теперь к рассмотрению того, как посредством дальнейшего развития этого же самого основного понятия совершается постепенное образование первых зачатков науки. Идея подобия, которая лежит в основании классификации, номенкла-

туры, языка разговорного и письменного, умозаключения и искусства и которая играет столь важную роль, так как все акты разумности возможны только посредством различия между окружающими вещами и группировки их на сходные и несходные, — эта же идея порождает, как мы увидим, и науку.

Уже на описанных нами ступенях существовало качественное предвидение относительно более обыкновенных явлений, с которыми знакома жизнь дикаря; теперь нам предстоит исследовать, как развиваются элементы количественного предвидения. Мы найдем, что они возникают путем совершенствования той же самой идеи сходства, что они имеют свое начало в понятии совершенного сходства, которое, как мы видели, необходимо вытекает из продолжающегося процесса классификации.

Когда процесс классификации доведен до того предела, до которого может довести его нецивилизованный человек; когда животное царство разделено не только на четвероногих, птиц, рыб и насекомых, но когда каждый из этих классов разделен на роды; когда явились подклассы, в которых члены различаются только как особи, но не как виды, — ясно, что тогда должно возникнуть частое наблюдение предметов, которые так мало разнятся между собой, что не могут быть различимы. Часто может случиться, что между различными животными, убитыми дикарем и принесенными им домой, одно, которое он желал бы определить, в такой точности походит на другое, что он не может сказать, о котором из них идет речь. Таким образом возникает понятие равенства. Вещи, которые у нас называют равными, — будут ли то линии, углы, веса, температуры, звуки или цвета — суть такие вещи, которые производят в нас ощущения, неразличимые одно от другого. Справедливо, что мы прилагаем теперь слово *равный* главным образом к отдельным явлениям, которые обнаруживаются предметами, а не к группам явлений; но это ограничение идеи возникло, очевидно, через последующий анализ. Что понятие равенства произошло именно таким образом, станет, кажется, очевидным, если мы вспомним, что при отсутствии искусственных предметов, от которых оно могло быть отвлечено, оно должно было быть отвлечено от предметов естественных и что преимущественно различные семейства животного царства доставляют те естественные предметы, которые представляют требуемую степень сходства.

Тот же самый порядок опытов, из которого развивалась эта общая идея равенства, дает начало более сложной идеи равенства, или — лучше — описанный процесс производит идею равенства, которую опыт разделяет впоследствии на две идеи — равенства вещей и равенства отношений. Между тем как органические, и в особенности животные, формы иногда представляют ту полноту сходства, из которой возникает понятие простого равенства, они представляют чаще только тот род сходства, который мы называем подобием и который представляет собою в действительности сложное равенство. Подобие двух существ того же вида, но различ-

ных размеров имеет ту же самую природу, как и подобие двух геометрических фигур. В том и другом случае какие-либо две части одного находятся в том же самом отношении друг к другу, как соответствующие части другого. Если во всяком данном виде найдены пропорции, существующие между kostями, то мы можем предсказать, как и предсказывают зоологи, по какой-нибудь одной кости размеры остальных, точно так же как, зная пропорции, существующие между частями какой-нибудь фигуры, мы можем по длине одной части вычислить длину других. И если относительно геометрических фигур подобие может быть установлено только посредством доказательства точности пропорции, существующей между соответственными частями; если мы выражаем отношения между двумя частями в одной фигуре и соответственными частями в другой посредством формулы: A относится к B , как a к b ; если мы, с другой стороны, пишем ее: $A : B = a : b$; если, следовательно, факт, который мы доказываем, состоит в том, что отношение A к B равно отношению a к b , — то очевидно, что коренное понятие подобия есть равенство отношений. При таком объяснении нас поймут, когда мы скажем, что понятие о равенстве отношений есть основание всякого точного умозаключения. Мы уже показали, что умозаключение вообще есть познание сходства отношений; а здесь мы видим, что, тогда как из понятия сходства вещей напоследок развивается идея простого равенства, из понятия сходства отношений развивается идея равенства отношений; одна из них есть конкретный зародыш точной науки, другая — ее абстрактный зародыш. Те, которые не могут понять, как познание подобия в существах одного и того же вида может иметь какую-нибудь связь с умозаключением, — преодолеют это затруднение, если вспомнят, что явления, между которыми равенство отношений таким образом усмотрено, суть явления того же самого порядка и представляются чувствам в одно и то же время; тогда как явления, отношения между которыми усматриваются только развитый ум, не принадлежат, вообще говоря, к одному порядку и не представляются в одно время. Если, далее, они вспомнят, как Кювье и Овэн по одной части животного, например по зубу, строят целое животное посредством процесса умозаключения, основанного на этом равенстве отношений, то они увидят, что эти две вещи связаны тесно, сколько бы ни казались они далекими на первый взгляд. Но мы забегаем вперед. Покуда нам нужно только заметить, что из знакомства с органическими формами единовременно возникают и идея простояго равенства и идея равенства отношений.

В то же время и путем тех же умственных процессов являются первые ясные идеи числа. На самых ранних ступенях представление отдельных сходных предметов производит только неопределенное понятие множественности, это и теперь еще видно между австралийцами, бушменами и дамарасами, когда представляемое число превышает три или четыре. Имея такие факты перед собой, мы можем безопасно заключить, что первое ясное

численное понятие было понятие двойственности, как противоположное единице. И это понятие двойственности необходимо должно было вырасти рядом с понятиями сходства и равенства, потому что невозможно признать сходство двух вещей, не усмertев вместе с тем, что их две. С самого начала понятие числа должно было соединяться, как оно до сих пор соединяется, со сходством и равенством исчисляемых вещей. Анализируя простое счисление, мы найдем, что оно есть записывание повторявшихся впечатлений какого-нибудь рода. Чтобы эти впечатления могли быть доступны счислению, необходимо, чтобы они были более или менее сходны; и прежде чем можно достигнуть абсолютно истинных численных результатов, нужно, чтобы единицы были абсолютно равны. Единственный путь, которым мы можем установить какое-нибудь численное средство между вещами, не производящими на нас сходных впечатлений, состоит в том, чтобы разделить их на части, которые производили бы на нас сходные впечатления. Две несходные величины притяжения, силы, времени, веса или чего бы то ни было могут быть оценены в своих относительных итогах только посредством какой-либо мелкой единицы, которая содержит много раз в обеих величинах; если мы выражаем большую величину единицей и другую — дробью ее, мы определяем в знаменателе дроби число частей, на которые единица должна быть разделена, чтобы допустить сравнение с дробью. Справедливо, без сомнения, что посредством некоторого, очевидно нового, процесса отвлечения мы иногда прилагаем числа к неравным единицам, как, например, к утвари на аукционе или к различным животным на ферме, — прилагаем просто как ко многим отдельным вещам; но через счисление единиц такого рода нельзя получить никакого истинного результата. И в самом деле, отличительная особенность счисления вообще состоит в том, что оно совершается при гипотезе того безусловного равенства абстрактных его единиц, каким не обладают никакие реальные единицы, и что точность его результатов держится только в силу этой гипотезы. Таким образом, первые идеи числа необходимо произошли из сходных или равных величин, какие усматриваются главнейшим образом в органических предметах; и так как подобные величины, чаще всего наблюдаемые, были величины протяжения, то надо заключить, что геометрия и арифметика имеют одновременное начало.

Не только первые ясные идеи числа связаны с идеями подобия и равенства, но и первые усилия к счислению представляют то же самое средство. Читая рассказы о различных диких племенах, мы находим, что метод счета посредством пальцев, которому еще и теперь следуют многие дети, есть первобытный метод. Помимо отдельных случаев, в которых способность к счислению не достигает даже полного числа пальцев на одной руке, есть много случаев, в которых она не простирается далее десяти, — предела простого означения посредством пальцев. Факт, что в

столь многих случаях отдаленные и, по-видимому, не сообщающиеся одна с другой нации приняли десять за основание численной системы, вместе с фактом, что в остальных случаях основное число есть или пять (пальцы одной руки), или двадцать (пальцы рук и ног), сам по себе почти доказывает, что пальцы были первоначальными единицами счисления. До сих пор удержавшееся употребление слова *digit*, как общего названия для всякой фигуры в арифметике, многознаменательно, и даже говорят, что наше слово *ten* (саксонское *tup*, голландское *tiēn*, немецкое *zehrī*) означало в первоначальной своей форме две руки. Так что в первобытное время сказать: десять вещей — было то же самое, что сказать: две руки вещей. Из всех этих свидетельств достаточно ясно, что самый ранний способ сообщения идеи какого-нибудь числа вещей состоял в поднятии стольких пальцев, сколько было вещей, т.е. в употреблении символа, который был равен, в отношении множественности, означаемой группе. Без сомнения, сильным подтверждением для этого вывода служит новейший факт, что наши солдаты самобытно усвоили себе этот прием в сношениях с турками во время Крымской войны. Надо заметить, что в этом новом сочетании понятия равенства с понятием множественности, посредством которого делаются первые шаги в счислении, мы можем видеть одно из самых ранних соприкосновений между расходящимися отраслями науки, соприкосновений, которые впоследствии постоянно встречаются.

Но, прежде чем проследим способ, которым точная наука возникает из приблизительных суждений чувств, и прежде чем покажем нелинейность развития отделов науки, полезно будет заметить нелинейный характер тех предварительных процессов, продолжение которых составляет все последующее развитие. Всякий, кто рассмотрит эти процессы, увидит, что они суть не только расходящиеся отростки от общего корня, не только одновременны в своем развитии, но что они взаимно помогают друг другу и что ни один из них не может идти вперед без остальных. Полнота классификации, для которой прокладывает путь развитие восприятий, невозможна без соответствующего прогресса в языке, посредством которого большее разнообразие предметов становится мыслимо и выражимо. С одной стороны, невозможно вести классификацию без названий, которыми бы обозначались классы, а с другой — невозможно создать язык прежде, нежели классифицируются вещи. Далее, самое умножение классов и следующее отсюда стеснение каждого класса предполагают уже большее сходство между вещами, соединенными в один класс; а приближение к понятию совершенного сходства само способствует тому, чтобы классификация была доведена до более высокой степени. Сверх того, классификация необходимо идет вперед *pari passu* с рациональностью, т.е. классификация вещей с классификацией отношений: потому что вещи, принадлежащие к одному и тому же классу, представляют, само собою разумеет-

ся, вещи, свойства которых и условия положения — сосуществования и последовательности — суть более или менее те же самые; а познание этого тождества сосуществования и последовательности есть умозаключение. Отсюда следует, что успех классификации необходимо пропорционален успеху обобщений. Но далее, из понятия сходства как в вещах, так и в отношениях одновременно развиваются идеи равенства вещей и равенства отношений, которые суть основания точного конкретного и точного абстрактного умозаключения — математики и логики. Кроме того, эта идея равенства, в самом процессе своего образования, дает начало двум рядам отношений — отношениям величины и отношениям числа, из которых возникли геометрия и счисление. Таким образом, весь процесс есть процесс постоянного подразделения и постоянного взаимного сообщения отделов. С самого начала существовала та связь различных родов познания, которая соответствует связи умственных способностей и которая, как уже сказано, должна существовать между науками.

Перейдем теперь к наблюдению того, как из понятий равенства и числа, образовавшихся указанным способом, возникают постепенно элементы количественного предвидения.

Равенство, раз определено понятое, тотчас же начало применяться и к другим явлениям, помимо явлений величины. Так как оно оказалось приложимым ко всем вещам, производящим одинаковые впечатления, то естественно возникли идеи о равенстве весов, звуков, цветов и т.д. Едва ли можно сомневаться, что опыты над равными весами, звуками и цветами имели свою долю участия в развитии отвлеченного понятия о равенстве, т.е. что идеи равенства в размерах, отношениях, силах, сопротивлениях и чувствительных свойствах вообще развивались в продолжение того же самого периода. Как бы то ни было, но ясно, что как скоро понятие равенства приобрело определенность, так низший род количественного предвидения, которого достигают без помощи каких бы то ни было приборов, сделался возможен. Способность оценить, как бы ни было грубо, величину предвидимого результата подразумевает понятие того, что эта величина будет равна известному воображаемому количеству; и правильность оценки, очевидно, будет зависеть от точности, до которой достигли восприятия чувственного равенства. Дикарь с куском камня в руке, имея перед собой другой кусок большей величины, но того же самого вида (заключение о виде он выводит из равенства обоих камней по цвету и строению), знает приблизительно, какое усилие он должен употребить, чтобы поднять этот другой кусок; и точность его суждения пропорциональна точности, с которой он усмотрел, что один кусок вдвое, втрой или вчетверо больше другого, т.е. пропорциональна точности его идей о равенстве и числе. И заметим здесь, что даже в этих наиболее неопределенных из количественных предвидений заключается также понятие равенства отношений: ибо даже самое грубое приближение может быть достигнуто только в силу некоторого неопределенного

усмотрения, что отношение между объемом и весом в одном камне равно отношению между объемом и весом в другом.

Но каким образом совершается переход от этих неопределенных усмотрений равенства, которые даются невооруженными чувствами, к тем определенным усмотрениям, с которыми имеет дело наука? Он совершается посредством сопоставления сравниваемых вещей. Так как равенство утверждается о тех вещах, которые производят на нас неотличимые одно от другого впечатления, и так как точное сравнение впечатлений невозможно, если они не следуют непосредственно одно за другим, то отсюда вытекает, что возможность установить точность равенства находится в прямом отношении к близости сравниваемых предметов. Вследствие этого, когда мы хотим судить о двух оттенках цвета, мы помещаем их рядом; вследствие этого мы не можем с какой-либо точностью сказать, который из двух соединенных звуков громче или выше в диапазоне, если только звуки не следовали один за другим непосредственно; вследствие этого, желая оценить отношение грузов, мы берем по одному в каждую руку, чтобы можно было сравнить их давления, быстро переходя в мысли от одного груза к другому; вследствие этого, играя музыкальную пьесу, мы можем сделать одинаковый тakt вслед за предыдущим, но можем быть уверены, что размер такта будет тот же при повторении пьесы; вследствие этого, наконец, является факт, что из всех величин величины линейного протяжения суть такие, равенство которых доступно наиболее точной поверке и на которые вследствие этого сводятся все другие. Особенность линейного протяжения состоит в том, что оно одно позволяет абсолютно совместить величины или, лучше, поставить их в совпадающее положение; оно одно может проверить равенство двух величин посредством наблюдения, совпадут ли они, как совпадают две равные математические линии, проведенные между теми же самыми точками, оно одно может проверить равенство посредством испытания того, станет ли оно тождеством. Отсюда вытекает факт, что всякая точная наука в окончательном анализе может быть сведена на результаты, измеряемые равными единицами линейного протяжения.

Остается еще заметить, каким образом возникает это определение равенства посредством сравнения линейных величин. Мы можем тут еще раз убедиться, как окружающие естественные предметы служат к тому полезным руководством. С самого начала должен был существовать постоянный опыт над сходными вещами, расположенными рядом, как, например, над людьми, стоящими и гуляющими вместе, над животными одного и того же стада, над рыбами на одной и той же отмели. Беспрестанное повторение этих опытов не могло не привести к наблюдению, что чем ближе находятся какие-нибудь предметы друг к другу, тем виднее становится всякое неравенство между ними. Отсюда понятная привычка прикладывать друг к другу те вещи, относительные величины которых желают узнать. Отсюда же появилась

идея меры. Мы тут неожиданно приходим к группе фактов, которые доставляют твердое основание для основного рассуждения; они же дают сильное доказательство и в подтверждение предыдущих умозрений. Люди, которые смотрят скептически на попытку восстановить самые ранние эпохи умственного развития, и особенно те, которые думают, что относить массу первичных понятий к органическим формам есть вещь довольно натянутая, увидят, быть может, больше вероятности в различных гипотезах, на которые мы здесь отважились, если убедятся, что все меры протяжения и силы произошли из долгот и весов органических тел; а все меры времени — из периодических явлений как в органических, так и в неорганических телах.

Таким образом, из линейных мер еврейский локоть представлял длину передней части руки от локтя до конца среднего пальца; а меньшие библейские меры выражаются в ладонях и пядях. Египетский локоть, происшедший подобным же образом, был разделен на единицы, представлявшие ширину пальца; а ширина пальца выражалась более определенно и принималась равной толщине четырех ячменных зерен. Другие древние меры были обхват, шаг и ладонь. Употребление этих натуральных единиц длины так укоренилось на Востоке, что даже и теперь некоторые из арабов меряют сукно переднюю частью руки. То же самое было и с европейскими мерами. Со времен римлян фут представляет преобладающее измерение во всей Европе; длина его в различных местах разнообразится немногим более, нежели длина ступни различных людей. Высота лошадей еще и теперь выражается ладонями. Дюйм есть длина первого сустава большого пальца, как это особенно ясно видно во Франции, где роуз означает и большой палец, и дюйм. Точно таким образом дюйм разделяется у нас на три ячменных зерна (barley corns). Эти органические меры служили субстратами всякого измерения, и только посредством их мы можем составить какую-нибудь оценку некоторых из древних расстояний. Например, длина градуса земной поверхности, как она была определена арабскими астрономами вскоре после смерти Гарун аль-Рашида, равнялась пятидесяти шести милям. Об их миле мы не знаем ничего, кроме того, что она равнялась 4000 локтей; остается сомнительным, были ли это священные локти или обыкновенные, но длина локтя дана в двадцать семь дюймов, а каждый дюйм определялся толщиной шести ячменных зерен. Таким образом, одно из самых древних измерений градуса дошло до нас в ячменных зернах. Но длина органических тел составляла не только те приблизительные меры, которые удовлетворяли человеческим нуждам в более грубые века, — она доставляла также образец мер, требовавшихся во времена позднейшие. Один пример встречается, между прочим, и в нашей истории. Генрих I, чтобы исправить господствовавшие беспорядки, приказал, чтобы *ulna* (локоть), или древний *ell*, который соответствует нынешнему ярду, равнялась длине его собственной руки.

Меры веса имеют подобное же происхождение. Зерна, кажутся, постоянно доставляли единицу. Оригинал карата, употребляемого для взвешивания в Индии, есть мелкий боб. Наши собственные системы, как алтекарская, так и торговая, основаны на зернах пшеницы. Наш самый мелкий вес, гран, есть зерно (grain) пшеницы. Это не умозрение, а исторически записанный факт. Генрих III постановил законом, чтобы унция была весом в 640 сухих зерен пшеницы из середины колоса. Так как все другие веса были кратными по отношению к этому, то очевидно, что зерно пшеницы составляет основание нашего веса. Пользоваться органическими телами как единицами веса, прежде чем установились искусственные единицы веса, так естественно, что в некоторых отдаленных частях Ирландии народ, говорят, имеет обыкновение, даже и теперь, ставить на весы человека, чтобы он служил мерой для тяжелых товаров.

То же самое нужно сказать и об измерении времени. Астрономическая периодичность и периодичность животной и растительной жизни одновременно употреблялись на первых ступенях прогресса для определения времени. Простейшую единицу времени, день, природа дает нам готовой. Следующий простейший период, месяц, также сам собою представляется вниманию людей посредством видимых изменений, составляющих лунный период. Для делений более обширных древнейшие и нецивилизованные народы пользовались явлениями времен года и некоторыми главными событиями, случающимися после известных промежутков времени. Такое значение у египтян имело возвышение Нила. Новозеландцы начинали свой год с появления Плеяд над морем. Одна из полезных сторон, какие древние греки видели в птицах, состояла в том, что переселениями своими птицы указывают времена года. Барроу рассказывает, что готтентоты означают периоды числом месяцев до или после созревания одного из главных элементов их пищи. Далее, он утверждает, что у кафров хронология ведется по луне и записывается посредством зарубок на палках, причем смерть любимого вождя или одержание победы служат новой эрой. Последний факт напоминает вместе с тем, что в первые эпохи истории события обыкновенно записываются как случившиеся в известные царствования и в известные годы известных царствований, вследствие чего царствование государя практически делается мерой времени. Как дальнейший пример склонности делить время при посредстве естественных явлений и естественных событий можно привести тот факт, что даже наши поселяне мало употребляют определенные деления месяцев и годов и в своих разговорах обыкновенно ссылаются на события, как, например: «до стрижки овец», «после жатвы», «около того времени, когда скончался сквайр» и пр. Таким образом, очевидно, что более или менее равные периоды, усмотренные в природе, дали первые единицы меры для времени; точно так же как более или менее равные

протяжения и веса в природе дали первые единицы меры для пространства и силы.

Осталось только указать (как на дальнейший пример подобного же развития количественных идей), что меры ценности произошли подобным же образом. Мена, в той или другой форме, существовала между всеми человеческими расами, кроме самых низших. Она, очевидно, основана на понятии равенства ценности. С постепенным переходом мены в торговлю, через введение некоторого рода ходячей монеты, оказывается, что меры ценности, составляющие эту монету, суть органические тела; в одних случаях каури, в других кокосовые орехи, в иных рогатый скот, в других свиньи, у американских индейцев шкуры или кожи, а в Исландии сущеная рыба.

Когда достигнуты были понятия точного равенства и меры, явились определенные идеи относительных величин как кратных одна другой; а отсюда — привычка измерять посредством прямого приложения меры. Определение линейных протяжений посредством этого процесса едва ли может быть названо наукой, хотя оно и составляет ступень к ней; но определение продолжительности времени посредством аналогичного процесса можно рассматривать как один из самых ранних примеров количественного предвидения. Когда уже определено было, что Луна совершает цикл своих изменений в период времени около тридцати дней, — а этот факт известен самым нецивилизованным из племен, которые могут считать далее числа своих пальцев, — тогда, очевидно, стало возможным предсказывать, через какое число дней возвратится данная фаза Луны; и очевидно также, что это предвидение совершалось посредством сопоставления двух времен, по тому же самому способу, как линейное протяжение измеряется посредством сопоставления двух линий. Выразить лунный период в днях значит сказать, сколько этих единиц меры содержится в измеряемом периоде, значит определить расстояние между двумя точками во времени посредством ряда дней так точно, как мы определяем расстояние между двумя точками в пространстве посредством ряда футов или дюймов: в том и в другом случае ряд совпадает с измеряемой вещью — в одном умственно, в другом видимо. Таким образом, в этом самом простом и, может быть, самом раннем случае количественного предвидения явления не только ежедневно представляются вниманию людей, но природа как бы повторяет вечно тот процесс измерения, через наблюдение которого достигается предвидение.

Факт, что уже на самых ранних ступенях общественного прогресса было известно, что Луна совершает свои изменения почти в тридцать дней и что приблизительно через двенадцать лун возвращаются времена года, т.е. тот факт, что хронологическая астрономия приобретает некоторого рода научный характер раньше, нежели геометрия, — обязан своим существованием частью тому обстоятельству, что астрономические деления — день, ме-

сяц и год — даны нам готовыми в природе, частью же тем дальнейшим обстоятельством, что земледельческие и другие занятия в первое время регулировались астрономическими данными и что, кроме того, вследствие предполагавшейся божественности небесных тел, их движения определяли периодические религиозные празднества. Одно подтверждение представляется в наблюдении египтян, что возвышение Нила соответствовало гелиакальному восхождению Сириуса, в наставлении, какое находим у Гезиода, касательно жатвы и вспахивания согласно положению Плеяд и в положении его, что «пятидесятый день после поворота Солнца есть благополучное время для начала путешествия». Другого рода подтверждение представляется в названии дней по Солнцу, Луне и планетам; в ранних попытках восточных народов установить календарь так, чтобы боги не были оскорбляемы перемещением их жертвоприношений, и в определении великого годичного празднества перуанцев сообразно положению Солнца. Во всех этих фактах мы видим, что наука была первоначально простым орудием религии и промышленности.

После открытий, что лунный период занимает почти тридцать дней и что около двенадцати лунных периодов составляют год, — открытий, о которых нет исторического известия, но которые можно считать самыми ранними, опираясь на тот факт, что ныне существующие нецивилизованные расы знакомы с ними, — мы переходим к первым известным астрономическим заметкам, к заметкам затмений. Халдеи были в состоянии предсказывать их. «Они делали это, — говорит Уэвельль в своей прекрасной истории, из которой извлечена большая часть материалов, какими мы пользуемся, — вероятно, посредством их цикла 223 месяцев или приблизительно восемнадцати лет; потому что в конце этого времени затмения Луны начинают возвращаться с теми же самыми промежутками и в том же самом порядке, как и вначале». Итак, этот метод вычисления затмений посредством возвращающегося цикла — Сарос, как они называли его, представляет более сложный пример предвидения посредством совпадения мер. Посредством каких наблюдений халдеи открыли этот цикл? Очевидно, как заключает Деламбр, посредством рассмотрения своих списков; посредством сравнения последовательных промежутков, посредством усмотрения того, что некоторые из промежутков одинаковы, что эти равные промежутки имеют отдельно по восемнадцать лет; посредством открытия того, что все промежутки, которые имели отдельно по восемнадцать лет, были равны; посредством познания того, что промежутки составляют ряд, который повторяется, так что если один цикл наложить на другой, то деления совпадут. Как только это усмотрено, так становится возможным употреблять цикл как единицу времени для измерения будущих периодов. Таким образом, видя, что процесс предсказания затмений есть, в сущности, такой же, как и процесс предсказания месячных изменений Лу-

ны посредством наблюдения числа дней, после которых они повторяются; видя, что оба они различаются только обширностью и неправильностью промежутков, — не трудно понять, как можно было столь рано достичь подобной суммы знания. Еще менее будем мы удивляться, если вспомним, что в этих предвидениях ничего не заключается, кроме времени и числа, и что время было некоторым образом самосчисляемо.

Однако способность предсказывать события, случающиеся только после столь долгого периода, как восемнадцать лет, подразумевает значительный успех в цивилизации, значительное развитие общего знания; и теперь мы разберем, какой прогресс в других науках сопровождал эти астрономические предвидения и был необходим для них. Во-первых, ясно, что должна была существовать довольно удовлетворительная система счисления. Одного перечисления по пальцам или по головам, даже с помощью правильного десятичного означения, было бы недостаточно для счисления дней в одном году, а тем более для вычисления годов, месяцев и дней между затмениями. Следовательно, должен был существовать способ записи чисел, вероятно даже, что существовала система численных знаков. Самые ранние численные заметки, насколько мы можем судить по обычаям ныне существующих нецивилизованных рас, были сохраняены, вероятно, посредством зарубок на палках или черт, означенных на стенах, как сохраняются и теперь еще многие счеты в гостиницах. Кажется, есть основание предполагать, что впервые употребленные численные знаки были просто группы прямых черт, как некоторые из римских, доныне еще существующих. Это дает нам повод подозревать, что эти группы черт были употребляемы, чтобы представить группы пальцев, точно так, как группы пальцев употреблялись для представления групп предметов, — предположение, совершенно согласное с первобытной системой картинного письма. Как бы то ни было, во всяком случае очевидно, что, прежде чем халдеи открыли свой Сарос, они должны были иметь как ряд письменных знаков, служащих для обширного счисления, так и знакомство с простейшими правилами арифметики.

Не одна абстрактная математика должна была сделать некоторый успех, но и конкретная. Едва ли возможно, чтобы здания, относящиеся к этой эпохе, были выстроены без всякого знания геометрии. Во всяком случае, должна была существовать та элементарная геометрия, которая имеет дело с прямым измерением, т.е. с приложением линий. Кажется, только после открытия тех простых построений, посредством которых чертятся прямые углы и определяются относительные положения, могли явиться такие правильные постройки. Что касается другого отдела конкретной математики — механики, то мы имеем определенные доказательства ее прогресса. Мы знаем, что рычаг и наклонная плоскость употреблялись уже в то время, а это указывает на существование качественного, если не количественного, предвидения их дейст-

вий. Мало того. Мы встречаем разновесы в самых ранних памятниках и находим их в развалинах самой глубокой древности. Разновесы предполагают весы, на которые мы также находим указание. Весы же заключают в себе основную теорему механики в ее наименее сложной форме, — заключают не только качественное, но и количественное предвидение механических действий. Здесь можно заметить, как механика, вместе с другими точными науками, берет свое начало от самого простого приложения идеи равенства. Механическое предположение, заключающееся в весах, состоит в том, что если на рычаг с равными плечами повешены равные разновесы, то разновесы будут оставаться наравных высотах. Можно заметить далее, как на этой первой ступени рациональной механики представляется пояснение той истины, на которую мы недавно указали, а именно что так как только одни величины линейного протяжения допускают точное определение, то посредством их определялись вначале равенства всех других величин, ибо если равенство разновесов, уравновешивающих друг друга на весах, вполне зависит от равенства плеч, то мы можем знать, что грузы равны, только доказав равенство плеч. А когда мы подобным путем установили систему весов, известный ряд равных единиц силы, тогда сделалась возможной наука механики. Отсюда необходимо следует, что рациональная механика не могла иметь какой-либо другой исходной точки, кроме весов.

Далее вспомним, что в течение того же самого периода существовало уже некоторое знание химии. Многие ремесла, производившиеся тогда, были бы невозможны без обобщенного опыта о том, каким образом действуют известные тела друг на друга при данных условиях. Особенно много примеров представляет в этом отношении металлургия, которой тогда занимались в обширных размерах. Мы имеем доказательства, что существовало даже в известном смысле количественное знание. Так, анализ показывает, что твердый сплав, из которого египтяне делали свои острые орудия, составлен был из меди и олова в определенных пропорциях; следовательно, должно было существовать некоторое установившееся предвидение, что такой сплав мог быть получен только через смешение металлов именно в этих пропорциях. Справедливо, что это было простое эмпирическое обобщение, но таково же было обобщение касательно возвращения затмений, и таковы первые обобщения каждой науки.

Относительно одновременности развития наук в течение этой ранней эпохи остается заметить только, что даже самая сложная из наук должна была сделать некоторый успех — может быть, даже относительно больший успех, нежели все остальные науки, ибо при каких условиях возможно было предшествовавшее развитие?

Прежде всего, нужна была установившаяся и организованная социальная система. Ряд записанных затмений, постройка дворцов, употребление весов, занятие металлургией — все это однаково предполагает сложившуюся и многолюдную нацию. Сущ-

ствование такой нации предполагает не только законы и некоторое направление правосудия — что, как мы знаем, имело место, — но предполагает даже хорошие законы, законы, сообразные в известной степени с условиями устойчивости общества, законы, установленные вследствие очевидности, что действия, ими запрещавшиеся, были опасны для государства. Мы никак не хотим сказать, чтобы все или даже большая часть этих законов были таковы, — мы говорим только об основных законах. Нельзя отрицать, что таковы были законы, касавшиеся жизни и собственности. Нельзя отрицать, что как бы ни была незначительна их обязательность в отношениях одного класса к другому, они были в значительной степени обязательны для членов одного и того же класса. Едва ли можно оспаривать, что применение этих законов в среде членов одного и того же класса правители почитали необходимым для удержания подданных в согласии. Но помимо всяких предположений ясно, что обыкновенное признание этих требований в тогдашних законах подразумевает некоторое предвидение общественных явлений. Та же самая идея равенства, которая, как мы видели, составляет основу всех других наук, составляет также основу этики и социологии. Понятие правосудия, которое есть основа этики, и, отправление его, составляющее жизненное условие социального существования, невозможны без признания некоторого сходства в человеческих требованиях в силу общей человечности людей. Справедливость (*equity*) буквально значит ровность (*equalness*); таким образом, допустив, что в эти первобытные времена существовала хотя самая неопределенная идея справедливости, должно допустить, что существовала некоторого рода оценка равенства свободы людей на добывание себе предметов жизни, а следовательно, определение существенного принципа национального равновесия.

Таким образом, уже на этой начальной ступени положительных наук, прежде чем геометрия успела перейти за несколько эмпирических правил, прежде чем механика пошла далее своей первой теоремы, прежде чем астрономия из чисто хронологического фазиса перешла в геометрический, — наиболее запутанная из наук (социология) достигла известной степени развития, развития, без которого невозможен был прогресс в других науках.

Заметим мимоходом, как уже в этот ранний период прогресс точной науки шел не только к увеличению числа предвидений, но и к предвидениям более точно-количественным; как в астрономии период возвращающихся лунных движений мало-помалу сведен был к более верному количеству времени — двумстам тридцати пяти лунным периодам, как далее Каллип исправил этот метонический цикл, опустив один день в конце каждого семьдесят шестого года, как, наконец, эти последовательные успехи предполагают более продолжительное записывание наблюдений и соглашение более значительного числа фактов. Указав на это, перейдем к исследованию вопроса о том, как получила

свое начало геометрическая астрономия. Первым астрономическим инструментом был гномон. Он не только рано был употребляем на Востоке, но найден был и у мексиканцев; посредством его были сделаны астрономические наблюдения перуанцев. История говорит, что за 1100 лет до Р.Х. китайцы нашли, что на известном месте длина солнечной тени, в летнее солнцестояние, находится в таком же отношении к высоте гномона, как полтора к восьми. Здесь опять мы видим не только то, что инструмент находится готовым, но и то, что природа сама постоянно совершеншает процесс измерения; всякий укрепленный стоячий предмет — столб, сухая пальма, жердь, угол здания — служит гномоном; и нужно только замечать изменяющееся положение тени, им бросаемой, чтобы сделать первый шаг в геометрической астрономии. Как незначителен был этот первый шаг, можно видеть из того, что вначале узнаны были только периоды зимнего и летнего солнцестояний, соответствовавшие самой меньшей и самой большей длине полуденной тени, для определения которых стояло только ежедневно отмечать точку, какой достигла тень. Нельзя не заметить, что в наблюдении, в какое время в течение следующего года тень снова дойдет до крайнего предела, и в выводе, что Солнце достигло тогда той же самой поворотной точки в своем годовом пути, мы имеем один из самых простых примеров того совокупного употребления равных величин нравных отношений, посредством которого достигается всякая точная наука, всякое количественное предвидение. Когда замечено было отношение между длиной солнечной тени и положением Солнца на небе, явился вывод, что если в следующий год окончность солнечной тени достигла той же самой точки, то и Солнце заняло то же самое место, т.е. идеи, заключавшиеся здесь, были: равенство теней и равенство отношений между тенью и Солнцем в течение нескольких годов подряд. И здесь, как в деле весов, установившееся равенство отношений было самого простого порядка. Это не то равенство, с которым обыкновенно имеют дело в высших родах научного рассуждения и которое соответствует общему типу: отношение между двумя и тремя равняется отношению между шестью и девятью. Нет, это равенство следует типу, отношение между двумя и тремя равняется отношению между двумя и тремя, тут дело идет не просто о равных отношениях, но об отношениях совпадающих. И здесь, без сомнения, мы видим прекрасное пояснение того, как идея равных отношений возникает тем же самым путем, как и идея равных величин. Как показано уже, идея равных величин возникает из наблюдаемого совпадения двух долгот, сопоставленных рядом; а в данном случае мы имеем не только две совпадающие длины теней, но и два совпадающих отношения между Солнцем и тенями.

Из употребления гномона естественно выросло понятие об угловых измерениях, и с успехом геометрических концепций явились гемисфера Бероса, равноденственное кольцо, солнце-

стоятельное кольцо и квадрант Птолемея; во всех этих приборах тень служила указателем положения Солнца, но в соединении с угловыми делениями. Следить за этими подробностями прогресса, очевидно, лежит вне нашей задачи. Достаточно будет заметить, что во всех них мы можем видеть то понятие равенства отношений более сложного рода, которое лучше всего выяснилось в астролябии, инструменте, состоявшем «из кругообразных ободов, движущихся один внутри другого или около полюсов, и содержащем круги, которые должны приводиться в положение эллиптики и плоскости, проходящей через Солнце и полюсы эллиптики», — в инструменте, следовательно, представлявшем как бы в модели относительные положения известных воображаемых линий и плоскостей на небе; он действовал посредством приведения этих представляющих линий и плоскостей в параллелизм и совпадение с небесными, и в своем употреблении основывался на идее, что отношения между этими представлявшими линиями и плоскостями равны отношениям между представляемыми линиями и плоскостями. Мы могли бы указать далее, что понятие о небе как вращающейся полой сфере, изъяснение фаз Луны и все последующие шаги предполагают в себе тот же самый умственный процесс. Но мы должны удовольствоваться указанием на теорию эксцентриков и эпициклов, как на более отчетливое выяснение этого. Предложенная и доказанная в первый раз Гиппархом, с целью доставить объяснение главных неправильностей в небесных движениях, эта теория заключает понятие, что прогрессии, регрессии и вариации скорости, видимые в небесных телах, могут быть примирены с их предполагаемым однообразным движением в кругах посредством предположения, что Земля находится не в центре их орбит, или посредством предположения, что они обращаются в кругах, которых центры обращаются вокруг Земли, или посредством того и другого предположения, вместе взятых. Открытие того, что так должны быть объясняемы явления, было не что иное, как открытие, что в некоторых геометрических фигурах отношения были таковы, что однообразное движение точки, если на него смотреть с известного положения, будет представлять аналогичные неправильности; и вычисления Гиппарха, таким образом, предполагают верование, что отношения, существующие между этими геометрическими кривыми, равны отношениям, существующим между небесными орбитами.

Оставляя здесь эти подробности астрономического прогресса и философию его, заметим, как относительно конкретная наука геометрическая астрономия, поддерживаемая до тех пор развитием геометрии вообще, в свою очередь воздействовала на нее и была также причиной ее успеха — и затем снова пользовалась ее помощью. Гиппарх, до составления своих солнечных и лунных таблиц, открыл правила для вычисления отношений между сторонами и углами треугольников, — открыл тригонометрию, подкласс чистой математики. Далее, приведение теории о шаре в ко-

личественной форме, нужное для астрономических предположений, требовало образования сферической тригонометрии, которое было также совершено Гиппархом. Таким образом, и прямолинейная и сферическая тригонометрия, части весьма абстрактной и простой науки о протяжении, оставались неразвившимися до тех пор, пока менее отвлеченная и более сложная наука небесных движений не стала нуждаться в них. Факт, принимаемый Контом, что со временем Декарта прогресс абстрактного отдела математики определялся прогрессом конкретного отдела, этот факт стоит в параллели с еще более знаменательным фактом, что даже и ранее того прогресс математики определялся прогрессом астрономии. Здесь нам представляется пример той истины, которая часто выясняется в истории наук, — истины, что, прежде чем абстрактный отдел подвинется вперед, конкретный отдел должен породить необходимость этого движения, должен представить новый ряд вопросов, требующих разрешения. Прежде чем астрономия представила Гиппарху задачу солнечных таблиц, не было ничего, что возбудило бы вопрос об отношениях между линиями и углами, и предмет тригонометрии был немыслим.

Заметим также мимоходом, что эпоха, описываемая нами, была свидетелем развития алгебры, сравнительно абстрактного отдела математики, посредством соединения менее абстрактных отделов ее, геометрии и арифметики, — факт, доказанный самими древними из дошедших до нас проявлений алгебры, наполовину алгебраических, наполовину геометрических. Заметив это, перейдем к указанию, как в продолжение той же эпохи, в которую астрономия и математика сделали так много успехов, рациональная механика сделала свой второй шаг и как вместе с тем сделан был первый шаг для сообщения количественной формы гидростатике, оптике, гармонике. Во всех этих случаях мы опять увидим, как идея равенства лежит в основании всякого количественного предвидения и в каких простых формах эта идея применялась вначале.

Мы показали уже, что первая установленная теорема в механике была та, что равные разновесы, повешенные на рычаг с равными плечами, останутся в равновесии. Архимед открыл, что рычаг с неравными плечами оставался в равновесии, когда одна тяжесть относилась к своему плечу так, как другое плечо — к своей тяжести, т.е. когда численное отношение между одной тяжестью и ее плечом было равно численному отношению между другим плечом и его тяжестью.

Первым успехом в гидростатике, которым мы также обязаны Архимеду, было открытие, что жидкости давят равно во всех направлениях, и отсюда следовало разрешение проблемы погруженных в жидкости тел, именно что тела эти находятся в равновесии, когда давления сверху и снизу равны.

В оптике греки нашли, что угол падения равен углу отражения; и познание их достигло не далее тех простых выводов из этого, какие допускались их геометрией. В гармонике они узна-

ли тот факт, что три струны равной длины дадут октаву, квинту и кварту, когда они натянуты тяжестями, имеющими известные определенные отношения; на этом почти и остановилось дело. В одном случае мы видим, что геометрия употреблена для изъяснения законов света, а в другом — что геометрия и арифметика применены к измерению явлений звука.

В то время когда немногие науки достигли таким образом первых ступеней количественного предвидения, прогресс остальных ограничивался только качественным предвидением, необходимо ограничиться указанием, что были сделаны некоторые незначительные обобщения относительно испарения, теплоты, электричества и магнетизма, — обобщения, которые, как бы они ни были эмпирически, не различались в этом отношении от первых обобщений каждой из наук; что греческие физики сделали успехи в физиологии и патологии, которыми никак нельзя пренебрегать, имея в виду несовершенство нашего настоящего познания; что зоология была настолько систематизирована Аристотелем, что, до некоторой степени, давала ему возможность по присутствию известных органов предсказывать присутствие других; что в *Политике* Аристотеля есть некоторый прогресс к научному пониманию социальных явлений и разные предвидения относительно таких явлений; и что, наконец, в состоянии греческого общества, равно как и в сочинениях греческих философов, мы можем признать не только возрастающую ясность в понятии равенства, на котором основана социальная наука, но и некоторое признание того факта, что социальная устойчивость зависит от поддержания справедливых учреждений. Если б позволяло место, мы могли бы, наконец, остановиться на причинах, замедлявших развитие некоторых наук, как, например, химии, причем указали бы, что относительная сложность ничего не значит в этом деле, что окисление куска железа есть более простое явление, чем возвращение затмений, что открытие угольной кислоты менее трудно, чем открытие предварения равноденствий, — но что относительно медленный успех химических познаний был следствием частью того факта, что явления химии не так назойливо представлялись вниманию людей, как явления астрономии; частью того факта, что природа не всегда доставляет средства и не всегда указывает способы исследования, как это делается в науках, занимающихся временем, протяжением и силой, частью того факта, что значительной доли материалов, с которыми имеет дело химия, не было под рукой, что они стали известны только через искусства, медленно возраставшие, и, наконец, частью того факта, что химические свойства их не обнаруживаются сами собой, но открываются путем опыта.

Но, довольствуясь одним намеком на все эти соображения, перейдем к рассмотрению прогресса и взаимного влияния наук в новейшее время. Мимоходом заметим, что после возрождения последовательные ступени их развития обнаруживали тот же самый закон, который мы здесь указали; что основная идея дина-

ники, постоянная сила, была отделена Галилеем как сила, которая производит равные скорости в равные последовательные времена, что единообразное действие тяжести было впервые определено опытно, через показание того, что время, протекшее до тех пор, пока тело, брошенное вверх, остановилось, равно времени, употребленному им на падение, что первый факт в сложном движении, узнанный Галилеем, был тот, что тело, брошенное горизонтально, будет иметь равномерное движение вперед и равномерно ускоренное движение вниз, т.е. будет описывать равные горизонтальные пространства в равные времена, в связи с равными вертикальными ускорениями в равные времена; что его открытие относительно маятника состояло в том, что колебания маятника занимают ровные промежутки времени, какова бы ни была величина их размахов; что принцип действительных скоростей, установленный им, состоял в том, что во всякой машине тяжести, уравновешивающие одна другую, относятся взаимно так, как их действительные скорости, т.е. отношение одного ряда тяжестей к их скоростям равняется отношению другого ряда скоростей к их тяжестям, — и что, таким образом, его заслуга состояла в том, что он доказал равенство известных величин и отношений, которое не было признано до того времени.

И только теперь стала возможна физическая астрономия. Простые законы силы были высвобождены от трения и атмосферного сопротивления, которыми опутываются все их земные проявления. Прогрессирующее знание земной физики дало надлежащее понятие об этих возмущающих причинах, и посредством некоторого усилия отвлечения усмотрено было, что всякое движение будет однообразно и прямолинейно, если в него не будут вмешиваться внешние силы. Геометрия и механика, разошедшиеся от одного общего корня в чувственных опытах людей, развивавшиеся порознь, соединявшиеся иногда снова, одна — отчасти в связи с астрономией, другая — только посредством аналирования земных движений, соединяются теперь в исследованиях Ньютона, чтобы создать истинную теорию небесных движений. И здесь мы замечаем также тот важный факт, что в процессе совокупного приведения этих наук в соприкосновение с астрономическими проблемами они сами поднялись до более высокого фазиса развития. Только имея дело с вопросами, возбужденными небесной динамикой, Ньютон и его континентальные преемники положили начало вычислению бесконечно малых, только из исследований по части механики Солнечной системы получили свое начало общие теоремы механики, содержащиеся в Principia, из которых многие имеют чисто земное применение. Таким образом, как показано на Гиппархе, представление нашему анализу нового ряда конкретных фактов вело к открытию нового ряда абстрактных фактов, а эти абстрактные факты, будучи поняты, дали средства достигнуть бесчисленных

групп конкретных фактов, дотоле не допускавших количественного к ним отношения.

Между тем физика достигла того прогресса, без которого, как только что было показано, рациональная механика не могла выясниться. В гидростатике Стевин распространил и приложил открытие Архимеда. Торричелли открыл атмосферное давление, «показав, что это давление поддерживает различные жидкости на высотах, обратно пропорциональных их плотностям»; а Паскаль «определен неизбежное уменьшение этого давления на возрастающих высотах в атмосфере», — открытия, которые отчасти привели эту ветвь науки к количественной форме. Даниэль Бернуlli сделал многое для динамики жидкостей. Термометр был изобретен, и с его помощью достигли некоторого числа мелких обобщений. Гюйгенс и Ньютон достигли значительного успеха в оптике; Ньютон вычислил приблизительную быстроту передачи звука; а континентальные математики следовали за ним в определении некоторых из законов звуковых колебаний. Магнетизм и электричество были значительно двинуты вперед Джильбертом. Химия дошла до взаимной нейтрализации кислот и щелочей. Леонардо да Винчи достиг в геологии до вывода, что остатки животных в отложении морских слоев были причиной появления ископаемых. Для нашей настоящей цели нет надобности сообщать частности. Нас занимает здесь только выяснение связи (*consensus*), существующей на этой ступени развития, так же как и впоследствии. Рассмотрим несколько случаев.

NB Г. Спенсер жил в счастливое для естественных наук время: они открывали все новые научные факты, и «банк научных фактов» (выражение В. И. Вернадского) быстро обогащался. Сравнительно скоро наступит кризис естественных наук (середина XX века), и великие ученые, в отличие от среднего научного работника и педагога, убедятся, что естественные науки за тысячелетия не продвинулись ближе к познанию основ мира, основ жизни, основ человека и его социальной жизни. Сентиментализм — вера в науку как нового бога — стал одной из причин современного Всеобщего, системного кризиса человечества.

Теоретический закон скорости звука, выраженный Ньютоном на основании чисто механических соображений, был найден ошибочным на одну шестую. Ошибка оставалась необъясняенной до времен Лапласа, который, подозревая, что теплота, освобожденная сжатием волнующихся слоев воздуха, сообщает добавочную упругость воздуху и таким образом производит уклонение, сделал нужные вычисления и нашел, что он был прав.

Таким образом, акустика была задержана в своем развитии, пока термология не догнала ее и не помогла ей. Когда Бойль и Мариотт открыли отношение между плотностью газов и давлением, которому они подвержены, и когда, таким образом, стало возможным вычислить степень уменьшения плотности в верхних слоях атмосферы, стало также возможным со-

Сегодня нужны иные подходы, нежели те, на которые упивали и упивают англоязычные эмпирики и рационалисты. Какие? Как всегда, путь очевидно, подскажет философия, столь нелюбимая позитивистами и высшей администрацией образования.

Во всяком случае, долг учителя — информировать учеников о кризисе наук и побуждать искать качественно новые пути в исследовании мира. Человек как ученый зарождается в старших классах средней общеобразовательной школы. Изучение истории, культуры, литературы и искусства в целом, общественных дисциплин имеет в этом решающее значение. Именно эти дисциплины будят творческую мысль и направляют ее на Всеобщее, а не только на частное.

здать и приблизительные таблицы атмосферного преломления света.

Таким образом, оптика и вместе с нею астрономия двинулись вперед с барологией. Затем открытие атмосферного давления привело к изобретению воздушного насоса Отто Герике; и после того как стало известным, что испарение увеличивается в быстроте по мере уменьшения атмосферного давления, Лесли получил возможность, посредством испарения в пустое пространство, произвести величайший из известных холодов и таким образом распространить наше знание термологии показанием, что нет абсолютного нуля в пределах наших исследований. Когда Фурье определил законы теплопроводности и когда нашли, что температура Земли увеличивается на один градус на каждые сорок ярдов глубины от поверхности, явились данные для заключения касательно прошедшего состояния нашего шара; касательно громадного периода, употребленного им на охлаждение; касательно громадной древности Солнечной системы, — а это есть уже чисто астрономическое

соображение. Когда химия настолько подвинулась, чтобы доставить нужные материалы, а один физиологический опыт дал необходимый намек, произошло открытие гальванического электричества. Гальванизм, действуя обратно на химию, открыл металлические основания щелочей и щелочных земель и тем осветил электрохимическую теорию, в руках Эрстеда и Ампера он привел к законам магнитного действия; с помощью его Фарадей открыл знаменательные факты относительно состава света. Брюстерово открытие двойного преломления и деполяризации доказало существенную верность классификации кристаллических форм по числу осей, показав, что молекулярный состав зависит от осей. В этих и многих других случаях взаимное влияние наук было совершенно независимо от всякого предположенного иерархического порядка. Часто также их взаимодействие было более сложно, нежели представляют эти примеры, т.е. обнимало более двух наук. Одного пояснения для этого будет достаточно. Мы приведем его целиком из Истории индуктивных наук. В XI книге, главе II, о Прогрессе электрической теории Уэвелль говорит: «Таким образом, в этот период математика была позади

опыта, и представилась задача, для решения которой недоставало теоретически численных результатов и не могло быть получено их для сравнения с наблюдением; так было в астрономии с теорией всеобщего тяготения до времени приблизительного решения проблемы трех тел и следующего затем составления лунных и планетных таблиц. Спустя некоторое время электрическая теория освободилась от этого упрека главнейшим образом вследствие прогресса, который астрономия произвела в чистой математике. Около 1801 г. явилось в *Bulletin des Sciences* точное решение проблемы распределения электрической жидкости на сфероиде, полученное Био через приложение особенных методов, изобретенных Лапласом для проблемы фигуры планет. А в 1811 г. Пуассон приложил прием Лапласа к случаю двух сфер, действующих одна на другую в соприкосновении, к случаю, к которому относились многие опыты Кулона, и согласие результатов теории и наблюдения, выведенное таким образом из чисел Кулона, полученных сорок лет ранее, было действительно поразительно и убедительно».

Науки действовали друг на друга не только этим прямым способом, но и косвенным. Там, где нет зависимости, есть все-таки аналогия — равенство отношений; и открытие отношений, существующих между одним рядом явлений, постоянно побуждает искаль тех же самых отношений между другим рядом. Таким образом установленный факт, что сила тяготения изменяется обратно пропорционально квадратам расстояния, будучи признан необходимой характеристикой всех влияний, идущих от известного центра, возбудил предположение, что свет и теплота следуют одному и тому же закону, которое оправдалось на деле и поворилось относительно электрических и магнитических сил. Далее, открытие поляризации света повело к опытам, окончившимся открытием поляризации теплоты, открытием, которое никак не могло быть сделано без предшествующего. Таким же образом преломляемость света и теплоты недавно повела к исследованию, не преломляется ли также звук, что и подтверждается опытом. Во многих случаях только с помощью понятий, полученных из одного класса явлений, становится возможным образование гипотез относительно других классов. Теория, принимавшая, что испарение есть растворение воды в воздухе, была предположением, что отношение между воздухом и водой подобно отношению между водой и солью; а это никак не могло бы быть представлено, если бы не было предварительно узнано отношение между солью и водой. Подобным же образом теория испарения, приписывающая его разлитию частиц испаряющейся жидкости в силу их атомистического отталкивания, не могла бы быть принята без предшествующего опыта магнитических и электрических отталкиваний. Эта связь между науками, причиной которой была или естественная запутанность явлений, или аналогия в отношениях явлений, стала в новейшее время столь полной, что едва ли встречается ка-

кое-нибудь значительное открытие относительно одного порядка фактов без того, чтобы оно весьма скоро не повело к открытиям относительно других порядков.

Чтобы дать достаточно полное понятие об этом процессе научного развития, нужно бы возвратиться к началу и подробно проследить развитие классификаций и номенклатуры, показать, как они, в качестве помощников науки, действовали на нее и как она действовала обратно на них. Но здесь мы можем только заметить, что, с одной стороны, классификации и номенклатура помогали науке постоянными подразделениями предметов исследований, сообщением определенности открытых истинам и распространением их и что, с другой стороны, сами они обязаны науке своей возрастающей количественностью и тем переходом от соображений, касающихся единичных явлений, к соображениям, касающимся отношений между несколькими явлениями, который был указан выше. Касательно последнего влияния необходимо дать несколько пояснений. В химии из фактов видно, что деление материи на четыре элемента было основано единственно на свойстве тяжести; что первое истинно химическое деление на кислоты и щелочи сгруппировало тела, которые просто имели одно общее свойство, но в которых одно свойство постоянно имело отношение ко многим другим, и что классификация, принятая теперь, группирует вместе тела на поддерживающие горение, металлические и неметаллические основания, кислоты, соли и пр., — тела, которые часто совершенно не одинаковы по своим ощущительным свойствам, но сходны между собой в большинстве их отношений к другим телам. Далее, в минералогии первые классификации были основаны на различиях в виде, строении и других физических атрибутах. Берцелиус сделал две попытки классификации, основанной единственно на химическом составе. Классификация, принятая теперь, признает насколько возможно, отношения между физическими и химическими признаками. В ботанике классы, составленные ранее всех, были деревья, кустарники и травы; основанием различия была величина. Диоскорид разделил растения на ароматические, питательные, целебные и винные — деление, имеющее химический характер. Цезальпино классифицировал их по семенам и семенным сосудам на основании отношений, которые он нашел между особенностями плодовых частей и общим характером других частей. Тогда как «естественная система», развившаяся впоследствии, выходя из теории Линнея, что «естественные порядки должно составлять, обращая внимание не на одну или две, а не все части растений», основывает свои деления на таких одинаковых особенностях, которые находятся в постоянном отношении к самому большому числу других сходных между собою особенностей. Подобным образом и в зоологии последовательные классификации, определявшиеся первоначально внешними и часто второстепенными признаками, не указывающими на существен-

ную природу, с течением времени все более и более стали определяться теми внутренними и основными особенностями, которые имеют однообразные отношения к наибольшему числу других различий. Мы не будем удивлены этой аналогией между видами прогресса положительной науки и классификации, если будем помнить, что как та, так и другая идут путем образования обобщений, что как та, так и другая дают нам возможность делать предвидения, различающиеся только по своей точности, и что тогда как одна имеет дело с равными свойствами и отношениями, другая занимается свойствами и отношениями, которые в различных степенях приближаются к равенству.

Без дальнейших доказательств будет, кажется, достаточно ясно, что ни одна из наук не развивалась отдельно, что ни одна из них не является логически или исторически независимой, но что все они, в большей или меньшей степени, требовали помощи и сами оказывали ее. В самом деле, нужно только устраниТЬ гипотезы и рассматривать сложный характер окружающих явлений, чтобы сразу же увидеть, как в действительности эти понятия о делении и последовательности в родах знания неверны: это только научные фикции — полезные, если смотреть на них как на пособия для изучения, вредные, если считать их представляющими реальности в природе.

Рассматривая вопрос критически, мы не найдем фактов, которые бы представлялись нашим чувствам вне всякой комбинации, — мы не найдем фактов, которые бы, хотя в некоторой степени, не были превращены другими сопровождающими фактами, — превращены таким образом, что должно отчасти понять все, прежде чем может быть понято что-нибудь одно. Если нам скажут, как это сделал Конт, что сила тяготения должна быть рассматриваема прежде других сил, потому что все вещи подвержены ей, то на подобных же основаниях можно сказать, что прежде всего следовало бы говорить о теплоте, так как термические силы действуют повсюду, так как способность известной доли материи обнаруживать видимые явления тяготения зависит от свойств ее связи, которые обусловливаются теплотой, так как только при помощи термологии можно объяснить те кажущиеся уклонения от закона тяготения, которые представляют пар и дым, и таким образом установить всеобщность его, и, наконец, так как самое существование Солнечной системы в твердой форме есть, конечно, настолько же вопрос теплоты, сколько и вопрос тяготения. Возьмем другие случаи: все явления, познаваемые при помощи зрения, основного из деятелей, посредством которых узнаются данные точной науки, усложнены бывают оптическими явлениями и не могут быть всесторонне узнаны до тех пор, пока неизвестны начала оптики. Горение свечи не может быть объяснено без химии, механики, термологии. Любой ветер определяется влияниями частью солнечными, частью лунными, частью пирометрическими и для объяснения своего требует знания равновесия жидкостей и физи-

ческой географии. Направление, наклонение и колебания магнитной стрелки суть факты наполовину земные, наполовину небесные; они обусловлены земными силами, имеющими циклы изменений, соответствующие астрономическим периодам. Течение Гольфстрима и ежегодный наплыв ледяных гор к экватору требуют для своего объяснения знакомства с вращением Земли и ее сфероидальной формой, так же как и с законами гидростатики, относительными плотностями холодной и теплой воды и с учением об испарении. Несомненно, справедливо, как говорит Конт, что «наше положение в Солнечной системе, движения, форма, размеры и равновесие массы нашего мира между планетами должны быть узнаны прежде, чем мы можем понять явления, происходящие на его поверхности». Но, к большому несчастью для его гипотезы, справедливо также и то, что мы должны понять большую часть явлений, происходящих на этой поверхности, прежде чем мы могли узнать ее положение и пр. в Солнечной системе. Не только те геометрические и механические начала, посредством которых объясняются небесные явления, были впервые обобщены на основании земных опытов, но даже само получение точных данных, на которых основываются астрономические обобщения, предполагает успехи земной физики. Пока оптика не сделала значительного успеха, Коперникова система оставалась только умозрением. Всякое новое наблюдение над звездою должно подвергнуться тщательному анализу общего строя различных наук, должно перевариться организмом наук, которые порознь уподобят подлежащие им части наблюдения, и должно подвергнуться этому прежде, чем факт, содержащийся в нем, станет полезен для дальнейшего развития астрономии. Это нужно заметить не только относительно нутации земной оси и предварения равнодействий, но и относительно aberrации и рефракции. Составление таблиц, по которым вычисляется рефракция, предполагает знание закона уменьшения плотности в верхних слоях атмосферы, закона уменьшения температуры и влияния ее на плотность и гигрометрических законов, также действующих на плотность. Таким образом, чтобы приобрести материалы для дальнейшего успеха, астрономия требует не только посредственной помощи тех наук, которые управляют приготовлением усовершенствованных инструментов, употребляемых ею, но и прямой помощи оптики, барологии, термологии, гигрометрии. Если мы вспомним, что тонкие наблюдения ее в иных случаях были записаны посредством электричества и что они были исправлены относительно «личного уравнения», т.е. относительно времени, проходящего между моментом наблюдения и записыванием, изменяющегося у различных наблюдателей, — то мы можем присовокупить к числу помощников даже учение об электричестве и психологию. Здесь, прежде чем оставить эти пояснения и преимущественно последнее, надо указать, как ясно они обнаруживают ту возрастающую деятельность связь (*consensus*) наук, которая характеризует их успешное развитие.

Помимо того, что в последнее время открытие в одной науке обыкновенно давало толчок прогрессу в других; помимо того, что большая часть вопросов, с которыми имеет дело современная наука, так смешаны, что для своего решения требуют совокупной деятельности многих наук, — помимо всего этого, в последнем случае мы находим, что для одного хорошего наблюдения в области самой чистой из естественных наук необходима была соединенная помощь полудюжины других наук.

Быть может, самого ясного понятия о взаимно обусловливающемся возрастании наук можно достигнуть рассмотрением развития ремесел и искусств, развития, с которым этот прогресс строго аналогичен и неразрывно связан. В разные времена люди наиболее способные должны были поражаться обширным рядом антецедентов, предполагаемых любым из наших мануфактурных производств. Последним производство ситца и рассмотрим все, что предполагается этим продуктом. Много нужно было последовательных улучшений, пока ткацкий станок достиг настоящего его совершенства, сюда входит паровая машина, приводящая его в действие и ведущая свою длинную историю со времен Папена; сюда входят токарный станок, на котором был приготовлен цилиндр машины, и ряд старинных орудий, от которых происходит этот станок; сюда входит паровой молот, под которым заварен был шатун ее: сюда входят пудлинговые и доменные печи, каменноугольные копи и железные рудники, доставляющие сырой материал; сюда входят те медленно усовершенствовавшиеся средства и приспособления, при помощи которых фабрика выстроена, освещена и снабжена вентиляцией; сюда входят печатная машина, красильня и лаборатория для приготовления красок с ее запасом материалов со всех частей света, предполагающих, в свою очередь, возделывание кошенили, порубку кампешевого дерева и разведение индиго; сюда входят инструменты, употребляемые на плантациях хлопка, снаряды для его очистки и сложные машины, которыми он придется; сюда же относятся корабли, на которых доставляется хлопок и которые предполагают кораблестроение, канатные и парусные фабрики, якорные заводы; помимо же всех этих прямо необходимых условий (из которых каждое заключает в себе много других), нужно иметь в виду те учреждения, в коих приобретаются требуемые сведения, печатание и распубликование необходимых известий, наконец, социальную организацию, которая сделала возможным столь сложное участие различных деятелей. Дальнейший анализ показал бы, что многие искусства, участвующие таким образом в экономическом производстве детского платья, в свою очередь, достигли теперешнего состояния своего медленными шагами, при помощи других искусств; такой анализ показал бы также, как с самого начала эта взаимность постоянно возрастала. Впрочем, стоит только принять в соображение, с одной стороны, до какой степени невозможно для дикаря, даже при готовой руде и угле, сде-

лать такую простую вещь, как железный топор; как, с другой стороны, даже сто лет тому назад в Англии, за отсутствием гидравлического пресса, было бы невозможно поднять трубы Британского моста, — чтобы сразу же увидеть, как искусства взаимно зависят друг от друга и как необходимо развитие всех для успеха одного из них. Точно таким же образом науки входят одна в другую. На деле они неразрывно вотканы в ту же самую ткань искусств и только условно независимы. Первоначально наука и практическое искусство составляли одно. Как определить религиозные празднества, когда сеять, как весить товары, каким образом измерить почву — все это чисто практические вопросы, из которых возникли астрономия, механика и геометрия. С тех пор шло постоянное сплетение наук и искусств между собой. Наука снабжала искусства более верными обобщениями и более полными количественными предвидениями. Искусства снабжали науку лучшими материалами и более совершенными инструментами. Эта взаимная зависимость становилась все теснее и теснее не только между наукой и искусством, но и между самими искусствами и между самими науками. Как полно повсюду выделяется аналогия, покажется еще яснее, когда мы убедимся, что науки суть искусства одна для другой. Если, как это встречается почти на каждом шагу, факт, анализируемый какой-нибудь наукой, должен быть сперва подготовлен, т.е. освобожден от возмущающих фактов посредством наперед открытых методов других наук; то понятно, что эти другие науки, употребляемые таким образом, стоят в положении искусств. Если при решении какой-нибудь динамической задачи чертится параллелограмм, которого стороны и диагональ представляют силы, и посредством замещения масс силы массами протяжения устанавливается измеряемое отношение между количествами, которые иначе не даются в руки, — то можно смело сказать, что геометрия играет ту же самую роль относительно механики, какую играет огонь литейщика относительно металла, который он готовится плавить. Если, анализируя явления цветных колец, окружающих точку соприкосновения между двумя выпуклыми стеклами, какой-нибудь Ньютон определяет путем вычисления известные промежуточные расстояния, слишком мелкие для непосредственного измерения, то он употребляет науку числа существенно для той же самой цели, для которой часовщик употребляет инструменты. Если астроном, прежде чем вычислить орбиту кометы из произведенных наблюдений, отделяет от них все ошибки, вытекающие из атмосферных и оптических законов, то очевидно, что таблицы преломления, книги логарифмов и формулы, которыми он последовательно пользуется, служат ему так же, как репорты, фильтры и тигли служат пробирщику, желающему отделить чистое золото от всех его примесей. В самом деле, родство так тесно, что невозможно сказать, где начинается наука и оканчивается искусство. Все инструменты естествоиспытателя суть

произведения искусства; приспособление каждого из них есть также искусство; производить наблюдение при помощи одного из них опять-таки искусство; для того чтобы обращаться с фактами, уже определенными, требуется особое искусство; даже употребление установившихся обобщений для открытия пути новым обобщениям может быть рассматриваемо как искусство. В каждом из этих случаев знание, предварительно организованное, становилось орудием, посредством которого добывалось новое знание. Будет ли это предварительно организованное знание воплощено в осозаемый аппарат или формулу, — в этом случае дело касается не столько предметов, сколько существенного отношения прежнего знания к новому.

Если — как, вероятно, никто не станет отрицать — искусство есть примененное знание, то та часть научного исследования, которая состоит из примененного знания, есть искусство. Так что мы можем даже сказать, что коль скоро какое-нибудь предвидение в науке выходит из своего первоначального пассивного состояния и употребляется для достижения других предвидений, оно переходит из теории в практику, становится наукой в действии, становится искусством.

Мы должны будем яснее понять, что подобно тому, как связь искусств друг с другом постоянно становилась все более и более близкой, подобно тому, как помощь, оказываемая наукой искусствам и искусствами наукам, с течением времени все увеличивалась, — должна была и взаимная зависимость самых наук возрастать все более и более, отношения их усложняться сильнее и сильнее, связь их становиться все более и более деятельной.

Ф

Видеть законы, принципы, доктрину образования, концепции школ и вузов, человека и общества во взаимосвязи вечного и конкретно-исторического — не пожелание теоретиков, а необходимость самой жизни. Таково реальное положение человека и общества в онтологическом времени и пространстве, истинное прочтение и понимание законов, доктрины и принципов образования, его вечного и конкретно-исторического предназначения.

Оканчивая здесь наш очерк генезиса науки, мы сознаемся, что далеко не исчерпали всего предмета. Две трудности лежали у нас на пути: первая — необходимость коснуться столь разнообразных вопросов в такой небольшой статье, вторая — необходимость рассматривать в линейном порядке процесс нелинейный, трудность, которой всегда будут подвержены все попытки обозначить процессы развития, каков бы ни был их специальный характер. Исследование о первых ступенях науки подтверждает заключение, извлеченное нами из анализа науки, как она существует теперь, — заключение, что наука не представляет чего-либо отдельного от обыкновенного знания, а есть толь-

ко отросток его, что она есть расширение восприятия при помощи рассудка.

То, что составляет, как показал дальнейший анализ, более специфическую особенность научных предвидений, противопоставленных предвидениям необразованного ума, а именно — их количественность, характеризует одинаково как первые, так и все последующие шаги в науке.

Факты и допущения, которые приводились для того, чтобы опровергнуть положение, что науки следуют одна за другой как логически, так и исторически, в порядке их убывающей общности, были усилены различными примерами, какие мы имели под руками; примеры эти показали, что более общие или абстрактные науки делали успехи только вследствие побуждения наук более специальных и конкретных; что более общая наука обязана своим прогрессом представлению новых задач наукой более специальной; в той же мере, как и более специальная наука обязана своим прогрессом решениям, к достижению которых была приведена таким образом более общая наука, что, следовательно, поступательное движение науки шло сколько от частного к общему, столько же и от общего к частному. В совершенном согласии с этим положением, мы думаем, находятся допущения, что науки суть как бы ветви общего ствола и что первоначально они разрабатывались одновременно. Это стало еще яснее, когда мы показали не только то, что науки имеют один общий корень, но и то, что вообще наука имеет общий корень с языком, классификацией, умозаключением, искусством, что в продолжение всей цивилизации они подвигались вперед вместе, действуя и воздействуя друг на друга точно так же, как это имеет место между отдельными науками, и что, таким образом, развитие ума во всех егоделениях и подразделениях сообразовалось с тем самым законом, с каким сообразовалось, как мы показали, развитие наук. Из всего этого мы можем усмотреть, что науки не с большим удобством могут быть распределены в последовательный ряд, нежели язык, классификация, умозаключение, искусство или одна какая-нибудь наука; что хотя ряд может быть удобен для книг и каталогов, но его нужно признавать только как удобство, и что, наконец, установление иерархии далеко не есть обязанность философии наук; напротив, ее долг состоит в том, чтобы показать, что ни одно из линейных распределений, какие необходимы для ученых целей, не имеет никакого основания ни в природе, ни в истории.

Есть еще одно замечание, которое мы не должны опустить, — это замечание касательно важности вопроса, разбираемого здесь. К несчастью, обыкновенно случается, что предметы с таким абстрактным характером пренебрегаются, как не имеющие практической важности; и мы не сомневаемся, что многие будут почтить весьма маловажным то, какая теория относительно генезиса науки может быть принята. Но значение истин часто бывает сопротивлено широте их общности. То же должно быть и здесь. Пра-

вильная теория исторического развития наук, когда бы она ни была установлена, должна иметь громадное влияние на воспитание, а через воспитание и на цивилизацию. Расходясь с Контом во многих других отношениях, мы согласны с ним в том мнении, что воспитание индивида, правильно веденное, должно иметь некоторое соответствие с развитием расы. Рассматривая факты, указанные нами в пояснение первых ступеней науки, нельзя не признать необходимости тех процессов, посредством которых были достигнуты эти ступени, — необходимости, которая относительно главных истин может быть прослежена подобным же образом на всех последующих ступенях. Эта необходимость, происходящая из самой природы явлений, подлежащих анализу, и способностей, употребляемых при этом, более или менее полно прилагается как к уму ребенка, так и к уму дикаря. Мы говорим — более или менее полно, потому что соответствие тут не специальное, а только общее. Если бы обстановка в обоих случаях была та же самая, то соответствие было бы полное. Но хотя окружающий материал, из которого организуется наука, во многих случаях бывает тот же самый для юношеского ума, что и для ума первобытного, во всяком случае, он не везде таков, так, например, относительно химии, явления, доступные одному, были недоступны для другого. Отсюда, ход развития должен различаться соразмерно тому, как различается обстановка. Впрочем, и после различных исключений остается существенный параллелизм. Если же это так, то становится очень важным узнать, каков в действительности был процесс научного развития. Установление ошибочной теории должно быть вредно в ее воспитательных результатах, тогда как установление истинной должно быть впоследствии плодовито школьными реформами и, следовательно, социальными благами.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ГЛАВА I. НЕПОЗНАВАЕМОЕ

Ф

Наука ставит своей целью выявить законы, в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в человеческой деятельности. Наука не ограничивается отражением только тех объектов, их свойств и отношений, которые, в принципе, могут быть освоены в практике соответствующей исторической эпохи. Она способна выходить за рамки каждого исторически определенного типа практики и открывать для человечества новые предметные миры, которые могут стать объектами практического освоения лишь на будущих этапах развития цивилизации.

§ 5. Что такое Наука? Чтобы показать всю бессмысленность предрассудка, направленного против нее, мы должны только заметить, что Наука есть не что иное, как высшее развитие обыкновенного знания, что, отвергая Науку, нужно отвергнуть вместе с нею и все знание. Нельзя сказать, где кончаются указания здравого смысла и начинаются обобщения Науки. Ежедневная проверка ее предсказаний, рост и твердое положение таких больших ее разделов, как математика, физика и астрономия, и вечно продолжающийся успех тех искусств, которыми она руководит, — вот убедительное свидетельство ее истинности.

ГЛАВА XVII. СЛЕДСТВИЯ

И. Эгоистические Чувства

§ 513. Под словом *чувства* мы будем понимать те высшие порядки чувствований, которые имеют вполне воспроизведенный характер. Это не есть ни представляющиеся состояния, ни воспроизведения подобных состояний; они состоят из множества подобных воспроизведений, неопределенно соединенных друг с другом и с еще более неопределенными родственными чувствованиями, органически ассоциированными опытом предков.

§ 514. Эволюция специального перевоспроизведенного чувствования (или чувства), проявляемого всеми людьми в той любви, с которой они посещают места былых удовольствий, хорошо иллюстрирует чувства, порождаемые личным опытом, а не опытом расы.

§ 515. Если мы сравним жизнь первобытного человека с жизнью какого-нибудь высшего животного, то увидим, что у человека существует большее разнообразие предметов, соединенных с удовольствием. При этом обладание есть постоянный антецедент каждого из этих разнообразных удовлетворений. Отсюда, сделавшись обыкновенным при самых разнообразных предметах, обладание *pari passu* (одновременно) перестало быть связанным с каким бы то ни было частным предметом или удовлетворением. Приобретение в собственность сделалось приятным действием, потому что оно вызывает частичное возбуждение всех тех былых удовольствий, которые уже неразличимы индивидуально, но образуют обширное смутное чувствование, чувствование, которое сделалось собственно чувством, ибо стало перевоспроизведенным. Излишне прибавлять, что с прогрессом цивилизации достигается высшая перевоспроизведенность.

§ 516. Возможность свободно пользоваться членами и органами чувств ассоциирована в личной жизни с каждым видом удовольствия; она подобным же образом была ассоциирована и у всех предков. Таким образом, здесь мы имеем чувство, состоящее из многочисленных, неопределенных и обширных чувствований, образованных опытами, организованными и переданными по наследству в течение всего прошлого. Волнение, вызываемое помехой движениям, состоит из перевоспроизведения всевозможных лишений, а в удовольствии возвращенной свободы соединены возможности всяких вообще удовлетворений. По мере того как мы переходим по восходящим ступеням политической свободы, это чувство характеризуется все большей воспроизведенностью.

NB Спенсер подчеркивает важную закономерность: успех окрыляет учащегося, становится серьезным стимулом в изучении действительности и развитии мышления.

К сожалению, современный педагог мало использует это превосходное явление. Многие учителя предпочитают чаще быть цербером, надсмотрщиком, есть и такие горе-воспитатели, которые ловят любую оплошность ученика,

Это первично эгоистическое чувство достигает своей высшей формы только при помощи альтруистического чувства, кооперация которого будет впоследствии указана.

§ 517. Успешное выполнение телесного или умственного действия, обеспечивая достижение того удовлетворения, к которому человек стремится, в то же время неопределенно пробуждает сознание подобных же действий, заканчивавшихся подобными же удовлетворениями. Таким образом, успешная деятельность вообще ассоциируется в сознании с удовольствием, причем оба сознания имеют перевоспроиз-

чтобы наказать его и утвердить себя. Между тем можно было бы ввести в качестве правила — отмечать малейшие успехи учащегося публично, главное, душевно настроиться на это. Для соблюдения такого правила нужно немногого — любить ученика.

изведенный характер. Стремление каждого успеха вызывать идеи собственных успехов в прошлом приводит к образованию чувства самоуважения, которое, когда оно дошло до значительной силы, зовется гордостью.

§ 518. Мы не имеем времени продолжать этот синтез в других направлениях; иначе можно было бы сказать кое-что о видоизменениях и комбинациях этих эгоистических чувств.

VII. Эго-альtruистические Чувства

§ 519. Припомним, что эффекты опыта, как они понимаются в этом сочинении, суть эффекты, производимые проявлением нервных состояний вместе с сопровождающими их состояниями сознания, где эти последние существуют, все равно, будут ли отношения между этими состояниями наблюдены или нет. Теперь мы перейдем к эго-альtruистическим чувствам, или таким, которые, предполагая самоудовлетворение, предполагают также и удовлетворение других, причем воспроизведение этих последних является источником удовольствия не само по себе, но вследствие дальнейших личных выгод, связанных с ними в опыте.

§ 520. Эмоции, возбуждаемые у молодого дикаря естественным языком любви и ненависти у членов его племени, получают прежде всего частичную определенность в его отношениях с членами своей семьи и товарищами игр; и опыт находит его, как бывает полезно для достижения собственных целей избегать таких поступков, которые вызывают со стороны других проявления гнева, и вести себя так, чтобы вызывать со стороны других проявление удовольствия. Он вовсе не думает о том, хорошо или дурно какое-нибудь действие само по себе: его удерживает главным образом смутный, но отчасти определенный страх перед бедствием, которое может за этим последовать. Отсюда развиваются сдерживающие мотивы более высокого порядка. Сильным побуждающим и сдерживающим мотивом становится первобытное верование, что каждый умерший человек становится духом, который может возвратиться назад для того, чтобы помочь или навредить людям. Сознание того, что какой-нибудь могущественный вождь может вновь вернуться на землю и наказать тех, которые нарушили его правила, становится могущественным мотивом, который может безмерно возрасти вследствие накопления традиций. Божество продолжают представлять себе, как существо, проявляющее человеческие эмоции человеческими способами. Его способность налагать наказания и одарять наградами становится все большей, так что страх перед гневом божества и желание заслужить его одобрение приобретают большую ширину

и общность, хотя и продолжают быть антропоморфическими. Нравственность и безнравственность поступков в том смысле, как мы понимаем теперь эти слова, первоначально не рассматриваются.

§ 521. Таким образом, многое из того, что принимается за религиозное чувство, есть только перевоспроизведенная форма того эго-альtruистического чувства, которое главным образом руководит людьми в их поведении относительно друг друга. До сих пор поступки человека не рассматривались по своей внутренней природе, независимо от каких бы то ни было последствий, как непосредственных, так и отдаленных, которые они могут иметь для него самого.

§ 522. От этого происходит, что критерий хорошего и дурного был и есть таким несходным среди различных обществ. Регулятивные чувства эго-альtruистической природы так же изменчивы в своих отношениях к конкретным действиям, как изменчивы виды поведения, приводящие к общественному благополучию при различных социальных условиях. Тем не менее эго-альtruистические чувства имеют важные составные элементы постоянного характера. Какой-нибудь вид поведения, который вызывает одобрение среди всех и во все времена, будет считаться хорошим независимо от века и народа.

§ 523. Что эго-альtruистические чувства образовались таким образом, как мы указали, можно видеть из того, что чувство стыда, вызываемое произведением презрения других, бывает одинаково по своей природе, будет ли воображаемое презрение вызвано действительно совершенным дурным поступком или таким дурным поступком, который только приписывается обвиняемому: румянец может появиться и у невиновного ребенка, которого обвиняют в чем-нибудь, так же как и у виноватого.

VIII. Альтруистические Чувства

Ф

Альтруизм — это нравственный принцип поведения, означающий способность бескорыстно жертвовать собственными интересами в пользу интересов другого человека. В истории морального сознания человечества альтруизм имел двоякое значение. С одной стороны, он выражал нормы взаимопомощи в рамках личных взаимоотношений индивидов, формировал сознание людей в духе бескорыстного служения друг другу. С другой стороны, всякая попытка представить принцип альтруизма как путь преобразования общества на внеэгоистических началах в конечном счете вела к лицемерию.

§ 524. Изменчивость чувства, указанная в предыдущем разделе, есть только спутник перевода от первоначального типа общества, приспособленного к разрушительной деятельности, к типу цивилизованному, приспособленному к мирной деятельности.

Идеи и чувства должны в конце концов стать единообразными и постоянными вследствие того, что условия социальной жизни единобразны и постоянны.

§ 525. Ввиду того что с прогрессом организации общества взаимная зависимость его частей увеличивается и благосостояние каждого бывает более связано с благосостоянием всех, оказывается, что возрастание чувствований, находящих удовлетворение в благосостоянии всех, есть возрастание таких чувствований, которые приспособлены к основному неизменному условию социального благоденствия.

§ 526. Почему симпатические и альтруистические чувствования, вызываемые у каждого выражением чувствований у других, не развились до такой высоты, как эго-альtruистические чувствования, станет понятным, когда мы вспомним, что сверх той задержки симпатии, которая обусловливала антагонизмом обществ, существовали еще задержки симпатий, вызываемые борьбой за существование внутри общества. Удовольствие индивида и общественное благосостояние способствовали развитию эго-альtruистических чувствований.

§ 527. Альтруистическое чувствование становится перевоспроизведенным, или собственно чувством, только тогда, когда чувствование, которому оно симпатизирует, есть эмоция, а не простое ощущение. Переход к тому высшему состоянию, когда нет более представляющих элементов, совершается постепенно.

§ 528. Очень значительная часть того чувствования, которое обыкновенно называется великодушием, имеет эго-альtruистический характер. Хотя и сильно перемешанное с более низкими чувствованиями, великодушие в слабой и несистематической форме проявляется на ранних ступенях общества; оно становится заметным и частым только тогда, когда цивилизация развивает симпатии.

§ 529. Чувство жалости есть такое чувство, которое получает значительное развитие только тогда, когда уменьшаются хищнические деятельности. Здесь мы должны указать на важную истину. Каждое альтруистическое чувствование нуждается в соответствующем эгоистическом чувствовании, как в неизбежном факторе, ибо пока какие-нибудь эмоции или ощущения не испытывались, они не могут быть возбуждены симпатическим путем.

§ 530. От этих более простых форм мы переходим теперь к наиболее сложной форме — к чувству справедливости, которое образовано воспроизведением чувствования, имеющего само по себе высокопревоспроизведенный характер. Пределом, к которому стремится это чувство, является такое состояние, когда каждый гражданин настолько же симпатически забо-

NB Г. Спенсер отходит от заявленного позитивистами метода — идти от факта, обобщать только факты. Впрочем, с позитивистами это часто случается в связи со слабым владением ими методологией мышления. В данном случае Г. Спенсер

отмечает лишь одно — сторону справедливости, притом не главную. Справедливость основываетя, прежде всего, на объективности отношения к человеку. Объективность нуждается в исследовании, исследование — в методе. Методология должна войти в обыденное мышление. Это одна из важных задач образования.

тится о сфере деятельности каждого другого гражданина, как и о своей собственной.

§ 531. Заметим, насколько ошибочно мнение, будто эволюция духа путем накопленных и унаследованных эффектов опыта не может привести к постоянным и всеобщим нравственным чувствам с соответствующими нравственными принципами. Тогда как это альтруистические чувства приспособляются к разнообразным видам поведения, требуемым социальными условиями каждого места и времени,

приспособляются к таким видам поведения, которые всегда благородельны, потому что они соответствуют необходимым для наивысшего благодеяния индивидов, соединенных общественными связями. Священная неприкосновенность жизни, свободы и собственности все более и более живо чувствуется с прогрессом цивилизации. Среди всех высших рас, с давних пор подчиненных общественной дисциплине, существует приблизительное согласие относительно этих пунктов, поскольку дело касается отношений между согражданами.

§ 532. Теперь мы пришли к еще более сложному альтруистическому чувству — чувству милосердия. Состояние сознания, называемое этим именем, есть такое состояние, когда выполнение действия, внущенного чувством справедливости, предотвраща-

ется перевешивающим его чувством жалости, воспроизведением того страдания, которое последует за действием. Здесь мы имеем борьбу двух альтруистических чувств, и любопытно наблюдать, каким образом иногда возникает здесь тягостное колебание между двумя требованиями, из которых каждое было бы нравственно обязательным при отсутствии другого. Желание не причинять страдания указывает на один путь, а противоположный путь указывает чувство, соответствующее тем высшим принципам нравственности, которые не могут быть без опасности ослаблены.

IX. Эстетические Чувства

§ 533. Деятельности, которые мы называем играми, соединены с эстетическими деятельностями той общею чертой, что ни те ни другие не способствуют каким бы то ни было прямым образом процессам, благоприятствующим жизни. Откуда возникает импульс к играм? И как появляется та дополнительная деятельность высших способностей, которая предполагается изящными искусствами?

§ 534. Когда мы подымаемся к животным высших типов, то находим, что их время и сила не поглощаются вполне удовлетворением непосредственных нужд. А так как каждая умственная способность подчинена тому закону, что ее орган, если его отдых продолжается дольше обыкновенного, становится необыкновенно склонным к деятельности, то вместо настоящей деятельности легко возникает ее подобие, когда обстоятельства предоставляют случай к этому. Отсюда — игры всякого рода, отсюда — стремление к излишнему и бесполезному упражнению способностей, которые находились в состоянии покоя. Отсюда также тот факт, что эти ненужные упражнения в большей части совершаются теми способностями, которые играют самую выдающуюся роль в жизни животного.

§ 535. Общая природа и положение эстетических чувств делаются более понятными, когда мы заметим, каким образом эстетический характер чувствования обыкновенно ассоциируется с отделенностью от деятельности, служащей для жизни. Мы почти вовсе не приписываем эстетического характера ощущениям вкуса. Эти удовлетворения только редко отделяются от отправлений, служащих для жизни. Наоборот, существует большая область для наслаждений, возникающих вследствие бесполезной деятельности способности слуха, которая значительно диссоциирована от деятельности, служащих для поддержания жизни. Что эстетическое сознание есть по существу такое сознание, предмет которого составляют сами деятельности, помимо целей, которые они преследуют, доказывается тем фактом, что многие эстетические чувства возникают вследствие созерцания свойств и действий других людей, реальных или идеальных.

§ 536. Первичный источник эстетического удовольствия в простых ощущениях есть такое качество комбинации, благодаря которому известные способности упражняются наиболее полно, без малейшего вычета вследствие излишка упражнения. К этому присоединяется вторичный источник удовольствия — распространение нормального стимула на широкую область, сопровождающееся возбуждением приятного чувствования, слабого и неопределенного. Третьим источником удовольствия является частичное оживание, вследствие этого разряжения, тех разнообразных специальных удовлетворений, которые соединены в нашем опыте с комбинациями, подобными той, которая теперь дана сознанию.

§ 537. Те же общие и частные истины приложимы и к комбинациям ощущений, которые возбуждают идеи и чувствования красоты. Телесные движения, приятные для самого субъекта и ассоциированные с сознанием грациозности (например, катанье на коньках), суть такие движения, которые приводят много мускулов в гармоническую деятельность и не напрягают чрезмерно ни одного. Существуют основания предполагать, что красивые расположения форм суть такие расположения, которые деятельно упражняют наибольшее число структурных элементов, играющих роль при восприятии, и в то же время чрезмерно напрягают, возможно меньшее число их. То же самое относится и к тем сложным зрительным объектам, которые представляются действительными предметами или живописными воспроизведениями предметов со всеми их светами, тенями и цветами.

§ 538. Мы переходим к высшей области, в которой состояния сознания имеют исключительно перевоспроизведенный характер, в тот момент, когда принимаем в соображение более отдаленные умственные состояния, возбуждаемые ландшафтом и музыкой. Чувствования прекрасного, возбуждаемые изящной литературой, обладают высокоперевоспроизведенным характером.

§ 539. Подчиняясь всегда тому основному условию, что эстетическое чувствование есть такое чувствование, которое не оказывает непосредственной помощи никакой деятельности, направленной к поддержанию жизни, следует признать, что самым высоким эстетическим чувствованием является то, которое обладает наибольшим объемом при соответственном упражнении наибольшего числа сил, не сопровождающемся чрезмерным упражнением ни одной силы, другими словами, это есть чувствование, являющееся следствием полного, но не чрезмерного упражнения самой сложной эмоциональной способности. Высота чувствования пропорциональна его удаленности от простого ощущения и его сложности, как содержащего бесчисленное разнообразие тех элементов, из которых образуются эмоции, и как являющегося слабым воспроизведением огромного агрегата подобных элементов, соединенных вместе в течение эволюции.

NB Размышления Г. Спенсера об эстетических явлениях, искусстве являются шагом назад для того времени, когда он работал. Подножный эмпиризм не может решить проблему эстетического, проблему искусства. Эти явления очень сложны и потому трудны для исследования и изучения. До сих пор в изучении литературы в

§ 540. Наконец, можно ожидать, что с прогрессом эволюции эстетические деятельности вообще будут играть все большую роль в жизни человека. Большая экономизация энергии, являющаяся следствием высшей организации, даст и в будущем те же результаты, какие она дала и в прошлом. Возрастающий избыток энергии приведет к возрастанию пропорций эстетических деятельности и удовлетворений; и хотя впоследствии формы искусства

школе доминирует социологизм в вульгарной форме: искусство — изображение жизни и источник социальных идей. Эстетика давно уже отказалась

от такого подхода к искусству. В советское время была закреплена как главная побочная ветвь в теории искусства, разрабатываемая в России социологами (Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов и другие буржуазные демократы). В.И.Немирович-Данченко говорил актерам: если ставить «Грозу» А.Н.Островского по Добролюбову, то это будет не театр (т.е. не искусство), а кафедра социологии.

Сегодня ряд учителей литературы превращают уроки литературы в уроки социологии, в крайнем случае — в уроки литературоведения, что тоже неправомерно. Например, «Вишневый сад» А.П.Чехова трактуется как изображение борьбы дворян и буржуазии за земельные участки. Побеждает буржуазия, потому что она более активна и прогрессивна. Как это далеко от Чехова и от искусства тоже!

ГЛАВА XX. ДОМАШНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

II. Различие интересов Вида, Родителей и Детей

§ 277. Самое высокое устройство семьи достигается тогда, когда существует такое согласование интересов общества и его членов, старых и молодых, что смертность в период от рождения до воспроизводительного возраста падает до минимума, а жертвы, приносимые взрослыми для воспитания детей, сводятся к возможно меньшей величине. Это уменьшение подчинения жизни взрослых целям воспитания происходит тремя путями: во-первых, удлинением того периода, который предшествует воспроизведению; во-вторых, уменьшением числа рождений, а также возрастанием удовольствия, доставляемого заботами о детях; в-третьих, продлением жизни, следующей за прекращением воспроизведения. Мы должны помнить, что те домашние отношения, которые являются наивысшими с этической точки зрения, суть также наивысшие и с биологической, и с социологической точек зрения.

IX. Семья

§ 315. Существует ли связь между различными формами домашнего устройства и общественной организацией, военной и промышленной? Принимая в соображение множество факторов, кооперировавших при изменении брачных отношений; принимая также в соображение то обстоятельство, что некоторые общества, сделавшись сравнительно миролюбивыми, еще долго в значительной мере удерживали ту организацию, которая была ими приобретена в течение предыдущего более воинственного

станут доставлять приятное упражнение более простым способностям, однако они будут в большей степени, чем теперь, обращаться к высшим эмоциям.

периода, тогда как другие общества, в значительной мере развившие свою промышленную организацию, вновь сделались в значительной степени воинственными, вследствие чего характерные черты двух типов перемешались, — принимая во внимание все эти обстоятельства, мы увидим, что связь между полигамией и военным типом, а также между моногамией и промышленным типом настолько ясна, насколько только можно было ожидать. Бессспорно то, что прогрессивный переход от первобытного хищнического типа к высшему промышленному типу совершился одновременно с прогрессивным переходом от господства полигамии к исключительной моногамии. То, что упадок воинственности и развитие промышленного духа были существенными причинами этой перемены типа семьи, видно из того, что перемена эта совершилась и там, где отсутствовали все другие причины, на которые можно было бы сослаться, каковы, например, культура, религиозные верования и т.п.

Ф

И.А.Ильин: «Семья — это первичная ячейка общества, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает и в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым совместным движениям сердца; и подняться в нем к дальнейшим формам человеческого единения — родине и государству».

§ 316. Взглянем теперь с общественной точки зрения на эти домашние отношения, которые мы до сих пор рассматривали главным образом с частной точки зрения. Ибо от устройства семьи, рассматриваемой как составная часть общества, зависят различные общественные явления.

§ 317. Эти замечания служат введением к критике учений сэра Генри Мэна*. Хотя он и пользуется фактическим материалом из жизни варварских племен, принадлежащих к высшим типам, он оставляет, однако, без внимания огромную массу нецивилизованных народов и не принимает в соображение многочисленных фактов, которые можно наблюдать среди этих народов и которые противоречат его теории. Он справедливо порицает более ранних писателей за то, что они для своих индукций не исследовали достаточно широкого поля, и, однако, сам впадает в эту же ошибку, когда говорит, что «слепое повиновение некультурного человека своим родителям есть, без сомнения, первичный факт» (Ancient. 1861, 136). Ибо факты не только не показывают того,

*Мэн, Мен, Мейн Генри Джеймс Самнер (1822—1888 гг.), английский юрист и историк права. В своих исследованиях использовал сравнительно-исторический метод, стремясь на основе изучения индусского, древне-римского, германского, древне-ирландского, славянского права создать всеобъемлющую картину развития права и ранних социальных институтов у индоевропейских народов.

будто сыновнее повиновение есть врожденное чувство, а патриархальный тип — естественное последствие этого, но даже, скорее, приводят к тому заключению, что оба эти явления развились рука об руку при благоприятных условиях.

§ 318. Сэр Генри Мэн предполагает, что на самых ранних ступенях существовали определенные брачные отношения. Однако в разделах «Первобытные отношения полов», «Беспорядочные половые отношения» и «Полиандрия» было показано, что определенным и связным брачным отношениям предшествовали неопределенные и бессвязные отношения. Далее, сэр Генри Мэн полагает, будто происхождение всегда и везде велось по мужской линии. Это справедливо относительно исторического периода жизни тех народов, которыми он занимался. Но среди нецивилизованных рас всего земного шара происхождение по женской линии есть весьма обыденное явление. Затем постулируется существование с самого начала правительства; патриархальной власти над женой, детьми, рабами и над всеми, включенными в первобытную социальную группу. Однако в разделах «Регулятивная Система» и «Общественные Типы» мы видели, что во многих частях света существуют общественные группы, пример которых доказывает ошибочность этого предположения. Факты также опровергают и его учение, будто первоначально собственность принадлежала всей семье как корпоративной единице, и его уверенность в существовании постоянной опеки над женщинами.

§ 319. Здесь мы приходим к факту, на который прежде только косвенно указывали, а именно к тому, что гипотеза сэра Генри Мэна не принимает в соображение ни одной стадии человеческого прогресса, существовавшей ранее пастушеского или земледельческого периода. Группы, которые он описывая состояющими из патриарха, его жены, потомков, рабов, стад и табунов, суть такие группы, существование которых предполагает приручение различных животных. Но ранее чем совершилось приручение животных, прошли длинные периоды, теряющиеся во мраке доисторических времен. Чтобы понять более высокие формы семьи, мы должны проследить их начиная с тех самых низких форм, которые сопутствовали самым низшим состояниям общества. Если бы это было сделано, то мы увидели бы, каким образом в небольшой уединенной группе молодых и старых людей, связанных известным родством, под влиянием пастушеской жизни устанавливается происхождение по мужской линии, усиливается взаимная связь, субординация и кооперация как для промышленных целей, так и для целей защиты; мы увидели бы, что возникновение подобного устройства было сравнительно легко, потому что домашнее управление и правление общественное были тождественными. Отсюда возникло простое общество, более развитое, чем все предшествовавшие простые общества, и лучше приспособленное для того, чтобы войти в состав более высоких обществ. Зародившаяся таким образом при спе-

циальных условиях патриархальная группа с ее идеями, чувствами, обычаями и порядками, приспособленными друг к другу, делится в последовательных поколениях на подгруппы, которые продолжают держаться вместе, образуя, смотря по обстоятельствам, большие или меньшие агрегаты; при этом подобная патриархальная организация сохраняется и тогда, когда группа переходит к оседлому состоянию. Внутри этой патриархальной группы вырабатывается такой вид координации, который оказывает пригодным и для координирования больших обществ, образованных путем агрегации.

§ 320. От этой критики перейдем теперь к той имеющей глубокое значение общей истине, которая указана сэром Генри Мэном, — к дезинтеграции семьи. Он говорит: «Единицей древнего общества была семья», а единицей «современного общества является индивид». Когда сотрудничество индивидов, принадлежащих к одной семье, перестает основываться только на несходстве их взаимных отношений, а начинает основываться на сходстве их отношений к государственной власти и к врагам, тогда общественные кооперация и субординация возрастают за счет семейных кооперации и субординации. Подобно тому как у высших индивидуальных организмов агрегированные клеточки, образующие зародыш, уступают место таким структурам, у которых клеточная форма почти совсем потеряна, так и в социальном организме семейные группы уступают место структурам, образованным путем смешения индивидов, принадлежащих ко многим различным семьям.

§ 321. Есть ли предел этой дезинтеграции? В современных обществах эта дезинтеграция отчасти разрушила отношения домашней жизни и заменила их отношениями общественной жизни. Государство не только признало индивидуальные права и индивидуальную ответственность младших взрослых членов семьи, но оно в значительной степени узурпировало родительские функции относительно детей и, признавая их права на его заботы, употребляет против них принудительные меры. Однако мы имеем основание думать, что подобная дезинтеграция семьи зашла слишком далеко и что в будущем произойдет частичное увеличение интеграции.

§ 322. Здесь мы приходим к одной истине, о которой политикам и филантропам следовало бы хорошо подумать. Каждый вид для своего сохранения должен удовлетворять двум противоположным требованиям. В течение своего детства каждый член вида должен получать поддержку пропорционально своей беспомощности, но, достигнув зрелого возраста, он должен пользоваться выгодами пропорционально своей деятельности. Вид исчез бы в одно поколение, если бы родители не сообразовались с этим законом относительно незрелых индивидов; то же самое нужно сказать и о законе относительно взрослых индивидов, ибо если бы благоденствие индивидов не изменялось с их деятельностью.

стью, то наименее достойные члены вытеснили бы наиболее достойных.

§ 323. Патриархальная группа долго сохраняет свою индивидуальность, удерживая в обществах, образовавшихся путем ее размножения, свойственное ей господство старейших членов мужского пола, а также и свою систему наследования, и свои законы о собственности, и свое совместное поклонение общему предку, и свою кровную вражду, и полное подчинение женщин и детей. Но и в этих обществах, как и в обществах, образованных другим способом, совместная деятельность мало-помалу приводит к слиянию, и различные подразделения, существующие в этих обществах, становятся все менее заметными, пока, наконец, как это показал сэр Генри Мэн, общества, имеющие своей единицей сложения семью, не переходят в общества, имеющие единицей сложения индивида.

XI. Положение Детей

§ 330. Положение ребенка первобытного человека сходно с положением детеныша животного, например медвежонка. Здесь нет ни нравственной обязанности, ни нравственной узды: существует только ничем не стесняемая возможность вскормить, бросить или уничтожить ребенка сообразно с приливом любви или порывом гнева. Подобно тому как обращение мужчин с женщинами не может перейти известной степени суровости, не вызывая исчезновения самого племени, так и здесь племя должно исчезнуть, если любовь к потомству не будет достаточно сильна.

§ 331. Среди людей отношение взрослых индивидов к детям начинает принимать высшие формы под влиянием следующих желаний: во-первых, иметь помощника для сражения с врагами; во-вторых, приготовить мстителя за полученные обиды; наконец, в-третьих, оставить после себя человека, который позабочился бы о нашем благоденствии после смерти. Все эти мотивы усиливают права детей мужского пола, но не женского. А это еще раз указывает на связь воинственности мужчин и низкого положения женщин.

§ 341. Нельзя делать особенно специальных выводов относительно будущих изменений положения детей. Все, что ведет к наибольшему благополучию потомства, должно более и более устанавливаться среди общества, ибо дети худших родителей, воспитываемые худшими способами, будут постоянно замещаться детьми лучших родителей, воспитываемыми лучшими способами.

§ 342. Нам нужно рассмотреть еще одну сторону домашней эволюции. Забота детей о родителях, это наиболее позднее по своему появлению звено, связывающее семью воедино, имеет в будущем наиболее места для своего возрастания. С повышением

№ Можно посмотреть на семью и с другой стороны. Первым социальным образовательным институтом была семья. Постепенно родители свои образовательные функции по ряду причин передавали учительям — специалистам. Сегодня даже воспитание детей многие родители перекладывают на школу.

Но если родители — предшественники учителей, то какие-то отношения родителей и детей должны перейти в школу, к учителю? Прежде всего — сердечная забота о ребенке, эмпатия, любовь, ответственность. Увы! Еще многим нашим учителям можно было бы размышлять по этому поводу!

умственного и нравственного уровня среди людей последние дни жизни будут облегчены благодаря большим заботам детей, которые таким образом отблагодарят за большие заботы родителей во время их младенчества.

ГЛАВА XXIV. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

(Сокращенное изложение И.В.Мокиевского)

I. Профессии вообще

§ 661. Не легко указать, каков общий характер профессиональных учреждений, отличающий их от других учреждений, имеющихся в обществе.

Первые как по времени возникновения, так и по своей важности учреждения заняты защитой жизни, ее регулированием и поддержанием. Но когда все и бывает достигнуто, тогда можно подумать о возрастании и возвышении жизни. Выполнением этой задачи и заняты профессии. Врачи, устраниющие страдания, лечащие болезни, борющиеся со смертью, способствуют возрастанию жизни. Композиторы и исполнители музыкальных произведений, возбуждая чувство, способствуют возрастанию жизни. Поэты и артисты возбуждают приятные чувствования и, таким образом, способствуют возрастанию жизни. Историки и литераторы, частью благодаря своим указаниям, частью побуждениям интереса к своим повествованиям, также способствуют возрастанию жизни. Хотя о юристах этого нельзя сказать прямо, но косвенно, защищая от нападения, они тоже способствуют возрастанию жизни. Люди науки способствуют возрастанию жизни как изображением многочисленных приемов и орудий, так и возвышением интеллектуального интереса. Учителя, развивая своих учеников и увеличивая их пригодность для деятельности, также способствуют возрастанию жизни. Наконец, живописцы, скульпторы и архитекторы возбуждают своими произведениями приятные чувствования и тем способствуют возрастанию жизни.

§ 662. Каким образом профессии возникли? Или, говоря языком эволюционной философии, из какой, ранее существовавшей, общественной ткани они дифференцировались? Несомненно, что профессиональные деятельности или, по крайней мере,

некоторые из них возникли из первичной политico-церковной деятельности. А когда политico-церковная деятельность дифференцировалась на политическую и церковную, то эта последняя сохранила за собой зародыши всех профессиональных деятельностей. Если мы рассмотрим те приемы, которые употребляются для умилостивления и прославления тени умершего вождя, то легко заметить в них элементы почти всех профессиональных деятельности.

§ 663. Существует еще одна причина, благодаря которой первоначально именно на долю жрецов выпадает выполнение деятельности не только всех тех профессий, происхождение которых связано с прославлением тени умершего вождя (как, например, музыка и пение), но также и профессий, не имеющих непосредственной связи с этой деятельностью, как, например, и профессии юриста и учителя. Эта причина заключается в том, что жреческий класс возвышался над остальными членами общества своими знаниями и умственной силой. Сверх того, будучи с материальной стороны совершенно обеспеченными, жрецы имели много досуга, чтобы развить в себе те интеллектуальные качества, которые необходимы для людей, посвящающих себя профессиональнym занятиям.

VIII. Учителя

Ф

Учитель — педагогическая профессия и должность в системе общего и профессионального образования. Лишь на первый взгляд может показаться, что учительская профессия связана с ретрансляцией знаний. На самом деле это высокая миссия, предназначение которой — сотворение и самоопределение личности в культуре, утверждение человека в человеке. При очевидной массовости педагогической профессии для овладения ею оказывается необходимой достаточно жесткая структура способностей и качеств, определенная социально-психологическая предрасположенность личности.

§ 699. Уже одно то обстоятельство, что жрецы были самым образованным классом и имели более других свободного времени, должно было привести к тому, что именно в их руках сосредоточилось дело образования. Но это первобытное тождество жреца и учителя имело еще и другое, более глубокое основание. Те сведения, которые передавались первобытным учителем своему ученику, должны были исключительно состоять из знания того, что нужно делать и чего не делать, чтобы заслужить благоволение богов и духов. Таким образом, согласно первобытному пониманию, учителем был тот, кто мог сообщить сведения о священных предметах. Само собой разумеется, что первоначально это обучение не выходило за пределы самого жреческого сословия: старший жрец обучал младшего или, лучше сказать, жрец

обучал того, кто должен был сделаться жрецом. Во многих случаях и в течение долгого времени это было единственным видом обучения. Только впоследствии, с возникновением светского культурного класса, появились учителя в нынешнем смысле этого слова.

§ 700. Само собой разумеется, что на низших ступенях цивилизации мы не можем надеяться встретить ясно обозначенные группы. Следовательно, и преподавательская деятельность не имела первоначально определенного характера. Хотя уже на самых низших ступенях цивилизации заметно стремление выделить особый класс как носителя священных знаний, однако первоначально мы видим, что все эти священные знания или, по крайней мере, их сообщаются всем юношам по достижении ими известного возраста, например, у австралийцев над всеми юношами совершаются в известном возрасте известные обряды, при которых действующими лицами и обучителями являются знахари. С развитием общества, когда знахари организуются в жреческий класс, эта учительская деятельность становится более определенной. Так, у новозеландцев жрецы обучают молодежь «песням и преданиям народа». В Африке это жреческое учительство становятся еще более определенным. Наконец, в Абиссинии и на Мадагаскаре мы замечаем первые признаки дифференциации: рядом с учителями-жрецами существуют и учителя, не принадлежащие к жреческому сословию.

§ 701. Эту связь духовного сословия и учительства мы найдем и среди всех народов, достигших известной степени цивилизации. В древней Мексике обучение совершалось в храмах. То же самое найдем мы и в Японии и в Бирме, и среди магометанских народов. Университет в Каире до сих пор еще помещается в мечети.

§ 702. Свидетельство лучших знатоков истории подтверждает утверждение, что и среди древних цивилизаций мы встретим связь учительства и жречества. В Индии, например, все обучение состояло в ознакомлении с Ведами и, конечно, находилось в руках жрецов. Подобную же постановку обучения встречаем мы и в древней Персии, и в Вавилоне, и в Ассирии, и в древнем Египте. В древней Греции, как мы не раз уже говорили, отсутствие жреческой иерархии повело к изменению обычного хода развития профессий, и профессия учителя испытала это изменение. Хотя храмы и являлись в Греции местом специальной культуры, но жреческое преподавание не получило развития. Более того, воинственность греков привела к тому, что при воспитании стали обращать особенное внимание на чисто физическое развитие и на обучение знаниям, нужным на войне. Однако и тогда, когда интеллектуальное воспитание достигло высокого развития, оно оказалось не в руках жрецов, а в руках светских учителей. Развитие Рима слишком было видоизменено вторжением чужеземных элементов, чтобы можно было надеяться встретить здесь нор-

мальный ход развития профессий. Кроме того, и воинственность Рима мешала нормальному ходу вещей. Мы видели, что жрецы были учителями, между прочим, и потому, что они были самым образованным классом общества; но в Риме рабы и вольноотпущеные из греков были образованнее жрецов, и поэтому они именно и сделались воспитателями юношества. А всякая профессия, выпадающая на долю побежденных, становится в глазах общества достойной презрения.

§ 703. Если обратимся к Северной Европе, то увидим, что и здесь существовала несомненная связь жречества с учительством. С введением христианства учительская роль духовенства нимало не пострадала. Первые века преподавание целиком находилось в руках духовенства. Затем последовали столетия войн и общественных неурядиц, когда всякая правильно организованная деятельность была затруднена. Но с возрождением правильного преподавания духовенство предъявило свои права на руководство воспитанием и сопротивлялось всякому вторжению светских элементов. Так, например, в Гейдельберге только в 1482 году первое лицо не духовной профессии после усиленной борьбы получило право преподавать медицину; и только в 1553 году последовало общее допущение светских лиц к профессорским кафедрам.

§ 704. Англия, где в старые времена «приходские церкви часто использовались как школы», представляет пример того же единения духовной профессии и учительства. Английские университеты первоначально были собранием студентов теологии, пришедших поучиться у знаменитых духовных лиц. И все дело преподавания в Англии до сих пор еще носит многочисленные следы духовного происхождения.

§ 705. Стремление к объединению замечается и в учительской профессии не менее чем где-либо. Однако, так как учительская профессия сравнительно только недавно дифференцировалась от духовной, то и эта интеграция в ней не так ясно выражена. Впрочем, несмотря на все это, мы можем указать на многочисленные способы объединения учителей и преподавателей.

XII. Эволюция Профессий

§ 721. Таким образом, мы видим, что профессиональные учреждения возникли путем дифференциации от фактора, который, будучи вначале чисто политическим, сделался впоследствии политико-церковным и затем развил профессиональные учреждения главным образом из церковного элемента. Египет, на истории которого так хорошо можно изучать первые шаги социальной эволюции, особенно живые примеры первоначального объединения политических, церковных и профессиональных отправлений.

§ 722. На примере профессиональных учреждений мы особенно ясно видим процесс социальной эволюции. Ни одна груп-

па учреждений не иллюстрирует лучше этого процесса, ни одна не показывает яснее, до какой степени социальная эволюция согласуется с общим законом эволюции. Зародыши, из которых развились профессиональные деятельности, первоначально составляли часть регулятивного фактора, но затем дифференцируясь от него, дифференцируясь в то же время и друг от друга. Далее, становясь, каждая в отдельности, благодаря подразделениям более многообразными, эти деятельности в то же время сделались и более связными и более резко обозначенными. Этот процесс совершенно параллелен тому процессу, путем которого части индивидуального организма переходят из своего первичного состояния простоты к конечному своему состоянию сложности, или из состояния неопределенной однородности к состоянию определенной разнородности.

§ 722а. Процесс развития профессий лишний раз показывает все значение инициативы и свободной деятельности индивидов. Как все национальное богатство, так и все разнообразие профессиональных деятельности создано путем личной инициативы, путем естественного приспособления к потребностям общества. Этого до сих пор не могут понять те, которые всю свою надежду возлагают на правительственную опеку.

ГЛАВА XXVI. ДАННЫЕ НАУКИ О НРАВСТВЕННОСТИ

XI. Эгоизм versus альтруизм

§ 68. Что эгоизм имеет преимущество над альтруизмом с точки зрения повелительности своих требований, это очевидно. Ибо выполнение актов, которые делают возможным продолжение жизни, должно в среднем выводе иметь более настоятельную необходимость, чем выполнение тех актов, которые становятся возможными благодаря жизни; к этим последним принадлежат и те, которые приносят пользу другим индивидам.

Ф Эгоизм — негативная ценностная ориентация личности, крайняя форма индивидуализма, проявляющаяся в сознательном корыстном противопоставлении личных интересов и потребностей интересам других людей и общества в целом.

§ 69. Переходя от жизни, как она существует теперь, к жизни как явлению, претерпевающему процесс развития, мы видим то же самое. Чувствующие существа прогрессировали от низших состояний к высшим под давлением того закона, что существо высшее должно извлекать пользу из своего превосходства, а существо низшее должно страдать вследствие своего несовершенства. А это означает, что эгоистические потребности должны иметь преимущество перед потребностями альтруистическими.

§ 70. Сообразование с этим законом было необходимо и продолжает быть необходимым не только для поддержания жизни, но и для увеличения счастья, ибо высшие существа суть те, способности которых лучше приспособлены к потребностям, т.е. способности которых при своем упражнении приносят более удовольствия и менее страдания.

§ 71. Эта истина доказывается и более специальными соображениями, поддерживающими эти более общие соображения. Тот эгоизм, который приводит к сохранению бодрого духа в крепком теле, благоприятствует счастью потомков, которые унаследуют такую организацию, при которой труд будет легок, а удовольствия сильны; наоборот, те, которые передают своему потомству организацию, расстроенную вследствие недостаточного внимания к самому себе, передают им несчастье.

Ф Развитие эгоизма и превращение его в доминирующую направленность личности является следствием дефектов воспитания. Если практика семейного воспитания объективно направлена на закрепление таких проявлений, как завышенная самооценка и эгоцентризм, то у ребенка может сформироваться стойкая ценностная ориентация, при которой принимаются в расчет лишь его собственные интересы, переживания и пр. В зрелом возрасте подобная концентрация на своем «Я» может привести к отчуждению как переживанию человеком одиночества во враждебном ему мире. Предотвращение развития эгоизма в решающей степени зависит от умелого учета родителями и педагогами индивидуальных особенностей ребенка, включая его в гармоничные отношения со взрослыми и сверстниками.

§ 72. Далее, те индивиды, хорошо сохранившая жизнь которых проявляется избытком веселости, служат, просто благодаря одному своему присутствию, источником удовольствий для всех окружающих, тогда как угнетенное состояние духа, обыкновенно сопровождающее плохое здоровье, влияет подавляющим образом и на семью и на друзей. Помимо того, мы видим, что в то время как люди, достаточно заботившиеся о себе, сохраняют способность быть полезными другим, чрезмерная самоотверженность других ведет к тому, что человек не только делается неспособным помогать другим, но еще и сам становится бременем для других.

§ 73. Это излишнее подчинение эгоизма альтруизму бывает вредно еще и другим образом. Отсутствие себялюбия, доведенное до крайности, само порождает себялюбие, как прямо, так и косвенно. Ибо каждый может припомнить случаи, когда постоянные благодеяния, оказываемые человеком великодушным человеку жадному, вели только к увеличению жадности последнего; а чрезмерное расточение материальных средств на пользу других может, препятствуя браку, повести к тому, что альтруис-

тические черты характера не будут переданы потомству, т.е. может повести к возрастанию себялюбия.

§ 74. Наконец, нужно заметить, что рациональный эгоизм не только не предполагает более эгоистической человеческой природы, но даже совместим с такой человеческой природой, которая менее эгоистична. Ибо поддержание своих законных требований предполагает установление предела, за которым эти требования становятся уже незаконными, а следовательно, способствует приведению в большую ясность законных требований других людей.

XII. Альтруизм versus эгоизм

§ 75. Если мы определим альтруистические действия как такие действия, которые, при нормальном ходе вещей, приносят пользу не самому действующему лицу, а другим, тогда окажется, что с самого начала жизни альтруизм имеет не менее существенное значение, чем и эгоизм. Ибо, хотя, с одной стороны, недостача в нормальных эгоистических действиях ведет к ослаблению или к потере жизни, а поэтому и к потере возможности выполнять альтруистические действия, зато, с другой стороны, подобная же недостача в альтруистических действиях, вызывая смерть или неполное развитие потомства, ведет к исчезновению среди будущих поколений таких организаций, которые не обладают достаточным альтруизмом, и таким образом, приводит к понижению среднего уровня эгоизма. Говоря коротко, каждый вид постоянно очищается от чрезесчур эгоистических индивидов и в то же время теряет и чрезесчур альтруистических индивидов.

§ 76. Подобно тому как существовало постепенное прогрессивное движение от бессознательного родительского альтруизма к сознательному родительскому альтруизму высшего разряда, существовало и постепенное прогрессивное движение от альтруизма семьи к социальному альтруизму. Рассмотрим теперь различные способы, посредством которых в условиях общественной жизни личное благородство зависит от достодолжного внимания к благородству других.

§ 77. Полнота эгоистического удовлетворения при общественном состоянии зависит, прежде всего, от поддержания нормального отношения между затраченными усилиями и полученными выгодами, а это предполагает существование такого альтруизма, который не только побуждает к справедливому поведению, но побуждает также и принуждать других к справедливым поступкам. Эгоистическое удовлетворение каждого зависит в значительной мере прежде всего от справедливости самого субъекта, затем от поддержания справедливости в отношениях между другими людьми, наконец, от поддержания и улучшения тех учреждений, которые отправляют правосудие.

§ 78. Но тождественность личных выгод индивида и выгод его сограждан простирается гораздо дальше. Все, что увеличивает их силу, касается и его, ибо оно уменьшает стоимость всякой покупаемой им вещи. Все, что относится к возможности их заболевания, также касается его, ибо оно связано с возможностью его заболевания. Все, что увеличивает их интеллигентность, опять-таки касается его, ибо он ежедневно испытывает неудобства, вытекающие из невежества или неблагородства других. Все, что возвышает их нравственный характер, также касается его, ибо он на каждом шагу испытывает страдания, обусловленные низким уровнем нравственности.

§ 79. Гораздо прямее эгоистические удовлетворения зависят от тех альтруистических деятельности, которые завоевывают симпатии других людей. Отталкивая всех окружающих, себялюбивый человек утрачивает ту неподкупную помощь, которую другие могли бы ему оказать, лишает себя значительного числа удовольствий общественного происхождения и теряет возможность тех усилий удовольствия и тех смягчений страдания, которые являются следствием сочувствия других людей к тем, кого они любят.

Ф

Счастье заключается в чувстве удовлетворенности индивида тем, как в целом складывается его жизнь. Из этого, однако, не следует, что счастье субъективно. Оно не сводится к отдельным удовольствиям, а представляет собой их гармоничное сочетание. Даже как эмоциональное состояние оно, по крайней мере отчасти, имеет вторичную природу и обусловлено определенными претендующими на общезначимость представлениями о счастье. Тем более это относится к оценкам в терминах счастья и несчастья. За субъективным чувством и представлением о счастье всегда стоит какой-то образец того, что такое счастье и счастливый человек сами по себе. Говоря по-другому, в своем желании счастья человек всегда исходит из того, что такое же желание присуще и другим людям. Более того, счастье одних индивидов связано со счастьем других через нравственные отношения между ними, через посредство счастливого общества. Счастливый человек в счастливом обществе — такова одна из типичных и центральных тем философских трактатов.

§ 80. Существуют еще и другие случаи, когда эгоизм, не ограниченный альтруизмом, не достигает своей цели. Чрезмерный эгоизм губит сам себя, приводя к неспособности быть счастливым. Чисто эгоистические удовлетворения делаются все менее живыми вследствие пресыщения даже в более раннюю пору жизни, а позднее они почти исчезают; в течение всей жизни чувствуется отсутствие менее пресыщающих удовольствий альтруизма; особенно же это чувствуется в тот более поздний период жизни, когда они широко замещают собой эгоистические удовольствия;

при этом существует также и недостаток восприимчивости к эстетическим удовольствиям высших порядков.

§ 81. Нужно указать еще на одну истину, обыкновенно почти вовсе не замечаемую, что эта зависимость эгоизма от альтруизма переходит за пределы каждого отдельного общества и постоянно стремится приобрести всемирное значение. Что внутри каждого общества эта зависимость становится все большей по мере того, как совершаются социальная эволюция, предполагающая возрастание взаимной зависимости, этого нет надобности и доказывать, но отсюда можно сделать тот вывод, что когда взаимная зависимость обществ возрастает вследствие коммерческих отношений, внутреннее благосостояние каждого общества становится предметом, имеющим значение для других обществ.

Замечание. Среди удовольствий субъекта, являющихся следствием стремления его способствовать счастью других людей, вероятно, наиболее видное место занимают те, которые возникают вследствие усиления альтруистических чувств, и те, которые являются следствием унаследования потомками субъекта этих усиленных альтруистических чувств, побуждающих их к такому поведению, которое делает родительское состояние источником счастья.

XIII. Разбор дела и соглашение

§ 82. Таким образом, и чистый эгоизм, и чистый альтруизм незаконны. Необходимость компромисса, быть может, наилучше обнаружится, если мы выразим требования одной из двух спорящих сторон в их крайней форме. Сделаем это относительно чистого несебялюбия.

§ 83. Это приводит нас к рассмотрению принципа наибольшего счастья, провозглашенного Бентамом и его последователями. Если «наибольшее счастье наибольшего числа людей», или, другими словами, «общее счастье», есть законная цель деятельности, тогда она должна быть целью не только для всякой общественной деятельности, но и для всякой частной деятельности; в противном случае большая часть деятельности осталась бы без руководства. Рассмотрим его пригодность для каждого вида деятельности.

§ 84. Если совместная деятельность должна руководствоваться этим принципом и его неизбежным добавлением: «каждый должен считаться за одного, и никто не должен считаться более чем за одного», тогда нужно не обращать внимания на все различия характера и поведения, заслуг и поступков среди граждан, ибо мы не имеем никакого основания для установления различий; мало того, так как то, по отношению к чему все должны считаться одинаковыми, не может быть само счастье, которое нельзя распределять, и так как раздача равных количеств конкретных предметов, обусловливающих счастье, не только не при-

ведет в конечном счете к наибольшему счастью, но даже не даст этого наибольшего счастья и в ближайшем, то, следовательно, этот принцип можно защищать только в смысле равного распределения условий, при которых можно стремиться к счастью. Таким образом, этот принцип сводится к косвенному провозглашению равноправия.

§ 85. Если (принимая общее счастье за цель частной деятельности) мы скажем, что индивид должен взвешивать свое собственное счастье и счастье других таким образом, как это сделал бы какой-нибудь беспристрастный зритель, тогда станет очевидным, кроме того, что каждый должен наслаждаться тем счастьем, или обладать теми средствами, ведущими к счастью, которые добыты его усилиями; следовательно, мы опять придем только к признанию равноправия.

§ 86. Переменим теперь метод и рассмотрим вопрос о том, каким способом может быть образована наибольшая сумма счастья. Признав тот факт, что справедливый эгоизм создаст известную сумму счастья, мы спросим себя, каким образом чистый альтруизм создаст еще большую сумму счастья; мы сейчас же увидим, что предположение, будто преследование каждым человеком исключительно альтруистических удовольствий поведет к образованию большей суммы счастья, заключает в себе молчаливое признание того, будто альтруистические удовольствия, возникающие из симпатий, могут существовать и при отсутствии тех эгоистических удовольствий, симпатия к которым обуславливает их возникновение, — а это невозможно; далее, утверждение, что наибольшая сумма счастья будет достигнута, если все индивиды будут более альтруистами, чем эгоистами, равносильно косвенному признанию того общего положения, что воспроизведенные чувствования сильнее чувствований, данных в непосредственном ощущении, — это опять невозможно.

§ 87. Далее, принцип чистого альтруизма представляет фатальную аномалию следующего рода: в то время как истинный принцип деятельности должен все более и более находить себе применение, по мере того как люди улучшаются, альтруистический принцип делается все менее и менее применимым по мере приближения людей к идеальному состоянию, ибо сфера его применения постоянно уменьшается.

§ 88. Затем, доктрина чистого альтруизма предполагает, что счастье может быть передано или распределено в какой угодно степени, тогда как, в действительности, удовольствия одного рода (те, которые неотделимо связаны с поддержанием физического благосостояния) не могут быть переданы в значительной мере без гибельных или крайне вредных последствий, а удовольствия другого рода (удовольствия успешной деятельности) вовсе не могут быть переданы.

§ 89. Можно еще одним способом показать несостоятельность того преобразованного утилитаризма, который считает

свое учение воплощением христианской заповеди: «Люби ближнего, как самого себя», и того альтруизма, который, идя еще дальше, провозгласил принцип: «Жить для других». Ибо, для того чтобы все приняли этот принцип деятельности, что и должно случиться, если только это здравый принцип, нужно, чтобы они были повременно и крайне неэгоистичными, и крайне эгоистичными: чтобы они были готовы и жертвовать собой для блага других, и принимать удовольствия, купленные ценой самопожертвования других; а такие черты несовместимы друг с другом.

§ 90. Таким образом, потребность в соглашении эгоизма с альтруизмом делается очевидной. Мы вынуждены согласиться, что свое собственное благоденствие имеет такие права, которые должны быть признаны всяkim, ибо мы замечаем, что игнорирование этих прав приводит то к безвыходному положению, то к противоречиям, то к самым пагубным результатам. С другой стороны, бесспорно также и то, что непризнание каждым прав других, доведенное до еще больших размеров, гибельно для семьи и, наконец, для расы. Следовательно, эгоизм и альтруизм сосущественны (*co-essential*).

§ 91. Какую форму должно принять соглашение между эгоизмом и альтруизмом? Каким образом удовлетворить в должной мере требование каждого из них? Всеми признается, что собственного счастья нужно до известной степени достигать посредством споспешествования счастью других. Не окажется ли справедливым и обратное утверждение, что общего счастья нужно достигать путем споспешествования собственному счастью? Если благоденствия каждой единицы нужно достигать отчасти посредством заботы этой единицы о благоденствии агрегата, то не следует ли добиваться благоденствия агрегата отчасти путем заботы каждой единицы о самой себе? Очевидно, наше заключение должно состоять в том, что общего счастья следует достигать главным образом посредством должного преследования каждым индивидом своего собственного счастья, и, наоборот, счастья индивидов следует достигать отчасти посредством преследования ими общего счастья. Это заключение нашло воплощение в прогрессивных идеях и обычаях человечества.

XIV. Примирение

§ 92. Здесь нам остается показать, что между интересами каждого отдельного гражданина и интересами всех граждан вообще совершалось и совершается примирение. Хотя общественный альтруизм, лишенный некоторых элементов родительского альтруизма, никогда не может достигнуть такого же уровня, как и последний, однако можно ожидать, что он достигает того уровня, на котором он, подобно родительскому

альtruизму, сделается самопроизвольным, т.е. такого уровня, при котором забота о счастье других сделается ежедневной потребностью. Каким образом развитие симпатии приведет к этому состоянию?

§ 93. Постепенно и только постепенно, по мере того как разнообразные причины несчастья станут уменьшаться, симпатия получит возможность увеличиваться. По мере того как постоянные переформировки человека и общества, ввиду большей их взаимной приспособленности, уменьшаются, симпатия может начать возрастать ввиду существования удовольствий, обусловленных приспособленностью. Обе эти перемены действительно находятся в таком соотношении, что каждая помогает другой. Всякое возрастание симпатии, позволяющее данными условиями, само помогает уменьшению страдания и увеличению удовольствия, а тот больший излишек удовольствия, который таким образом возникает, делает возможным дальнейшее возрастание симпатии.

§ 94. При обсуждении вопроса о развитии симпатии мы должны рассмотреть два фактора: естественный язык чувства у того существа, которому симпатизируют, и способность понимать этот язык у того, кто симпатизирует. Если мы предположим одновременно и более свободное пользование языком душевных волнений, и более тонкое схватывание знаков этих душевных волнений, и усиление построительного воображения, то мы получим некоторое понятие о той более широкой и более глубокой симпатии, которая возникнет в будущем.

§ 95. Каково должно быть сопутствующее этому развитие поведения? Беспрерывное общественное воспитание так перерабатывает человеческую природу, что в конце концов все станут самопроизвольно стремиться к симпатическим удовольствиям настолько, насколько это только согласно с выгодами всех и каждого. Область альтруистической деятельности не будет превосходить желания пользоваться альтруистическими удовольствиями.

§ 96. По мере приближения к наивысшему состоянию случаи, удобные для того самоотречения в пользу других, которое составляет альтруизм, как его обыкновенно понимают, должны, по многим причинам, делаться все более и более редкими. По мере приближения человечества к полному приспособлению природы индивидов к потребностям общества случаи для оказания помощи должны делаться все малочисленнее и менее важными, ибо никакое вмешательство между способностью и ее отправлением не может быть полезно там, где способность и ее отправление приспособлены друг к другу. Общий альтруизм в своей развитой форме должен неизбежно противодействовать крайностям индивидуального альтруизма: вместо того чтобы каждый индивид поддерживал свои права, эти права его будут поддерживаться для него другими. Какие же сферы деятельности останутся, в конце концов, у альтруизма? Три сферы. Одна, которая до конца оста-

нется обширной, есть сфера семейной деятельности. Две другие будут заключаться в способствовании общественному благоденствию вообще и в различных случайных деятельностих, вызываемых болезнями и несчастьями.

§ 97. Можно ли заключить, что в конце концов альтруизм, с уменьшением сферы его деятельности, уменьшится в своем количестве? Ни под каким видом. То, что теперь у самых высших натура встречается только в слабой и случайной форме, сделается, как можно ожидать, при дальнейшей эволюции сильным и обычным, и те качества, которыми теперь отличаются исключительно высокие личности, сделаются, как можно ожидать, в конце концов присущими всем. Ибо то, на что способны лучшие представители человеческой природы, доступно человеческой природе вообще.

§ 98. Невероятно, чтобы с этими выводами согласилась более или менее значительная группа людей. Они не обладают для этого достаточным сходством ни с ходячими идеями, ни с ходячими чувствами. Однако найдутся некоторые люди, которые согласятся, что человечество в конце концов станет поступать согласно этим нравственным принципам.

XV. Абсолютная и Относительная Этика

§ 99. Если, как это подразумевалось в предыдущих разделах, принципы деятельности, называемые абсолютными и относительными, приложимы к поведению обусловленных существ, то, спрашивается, в каком смысле следует понимать слова «абсолютный» и «относительный»? Лучшим ответом на это будет критическое рассмотрение ходячих понятий о хорошем и дурном.

§ 100. Значительная часть путаницы в этических спекуляциях возникает вследствие невнимания к различию между абсолютно хорошим и относительно хорошим. И многое дальнейшей путаницы является результатом предположения, будто в каждом случае можно каким-нибудь образом решить, какое из двух поведений нравственно обязательно.

§ 101. Чтобы выяснить различие между тем совершенным поведением, которое составляет предмет Абсолютной Этики, и тем несовершенным поведением, которое составляет предмет Относительной Этики, достаточно дать два примера.

§ 102. Взглянем на отношение здоровой матери к здоровому ребенку. Между ними существует взаимная зависимость, служащая источником удовольствия для обоих. Давая ребенку его естественную пищу, мать испытывает удовлетворение; а для ребенка это ведет к удовлетворению аппетита, к поддержанию жизни, к росту и к наслаждению. Прервите это отношение, и обе стороны начнут страдать. Следовательно, это действие принадлежит к таким, которые мы называем абсолютно хорошими. Возьмем другой пример. Утомительность продуктивного труда в том виде,

как он теперь совершаются, делает его злом; но уклонение от этой утомительности повело бы к гораздо большим страданиям как для самого работника, так и для его семьи и, следовательно, послужило бы источником гораздо большего зла. Следовательно, этот труд относительно хорош.

§ 103. Мы должны указать здесь на ту дальнейшую истину, что в тех случаях, когда нельзя принять абсолютно хорошего решения, но можно прийти только к таким решениям, которые более или менее дурны, часто бывает невозможно сказать, какое из решений наименее дурно. Так, например, существует предел, до которого самопожертвование родителей для пользы детей является относительно хорошим актом; и существует предел, за который самопожертвование не может заходить, не ведя за собой как для самих родителей, так и для всего семейства бедствий гораздо больших, чем те бедствия, которые устраняются самопожертвованием. Кто скажет, где лежит этот предел? Завися от организации и потребностей заинтересованных лиц, этот предел не может быть одинаковым в двух каких-нибудь случаях, и относительно него всякий может только строить догадки.

§ 104. Теперь мы подготовлены, чтобы заняться вопросом о различии между Абсолютной Этикой и Относительной Этикой. Научные истины всякого рода добываются путем исключения пертурбирующих факторов. Когда это рассмотрение основных факторов в отвлечении (т.е. не в том виде, в каком они даны в действительности, а в том виде, в каком они представляются нам при их идеальном отделении) позволит установить общие законы, тогда станет возможным дать объяснение частных случаев, приняв во внимание случайные факторы. Но все-таки отыскиваемые основные истины можно открыть только путем предварительного игнорирования этих случайных факторов и путем рассмотрения одних существенных элементов.

§ 105. Поэтому Абсолютная Этика неизбежно предшествует Относительной Этике. Кто следил до сих пор за общим ходом наших доказательств, тот не станет отрицать, что можно представить себе идеальное социальное существо, устроенное таким образом, что его самопроизвольные деятельности находятся в полной гармонии с условиями, налагаемыми на него общественной средой, образованной другими подобными же существами. Отсюда следует неизбежный вывод, что существует идеальный кодекс поведения, формулирующий образ действия вполне приспособленного человека во вполне развитом обществе. Подобный кодекс есть то, что называется здесь Абсолютной Этикой, в отличие от Этики Относительной, — кодекс, предписания которого должны считаться абсолютно хорошими, в отличие от тех предписаний, которые относительно хороши или наименее дурны; кодекс, который как система идеального поведения должен служить руководством при решении, по мере наших сил, вопросов действительного поведения.

§ 105а. Когда, формулируя нормальное поведение в идеальном обществе, мы входим в область науки об абсолютной нравственности, мы вместе с тем входим в область такой науки, которая, приложенная к истолкованию явлений реальных обществ, находящихся в своем переходном состоянии, полном бедствий, происходящих от неприспособленности, позволяет нам образовать приблизительно верные заключения касательно природы ненормальностей и тех путей, которые наиболее приближаются к нормальному.

§ 106. Чтобы идеальный человек мог служить мерилом нравственности, он должен быть определен в терминах тех условий, которые выполняются его природой, — в терминах тех объективных требований, которые должны быть удовлетворены, прежде чем поведение может сделаться хорошим.

IV. Питание

§ 210. Насколько несправедливо забывать о питании как о предмете этического суждения, можно ясно видеть, наблюдая ошибочность господствующих теперь взглядов относительно этого вопроса.

§ 211. Говоря вообще, нравственность санкционирует полное удовлетворение потребности в пище. Во-первых, потому, что удовлетворение потребности само по себе есть элемент тех нормальных удовольствий, которые даются жизнью; а во-вторых, потому, что оно косвенно ведет к полноте жизни и к возможности выполнять все обязанности, налагаемые жизнью.

§ 212. Так как энергия, необходимая для работы, зависит от хорошего питания, а это последнее — от хорошего пищеварения, то, очевидно, этика одобряет должную заботу о качестве и разнообразии пищи, ибо и ежедневный опыт и наука подтверждают мнение, что вкусная пища вызывает более деятельное пищеварение.

§ 213. Относительно альтруистических требований, предъявляемых питанию, мы можем заметить, что при излишнем питании уменьшается количество пищи, остающейся для других, а при недостаточном питании наносится вред потомству.

V. Возбуждение

§ 214. Нельзя писать об этике индивидуальной жизни и не сказать ничего о принятии возбуждающих веществ. Здесь мы должны руководиться одними физиологическими соображениями.

§ 215. Нельзя, по-видимому, сомневаться в том, что с точки зрения абсолютной этики прием каких бы то ни было возбуждающих веществ предосудителен; по крайней мере это следует сказать о ежедневном их потреблении.

§ 216. Принятие возбуждающих законно только при болезненном состоянии и старости, и то только в тех пределах, которые необходимы для усиления восстановительных процессов.

§ 217—218. Кроме этого, можно оправдать те случайные употребления возбуждающих веществ, которые сопровождаются усиленным приемом пищи и оживлением пиршества, ибо нарушение однообразия времени от времени бывает полезно.

VI. Воспитание

Ф Воспитание активизирует процесс освоения ребенком общественно необходимых нормативов поведения, оказывает сильное влияние на его способности к восприятию стихийных воздействий окружающей среды, стимулирует усвоение положительного примера.

§ 219. Воспитание в самом широком смысле слова есть приготовление к полной жизни. Оно заключает в себе, во-первых, обучение всем тем знаниям и сведениям, которые необходимы

№ Г. Спенсер раскрывает некоторые аспекты воспитания, точнее, образования, о которых мы сегодня забыли (например, развитие «ловкости рук»). Как это ни парадоксально, такое разви-

тие стало еще более актуальным в наш компьютерный век, чем во времена Спенсера, времена конторских счетов. Известна связь мозга и рук. Развитие рук связано с развитием интеллекта. Это одна сторона. Другая — современный ученик утратил контакт с предметным миром, тем более перестал создавать вещи, целостный предмет. Образование погрузило школьника в мир знаков, абстракций, виртуальной реальности. Положение современного школьника можно сравнить с ситуацией невесомости: его ступни оторвались от родной земной почвы. Можно много говорить об отрицательных последствиях «виртуальной жизни» ученика. Его спасение — в школьной дисциплине, названной сегодня материальной технологией. Однако сегодня покушаются и на этот островок «почвы человека», включающий в себя общение с природным материалом, радость от созданной своими руками вещи, информационной, или просто — информатики.

Но в целом Г. Спенсер в духе позитивизма сужает содержание образования в основном его «полезностью» для жизни. Еще К. Маркс говорил, что человек, в отличие от животного, не довольствуется «головой пользой». У человека есть потребность «бесполезного» общения с красотой и гармонией в искусстве, истинное вдохновение он получает, погружаясь в мысли и чувствования о невидимом духовном мире, не преследуя при этом никакой пользы для жизни. Более того, утрата такой связи, как показывают современные исследователи (С. Гроф, В. Франкл и др.), ведет к деформации психики и заболеванию человека.

Эти общения Г. Спенсер относят к развлечениям и отмечает, что существует стремление слишком много времени посвящать «этим предметам». Но «эти предметы» и «удовольствия» есть самое человеческое в человеке. Утилитаризм, погоня только за пользой привели к деградации человека.

§ 220. Есть одна часть воспитания, которой обыкновенно пренебрегают и которая, однако, необходима как для тех, кому впоследствии она пригодится для добывания средств к жизни, так и для тех, которые не извлекут из нее материальной выгоды, — мы говорим о развитии ловкости рук.

§ 221. Если развитие телесной ловкости необходимо для более успешного обращения с непосредственно окружающими вещами, то интеллектуальная культура необходима для успешного совершения действий, имеющих в виду отдаленные цели. Изучение явлений всех порядков, доведенное до тех пределов, через которые никакое исследование не может перешагнуть, необходимо для того, чтобы познать наше отношение к конечной тайне вещей и чтобы, таким образом, пробудить в нас то сознание, которое может, по справедливости, считаться родственным нравственному сознанию.

§ 222. Всякий гражданин обязан стремиться к усвоению достаточных знаний в области социальных наук, чтобы иметь верные политические взгляды; а достаточное литературное воспитание даст богатство и силу его выражениям, увеличит могущество его ума и общественную полезность.

§ 223. Воспитание должно преследовать еще и другие цели. При современном воспитании, особенно при современном воспитании женщин, физическая сторона воспитания подвергается такому забвению, что в результате получается физическое и духовное ослабление как самих воспитываемых, так и их потомства. А между тем можно дать детям достаточно высокое воспитание, не напрягая их сил до чрезмерности: для этого стоит только исключить из программ все те бесполезные сведения, которые теперь почему-то считаются необходимыми для хорошего воспитания.

§ 224. Так как быть человеком, доставляющим удовольствие другим, есть общественная обязанность, то, следовательно, воспитание, особенно то воспитание, которое ведет к повышению жизнерадостности субъекта, имеет за собой нравственную санкцию и даже более того — является нравственно обязательным.

VII. Развлечения

§ 225. То удовлетворение, которое сопровождает развлечения, поднимает жизненную энергию и, если при этом сохранены должные пределы, делает человека более производительным во всех отношениях. Поэтому развлечения имеют нравственное

оправдание и будут увеличиваться с развитием человеческой жизни.

§ 226. Обращаясь к удовольствиям, в которых индивид играет главным образом пассивную роль, мы находим, что даже аскетически настроенные люди не отвергают эмоциональных и интеллектуальных удовольствий, доставляемых путешествием. Мало удовольствий могут быть более одобрены и менее давать повода к злоупотреблениям, чем удовольствия, связанные с занятием живописью и скульптурой. По-видимому, даже не следует настаивать на том, что существует нравственная санкция для развлечения беллетристикой, театром и музыкой, ибо и без того существует всеобщее стремление даже слишком много посвящать времени этим предметам.

§ 227. Свое отношение к спорту этика может выразить только указанием на большую или меньшую преступность различных его видов. Те виды спорта, которые сопряжены с причинением непосредственного страдания, особенно людям, являются отчасти видами удовольствия, унаследованными нами от дикарей худшего разряда. Игры, наоборот, доставляют удовольствия, из которых почти не приходится делать вычетов (а иногда и совсем не приходится их делать) на покрытие причиняемых ими страданий. Само собой разумеется, что азартные игры и пари только осуждаются этикой.

§ 228. Для того чтобы человек мог принять участие в общих удовольствиях, он должен культивировать в надлежащей мере эти излишние виды деятельности, доставляя при этом удовольствие не только себе, но и в то же время и другим.

VIII. Брак

§ 229. В этом и следующем разделах мы переходим к вопросам, лежащим между индивидуальной этикой и этикой социальной.

§ 230. Признавая желательность сохранения человеческого рода, мы видим, что существует обязательство приносить для этого соответствующие жертвы. Естественная справедливость указывает, что так как каждый индивид находится в долгу перед предшествовавшими ему индивидами за издержки, связанные с производством и воспитанием его, то он должен дать известный эквивалент на пользу будущих индивидов.

§ 231. Брак нравственно оправдывается и даже нравственно предписывается как условие восполнения индивидуальной жизни. Нужно, однако, заметить, что ожидаемые от него благотельные последствия (которые заключаются в подъеме энергии и возбуждении чувств даже у натур вообще пассивных) могут появиться только при нормальном браке — браке по любви. Наоборот, браки по расчету могут вести не к повышению, а к понижению нравственного уровня.

§ 232. Теперь перед нами трудный вопрос: что следует сказать относительно непредусмотрительных браков? За исключением решительного осуждения браков между лицами моложе двадцати лет (среди высших рас), этика может дать в данном случае только неопределенные указания. Обыкновенно здесь приходится сообразовываться с разными вероятностями. Если совершенно непредусмотрительный брак следует строго осуждать, то, с другой стороны, во многих случаях известный риск всегда следует допустить, чтобы избежать тех бедствий, которые могут возникнуть вследствие продолжительной отсрочки.

§ 233. Что может сказать этика относительно выбора жены мужем и мужа женой? Хотя указанию чувств здесь нужно следовать до такой степени, что брак, не требуемый чувствами, следует осуждать, однако это руководство чувствами не должно быть единственным руководством. Этика требует, чтобы разум помогал здесь инстинкту и контролировал его.

§ 234. Обыкновенно думают, что, исполнив религиозные и общественные требования относительно отношений между полами, исполнили все требования. Так как физиологические требования не получили признания, то на них и не обращают внимания. Отсюда вытекает немало бедствий; если правильно понятая этика должна высказывать суждения относительно всего поведения, то отсутствие самоконтроля, которое осуждается ею в других областях, должно быть осуждено и здесь.

IX. Родительское положение

§ 235. Эволюционная этика настаивает, чтобы все требования, предъявляемые браку, сообразовывались с условиями возникновения нового поколения.

§ 236. Нравственный кодекс Природы не позволяет родителям уклоняться от исполнения своих обязанностей. Если с гедонистической точки зрения он дает энергическую санкцию удовлетворению родительских чувств, то с точки зрения эволюционной он категорически предписывает выполнение всех тех действий, благодаря которым дети готовятся к жизненной борьбе. А если обстоятельства таковы, что часть этих действий может быть выполнена другим лицом, то он все-таки воспрещает взваливать на других расходы и заботы по выполнению этих обязанностей.

§ 237. Наступит время, когда, одновременно с полным признанием родительских обязанностей, будет существовать и не преодолимое препятствие для злоупотребления ими. Когда родители, как это и следует, добросовестно исполнят все обязанности, налагаемые на них их родительским положением, они станут энергично отрицать право какого бы то ни было собрания людей братья от них их детей и переделывать их по-своему.

§ 238. Если непредусмотрительные браки должны быть осуждаемы, то следует осуждать и тех, которые рождают много детей,

школе доминирует социологизм в вульгарной форме: искусство — изображение жизни и источник социальных идей. Эстетика давно уже отказалась

от такого подхода к искусству. В советское время была закреплена как главная побочная ветвь в теории искусства, разрабатываемая в России социологами (Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов и другие буржуазные демократы). В.И.Немирович-Данченко говорил актерам: если ставить «Грозу» А.Н.Островского по Добролюбову, то это будет не театр (т.е. не искусство), а кафедра социологии.

Сегодня ряд учителей литературы превращают уроки литературы в уроки социологии, в крайнем случае — в уроки литературоведения, что тоже неправомерно. Например, «Вишневый сад» А.П.Чехова трактуется как изображение борьбы дворян и буржуазии за земельные участки. Побеждает буржуазия, потому что она более активна и прогрессивна. Как это далеко от Чехова и от искусства тоже!

ГЛАВА XX. ДОМАШНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

II. Различие интересов Вида, Родителей и Детей

§ 277. Самое высокое устройство семьи достигается тогда, когда существует такое согласование интересов общества и его членов, старых и молодых, что смертность в период от рождения до воспроизводительного возраста падает до минимума, а жертвы, приносимые взрослыми для воспитания детей, сводятся к возможно меньшей величине. Это уменьшение подчинения жизни взрослых целям воспитания происходит тремя путями: во-первых, удлинением того периода, который предшествует воспроизведению; во-вторых, уменьшением числа рождений, а также возрастанием удовольствия, доставляемого заботами о детях; в-третьих, продлением жизни, следующей за прекращением воспроизведения. Мы должны помнить, что те домашние отношения, которые являются наивысшими с этической точки зрения, суть также наивысшие и с биологической, и с социологической точек зрения.

IX. Семья

§ 315. Существует ли связь между различными формами домашнего устройства и общественной организацией, военной и промышленной? Принимая в соображение множество факторов, кооперировавших при изменении брачных отношений; принимая также в соображение то обстоятельство, что некоторые общества, сделавшиеся сравнительно миролюбивыми, еще долго в значительной мередерживали ту организацию, которая была ими приобретена в течение предыдущего более воинственного

станут доставлять приятное упражнение более простым способностям, однако они будут в большей степени, чем теперь, обращаться к высшим эмоциям.

периода, тогда как другие общества, в значительной мере развившие свою промышленную организацию, вновь сделались в значительной степени воинственными, вследствие чего характерные черты двух типов перемешались, — принимая во внимание все эти обстоятельства, мы увидим, что связь между полигамией и военным типом, а также между моногамией и промышленным типом настолько ясна, насколько только можно было ожидать. Бессспорно то, что прогрессивный переход от первобытного хищнического типа к высшему промышленному типу совершился одновременно с прогрессивным переходом от господства полигамии к исключительной моногамии. То, что упадок воинственности и развитие промышленного духа были существенными причинами этой перемены типа семьи, видно из того, что перемена эта совершилась и там, где отсутствовали все другие причины, на которые можно было бы сослаться, каковы, например, культура, религиозные верования и т.п.

Ф И.А.Ильин: «Семья — это первичная ячейка общества, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым совместным движениям сердца; и подняться в нем к дальнейшим формам человеческого единения — родине и государству».

§ 316. Взглянем теперь с общественной точки зрения на эти домашние отношения, которые мы до сих пор рассматривали главным образом с частной точки зрения. Ибо от устройства семьи, рассматриваемой как составная часть общества, зависят различные общественные явления.

§ 317. Эти замечания служат введением к критике учений сэра Генри Мэна*. Хотя он и пользуется фактическим материалом из жизни варварских племен, принадлежащих к высшим типам, он оставляет, однако, без внимания огромную массу нецивилизованных народов и не принимает в соображение многочисленных фактов, которые можно наблюдать среди этих народов и которые противоречат его теории. Он справедливо порицает более ранних писателей за то, что они для своих индукций не исследовали достаточно широкого поля, и, однако, сам впадает в эту же ошибку, когда говорит, что «слепое повиновение некультурного человека своим родителям есть, без сомнения, первичный факт» (Ancient. 1861, 136). Ибо факты не только не показывают того,

*Мэн, Мен, Мейн Генри Джеймс Самнер (1822—1888 гг.), английский юрист и историк права. В своих исследованиях использовал сравнительно-исторический метод, стремясь на основе изучения индусского, древне-римского, германского, древне-ирландского, славянского права создать всеобъемлющую картину развития права и ранних социальных институтов у индоевропейских народов.

будто сыновнее повиновение есть врожденное чувство, а патриархальный тип — естественное последствие этого, но даже, скопе, приводят к тому заключению, что оба эти явления развились рука об руку при благоприятных условиях.

§ 318. Сэр Генри Мэн предполагает, что на самых ранних ступенях существовали определенные брачные отношения. Однако в разделах «Первобытные отношения полов», «Беспорядочные половые отношения» и «Полиандрия» было показано, что определенным и связным брачным отношениям предшествовали неопределенные и бессвязные отношения. Далее, сэр Генри Мэн полагает, будто происхождение всегда и везде велось по мужской линии. Это справедливо относительно исторического периода жизни тех народов, которыми он занимался. Но среди нецилизованных рас всего земного шара происхождение по женской линии есть весьма обыденное явление. Затем постулируется существование с самого начала правительства; патриархальной власти над женой, детьми, рабами и над всеми,ключенными в первобытную социальную группу. Однако в разделах «Регулятивная Система» и «Общественные Типы» мы видели, что во многих частях света существуют общественные группы, пример которых доказывает ошибочность этого предположения. Факты также опровергают и его учение, будто первоначально собственность принадлежала всей семье как корпоративной единице, и его уверенность в существовании постоянной опеки над женщинами.

§ 319. Здесь мы приходим к факту, на который прежде только косвенно указывали, а именно к тому, что гипотеза сэра Генри Мэна не принимает в соображение ни одной стадии человеческого прогресса, существовавшей ранее пастушеского или земледельческого периода. Группы, которые он описывая состоявшими из патриарха, его жены, потомков, рабов, стад и табунов, суть такие группы, существование которых предполагает приручение различных животных. Но ранее чем совершилось приручение животных, прошли длинные периоды, теряющиеся во мраке доисторических времен. Чтобы понять более высокие формы семьи, мы должны проследить их начиная с тех самых низких форм, которые сопутствовали самым низшим состояниям общества. Если бы это было сделано, то мы увидели бы, каким образом в небольшой уединенной группе молодых и старых людей, связанных известным родством, под влиянием пастушеской жизни устанавливается происхождение по мужской линии, усиливается взаимная связь, субординация и кооперация как для промышленных целей, так и для целей защиты; мы увидели бы, что возникновение подобного устройства было сравнительно легко, потому что домашнее управление и правление общественное были тождественными. Отсюда возникло простое общество, более развитое, чем все предшествовавшие простые общества, и лучше приспособленное для того, чтобы войти в состав более высоких обществ. Зародившаяся таким образом при спе-

циальных условиях патриархальная группа с ее идеями, чувствами, обычаями и порядками, приспособленными друг к другу, делится в последовательных поколениях на подгруппы, которые продолжают держаться вместе, образуя, смотря по обстоятельствам, большие или меньшие агрегаты; при этом подобная патриархальная организация сохраняется и тогда, когда группа переходит к оседлому состоянию. Внутри этой патриархальной группы вырабатывается такой вид координации, который оказывает пригодным и для координирования больших обществ, образованных путем агрегации.

§ 320. От этой критики перейдем теперь к той имеющей глубокое значение общей истине, которая указана сэром Генри Мэном, — к дезинтеграции семьи. Он говорит: «Единицей древнего общества была семья», а единицей «современного общества является индивид». Когда сотрудничество индивидов, принадлежащих к одной семье, перестает основываться только на несходстве их взаимных отношений, а начинает основываться на сходстве их отношений к государственной власти и к врагам, тогда общественные кооперация и субординация возрастают за счет семейных кооперации и субординации. Подобно тому как у высших индивидуальных организмов агрегированные клеточки, образующие зародыш, уступают место таким структурам, у которых клеточная форма почти совсем утеряна, так и в социальном организме семейные группы уступают место структурам, образованным путем смешения индивидов, принадлежащих ко многим различным семьям.

§ 321. Есть ли предел этой дезинтеграции? В современных обществах эта дезинтеграция отчасти разрушила отношения домашней жизни и заменила их отношениями общественной жизни. Государство не только признало индивидуальные права и индивидуальную ответственность младших взрослых членов семьи, но оно в значительной степени узурпировало родительские функции относительно детей и, признавая их права на его заботы, употребляет против них принудительные меры. Однако мы имеем основание думать, что подобная дезинтеграция семьи зашла слишком далеко и что в будущем произойдет частичное увеличение интеграции.

§ 322. Здесь мы приходим к одной истине, о которой политикам и филантропам следовало бы хорошенько подумать. Каждый вид для своего сохранения должен удовлетворять двум противоположным требованиям. В течение своего детства каждый член вида должен получать поддержку пропорционально своей беспомощности, но, достигнув зрелого возраста, он должен пользоваться выгодами пропорционально своей деятельности. Вид исчез бы в одно поколение, если бы родители не сообразовались с этим законом относительно незрелых индивидов; то же самое нужно сказать и о законе относительно взрослых индивидов, ибо если бы благоденствие индивидов не изменялось с их деятельностью.

стью, то наименее достойные члены вытеснили бы наиболее достойных.

§ 323. Патриархальная группа долго сохраняет свою индивидуальность, удерживая в обществах, образовавшихся путем ее размножения, свойственное ей господство старейших членов мужского пола, а также и свою систему наследования, и свои законы о собственности, и свое совместное поклонение общему предку, и свою кровную вражду, и полное подчинение женщин и детей. Но и в этих обществах, как и в обществах, образованных другим способом, совместная деятельность мало-помалу приводит к слиянию, и различные подразделения, существующие в этих обществах, становятся все менее заметными, пока, наконец, как это показал сэр Генри Мэн, общества, имеющие своей единицей сложения семью, не переходят в общества, имеющие единицей сложения индивида.

XI. Положение Детей

§ 330. Положение ребенка первобытного человека сходно с положением детеныша животного, например медвежонка. Здесь нет ни нравственной обязанности, ни нравственной узды: существует только ничем не стесняемая возможность вскормить, бросить или уничтожить ребенка сообразно с приливом любви или порывом гнева. Подобно тому как обращение мужчин с женщинами не может перейти известной степени суворости, не вызывая исчезновения самого племени, так и здесь племя должно исчезнуть, если любовь к потомству не будет достаточна сильна.

§ 331. Среди людей отношение взрослых индивидов к детям начинает принимать высшие формы под влиянием следующих желаний: во-первых, иметь помощника для сражения с врагами; во-вторых, приготовить мстителя за полученные обиды; наконец, в-третьих, оставить после себя человека, который позаботился бы о нашем благополучии после смерти. Все эти мотивы усиливают права детей мужского пола, но не женского. А это еще раз указывает на связь воинственности мужчин и низкого положения женщин.

§ 341. Нельзя делать особенно специальных выводов относительно будущих изменений положения детей. Все, что ведет к наибольшему благополучию потомства, должно более и более устанавливаться среди общества, ибо дети худших родителей, воспитываемые худшими способами, будут постоянно замещаться детьми лучших родителей, воспитываемыми лучшими способами.

§ 342. Нам нужно рассмотреть еще одну сторону домашней эволюции. Забота детей о родителях, это наиболее позднее по своему появлению звено, связывающее семью воедино, имеет в будущем наиболее места для своего возрастаия. С повышением

NB Можно посмотреть на семью и с другой стороны. Первым социальным образовательным институтом была семья. Постепенно родители свои образовательные функции по ряду причин передавали учителям — специалистам. Сегодня даже воспитание детей многие родители перекладывают на школу.

Но если родители — предшественники учителей, то какие-то отношения родителей и детей должны перейти в школу, к учителю? Прежде всего — сердечная забота о ребенке, эмпатия, любовь, ответственность. Увы! Еще многим нашим учителям можно было бы размышлять по этому поводу!

умственного и нравственного уровня среди людей последние дни жизни будут облегчены благодаря большими заботам детей, которые таким образом отблагодарят за большие заботы родителей во время их младенчества.

ГЛАВА XXIV. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

(Сокращенное изложение И.В.Мокиевского)

I. Профессии вообще

§ 661. Не легко указать, каков общий характер профессиональных учреждений, отличающий их от других учреждений, имеющихся в обществе.

Первые как по времени возникновения, так и по своей важности учреждения заняты защитой жизни, ее регулированием и поддержанием. Но когда все и бывает достигнуто, тогда можно подумать о возрастании и возвышении жизни. Выполнением этой задачи и заняты профессии. Врачи, устраниющие страдания, лечащие болезни, борющиеся со смертью, способствуют возрастанию жизни. Композиторы и исполнители музыкальных произведений, возбуждая чувство, способствуют возрастанию жизни. Поэты и артисты возбуждают приятные чувствования и, таким образом, способствуют возрастанию жизни. Историки и литераторы, частью благодаря своим указаниям, частью побуждениям интереса к своим повествованиям, также способствуют возрастанию жизни. Хотя о юристах этого нельзя сказать прямо, но косвенно, защищая от нападения, они тоже способствуют возрастанию жизни. Люди науки способствуют возрастанию жизни как изображением многочисленных приемов и орудий, так и возвышением интеллектуального интереса. Учителя, развивая своих учеников и увеличивая их пригодность для деятельности, также способствуют возрастанию жизни. Наконец, живописцы, скульпторы и архитекторы возбуждают своими произведениями приятные чувствования и тем способствуют возрастанию жизни.

§ 662. Каким образом профессии возникли? Или, говоря языком эволюционной философии, из какой, ранее существовавшей, общественной ткани они дифференцировались? Несомненно, что профессиональные деятельности или, по крайней мере,

мальный ход развития профессий. Кроме того, и воинственность Рима мешала нормальному ходу вещей. Мы видели, что жрецы были учителями, между прочим, и потому, что они были самым образованным классом общества; но в Риме рабы и вольноотпущеные из греков были образованнее жрецов, и поэтому они именно и сделались воспитателями юношества. А всякая профессия, выпадающая на долю побежденных, становится в глазах общества достойной презрения.

§ 703. Если обратимся к Северной Европе, то увидим, что и здесь существовала несомненная связь жречества с учительством. С введением христианства учительская роль духовенства нимало не пострадала. Первые века преподавание целиком находилось в руках духовенства. Затем последовали столетия войн и общественных неурядиц, когда всякая правильно организованная деятельность была затруднена. Но с возрождением правильного преподавания духовенство предъявило свои права на руководство воспитанием и сопротивлялось всякому вторжению светских элементов. Так, например, в Гейдельберге только в 1482 году первое лицо не духовной профессии после усиленной борьбы получило право преподавать медицину; и только в 1553 году последовало общее допущение светских лиц к профессорским кафедрам.

§ 704. Англия, где в старые времена «приходские церкви часто использовались как школы», представляет пример того же единения духовной профессии и учительства. Английские университеты первоначально были собранием студентов теологии, пришедших поучиться у знаменитых духовных лиц. И все дело преподавания в Англии до сих пор еще носит многочисленные следы духовного происхождения.

§ 705. Стремление к объединению замечается и в учительской профессии не менее чем где-либо. Однако, так как учительская профессия сравнительно только недавно дифференцировалась от духовной, то и эта интеграция в ней не так ясно выражена. Впрочем, несмотря на все это, мы можем указать на многочисленные способы объединения учителей и преподавателей.

XII. Эволюция Профессий

§ 721. Таким образом, мы видим, что профессиональные учреждения возникли путем дифференциации от фактора, который, будучи вначале чисто политическим, сделался впоследствии политико-церковным и затем развил профессиональные учреждения главным образом из церковного элемента. Египет, на истории которого так хорошо можно изучать первые шаги социальной эволюции, особенно живые примеры первоначального объединения политических, церковных и профессиональных отправлений.

§ 722. На примере профессиональных учреждений мы особенно ясно видим процесс социальной эволюции. Ни одна груп-

на учреждений не иллюстрирует лучше этого процесса, ни одна не показывает яснее, до какой степени социальная эволюция согласуется с общим законом эволюции. Зародыши, из которых развились профессиональные деятельности, первоначально составляли часть регулятивного фактора, но затем дифференцируясь от него, дифференцируясь в то же время и друг от друга. Далее, становясь, каждая в отдельности, благодаря подразделениям более многообразными, эти деятельности в то же время сделались и более связными и более резко обозначенными. Этот процесс совершенно параллелен тому процессу, путем которого части индивидуального организма переходят из своего первичного состояния простоты к конечному своему состоянию сложности, или из состояния неопределенной однородности к состоянию определенной разнородности.

§ 722а. Процесс развития профессий лишний раз показывает все значение инициативы и свободной деятельности индивидов. Как все национальное богатство, так и все разнообразие профессиональных деятельности создано путем личной инициативы, путем естественного приспособления к потребностям общества. Этого до сих пор не могут понять те, которые всю свою надежду возлагают на правительственную опеку.

ГЛАВА XXVI. ДАННЫЕ НАУКИ О НРАВСТВЕННОСТИ

XI. Эгоизм *versus* альтруизм

§ 68. Что эгоизм имеет преимущество над альтруизмом с точки зрения повелительности своих требований, это очевидно. Ибо выполнение актов, которые делают возможным продолжение жизни, должно в среднем выводе иметь более настоятельную необходимость, чем выполнение тех актов, которые становятся возможными благодаря жизни; к этим последним принадлежат и те, которые приносят пользу другим индивидам.

Ф Эгоизм — негативная ценностная ориентация личности, крайняя форма индивидуализма, проявляющаяся в сознательном корыстном противопоставлении личных интересов и потребностей интересам других людей и общества в целом.

§ 69. Переходя от жизни, как она существует теперь, к жизни как явлению, претерпевающему процесс развития, мы видим то же самое. Чувствующие существа прогрессировали от низших состояний к высшим под давлением того закона, что существо высшее должно извлекать пользу из своего превосходства, а существо низшее должно страдать вследствие своего несовершенства. А это означает, что эгоистические потребности должны иметь преимущество перед потребностями альтруистическими.

§ 70. Сообразование с этим законом было необходимо и продолжает быть необходимым не только для поддержания жизни, но и для увеличения счастья, ибо высшие существа суть те, способности которых лучше приспособлены к потребностям, т.е. способности которых при своем упражнении приносят более удовольствия и менее страдания.

§ 71. Эта истина доказывается и более специальными соображениями, поддерживающими эти более общие соображения. Тот эгоизм, который приводит к сохранению бодрого духа в крепком теле, благоприятствует счастью потомков, которые унаследуют такую организацию, при которой труд будет легок, а удовольствия сильны; наоборот, те, которые передают своему потомству организацию, расстроенную вследствие недостаточного внимания к самому себе, передают им несчастье.

Ф Развитие эгоизма и превращение его в доминирующую направленность личности является следствием дефектов воспитания. Если практика семейного воспитания объективно направлена на закрепление таких проявлений, как завышенная самооценка и эгоцентризм, то у ребенка может сформироваться стойкая ценностная ориентация, при которой принимаются в расчет лишь его собственные интересы, переживания и пр. В зрелом возрасте подобная концентрация на своем «Я» может привести к отчуждению как переживанию человеком одиночества во враждебном ему мире. Предотвращение развития эгоизма в решающей степени зависит от умелого учета родителями и педагогами индивидуальных особенностей ребенка, включая его в гармоничные отношения со взрослыми и сверстниками.

§ 72. Далее, те индивиды, хорошо сохранившая жизнь которых проявляется избытком веселости, служат, просто благодаря одному своему присутствию, источником удовольствий для всех окружающих, тогда как угнетенное состояние духа, обыкновенно сопровождающее плохое здоровье, влияет подавляющим образом и на семью и на друзей. Помимо того, мы видим, что в то время как люди, достаточно заботившиеся о себе, сохраняют способность быть полезными другим, чрезмерная самоотверженность других ведет к тому, что человек не только делается неспособным помогать другим, но еще и сам становится бременем для других.

§ 73. Это излишнее подчинение эгоизма альтруизму бывает вредно еще и другим образом. Отсутствие себялюбия, доведенное до крайности, само порождает себялюбие, как прямо, так и косвенно. Ибо каждый может припомнить случаи, когда постоянные благодеяния, оказываемые человеком великодушным человеку жадному, вели только к увеличению жадности последнего; а чрезмерное расточение материальных средств на пользу других может, препятствуя браку, повести к тому, что альтруис-

тические черты характера не будут переданы потомству, т.е. может повести к возрастанию себялюбия.

§ 74. Наконец, нужно заметить, что рациональный эгоизм не только не предполагает более эгоистической человеческой природы, но даже совместим с такой человеческой природой, которая менее эгоистична. Ибо поддержание своих законных требований предполагает установление предела, за которым эти требования становятся уже незаконными, а следовательно, способствует приведению в большую ясность законных требований других людей.

XII. Альтруизм versus эгоизм

§ 75. Если мы определим альтруистические действия как такие действия, которые, при нормальном ходе вещей, приносят пользу не самому действующему лицу, а другим, тогда окажется, что с самого начала жизни альтруизм имеет не менее существенное значение, чем и эгоизм. Ибо, хотя, с одной стороны, недостача в нормальных эгоистических действиях ведет к ослаблению или к потере жизни, а поэтому и к потере возможности выполнять альтруистические действия, зато, с другой стороны, подобная же недостача в альтруистических действиях, вызывая смерть или неполное развитие потомства, ведет к исчезновению среди будущих поколений таких организаций, которые не обладают достаточным альтруизмом, и таким образом, приводит к понижению среднего уровня эгоизма. Говоря коротко, каждый вид постоянно очищается от чересчур эгоистических индивидов и в то же время теряет и чересчур альтруистических индивидов.

§ 76. Подобно тому как существовало постепенное прогрессивное движение от бессознательного родительского альтруизма к сознательному родительскому альтруизму высшего разряда, существовало и постепенное прогрессивное движение от альтруизма семьи к социальному альтруизму. Рассмотрим теперь различные способы, посредством которых в условиях общественной жизни личное благоденствие зависит от достодолжного внимания к благоденствию других.

§ 77. Полнота эгоистического удовлетворения при общественном состоянии зависит, прежде всего, от поддержания нормального отношения между затраченными усилиями и полученными выгодами, а это предполагает существование такого альтруизма, который не только побуждает к справедливому поведению, но побуждает также и принуждать других к справедливым поступкам. Эгоистическое удовлетворение каждого зависит в значительной мере прежде всего от справедливости самого субъекта, затем от поддержания справедливости в отношениях между другими людьми, наконец, от поддержания и улучшения тех учреждений, которые отправляют правосудие.

§ 78. Но тождественность личных выгод индивида и выгод его сограждан простирается гораздо дальше. Все, что увеличивает их силу, касается и его, ибо оно уменьшает стоимость всякой покупаемой им вещи. Все, что относится к возможности их заболевания, также касается его, ибо оно связано с возможностью его заболевания. Все, что увеличивает их интеллигентность, опять-таки касается его, ибо он ежедневно испытывает неудобства, вытекающие из невежества или неблагородства других. Все, что возвышает их нравственный характер, также касается его, ибо он на каждом шагу испытывает страдания, обусловленные низким уровнем нравственности.

§ 79. Гораздо прямее эгоистические удовлетворения зависят от тех альтруистических деятельности, которые завоевывают симпатии других людей. Отталкивая всех окружающих, себялюбивый человек утрачивает ту неподкупную помощь, которую другие могли бы ему оказать, лишает себя значительного числа удовольствий общественного происхождения и теряет возможность тех усилий удовольствия и тех смягчений страдания, которые являются следствием сочувствия других людей к тем, кого они любят.

Ф Счастье заключается в чувстве удовлетворенности индивида тем, как в целом складывается его жизнь. Из этого, однако, не следует, что счастье субъективно. Оно не сводится к отдельным удовольствиям, а представляет собой их гармоничное сочетание. Даже как эмоциональное состояние оно, по крайней мере отчасти, имеет вторичную природу и обусловлено определенными претендующими на общезначимость представлениями о счастье. Тем более это относится к оценкам в терминах счастья и несчастья. За субъективным чувством и представлением о счастье всегда стоит какой-то образец того, что такое счастье и счастливый человек сами по себе. Говоря по-другому, в своем желании счастья человек всегда исходит из того, что такое же желание присуще и другим людям. Более того, счастье одних индивидов связано со счастьем других через нравственные отношения между ними, через посредство счастливого общества. Счастливый человек в счастливом обществе — такова одна из типичных и центральных тем философских трактатов.

§ 80. Существуют еще и другие случаи, когда эгоизм, не ограниченный альтруизмом, не достигает своей цели. Чрезмерный эгоизм губит сам себя, приводя к неспособности быть счастливым. Чисто эгоистические удовлетворения делаются все менее живыми вследствие пресыщения даже в более раннюю пору жизни, а позднее они почти исчезают; в течение всей жизни чувствуется отсутствие менее пресыщающих удовольствий альтруизма; особенно же это чувствуется в тот более поздний период жизни, когда они широко замещают собой эгоистические удовольствия;

при этом существует также и недостаток восприимчивости к эстетическим удовольствиям высших порядков.

§ 81. Нужно указать еще на одну истину, обыкновенно почти вовсе не замечаемую, что эта зависимость эгоизма от альтруизма переходит за пределы каждого отдельного общества и постоянно стремится приобрести всемирное значение. Что внутри каждого общества эта зависимость становится все большей по мере того, как совершается социальная эволюция, предполагающая возрастание взаимной зависимости, этого нет надобности и доказывать, но отсюда можно сделать тот вывод, что когда взаимная зависимость общества возрастает вследствие коммерческих отношений, внутреннее благосостояние каждого общества становится предметом, имеющим значение для других обществ.

Замечание. Среди удовольствий субъекта, являющихся следствием стремления его способствовать счастью других людей, вероятно, наиболее видное место занимают те, которые возникают вследствие усиления альтруистических чувств, и те, которые являются следствием унаследования потомками субъекта этих усиленных альтруистических чувств, побуждающих их к такому поведению, которое делает родительское состояние источником счастья.

XIII. Разбор дела и соглашение

§ 82. Таким образом, и чистый эгоизм, и чистый альтруизм незаконны. Необходимость компромисса, быть может, наилучше обнаружится, если мы выразим требования одной из двух спорящих сторон в их крайней форме. Сделаем это относительно чистого несебялюбия.

§ 83. Это приводит нас к рассмотрению принципа наибольшего счастья, провозглашенного Бентамом и его последователями. Если «наибольшее счастье наибольшего числа людей», или, другими словами, «общее счастье», есть законная цель деятельности, тогда она должна быть целью не только для всякой общественной деятельности, но и для всякой частной деятельности; в противном случае большая часть деятельности осталась бы без руководства. Рассмотрим его пригодность для каждого вида деятельности.

§ 84. Если совместная деятельность должна руководствоваться этим принципом и его неизбежным добавлением: «каждый должен считаться за одного, и никто не должен считаться более чем за одного», тогда нужно не обращать внимания на все различия характера и поведения, заслуг и поступков среди граждан, ибо мы не имеем никакого основания для установления различий; мало того, так как то, по отношению к чему все должны считаться одинаковыми, не может быть само счастье, которое нельзя распределять, и так как раздача равных количеств конкретных предметов, обуславливающих счастье, не только не при-

ведет в конечном счете к наибольшему счастью, но даже не даст этого наибольшего счастья и в ближайшем, то, следовательно, этот принцип можно защищать только в смысле равного распределения условий, при которых можно стремиться к счастью. Таким образом, этот принцип сводится к косвенному провозглашению равноправия.

§ 85. Если (принимая общее счастье за цель частной деятельности) мы скажем, что индивид должен взвешивать свое собственное счастье и счастье других таким образом, как это сделал бы какой-нибудь беспристрастный зритель, тогда станет очевидным, кроме того, что каждый должен наслаждаться тем счастьем, или обладать теми средствами, ведущими к счастью, которые добыты его усилиями; следовательно, мы опять придем только к признанию равноправия.

§ 86. Переменим теперь метод и рассмотрим вопрос о том, каким способом может быть образована наибольшая сумма счастья. Признав тот факт, что справедливый эгоизм создаст известную сумму счастья, мы спросим себя, каким образом чистый альтруизм создаст еще большую сумму счастья; мы сейчас же увидим, что предположение, будто преследование каждым человеком исключительно альтруистических удовольствий поведет к образованию большей суммы счастья, заключает в себе молчаливое признание того, будто альтруистические удовольствия, возникающие из симпатий, могут существовать и при отсутствии тех эгоистических удовольствий, симпатия к которым обусловливает их возникновение, — а это невозможно; далее, утверждение, что наибольшая сумма счастья будет достигнута, если все индивиды будут более альтруистами, чем эгоистами, равносильно косвенному признанию того общего положения, что воспроизведенные чувствования сильнее чувствований, данных в непосредственном ощущении, — это опять невозможно.

§ 87. Далее, принцип чистого альтруизма представляет фатальную аномалию следующего рода: в то время как истинный принцип деятельности должен все более и более находить себе применение, по мере того как люди улучшаются, альтруистический принцип делается все менее и менее применимым по мере приближения людей к идеальному состоянию, ибо сфера его применения постоянно уменьшается.

§ 88. Затем, доктрина чистого альтруизма предполагает, что счастье может быть передано или распределено в какой угодно степени, тогда как, в действительности, удовольствия одного рода (те, которые неотделимо связаны с поддержанием физического благосостояния) не могут быть переданы в значительной мере без гибельных или крайне вредных последствий, а удовольствия другого рода (удовольствия успешной деятельности) вовсе не могут быть переданы.

§ 89. Можно еще одним способом показать несостоительность того преобразованного утилитаризма, который считает

свое учение воплощением христианской заповеди: «Люби ближнего, как самого себя», и того альтруизма, который, идя еще дальше, провозгласил принцип: «Жить для других». Ибо, для того чтобы все приняли этот принцип деятельности, что и должно случиться, если только это здравый принцип, нужно, чтобы они были повременно и крайне неэгоистичными, и крайне эгоистичными: чтобы они были готовы и жертвовать собой для блага других, и принимать удовольствия, купленные ценой самопожертвования других; а такие черты несовместимы друг с другом.

§ 90. Таким образом, потребность в соглашении эгоизма с альтруизмом делается очевидной. Мы вынуждены согласиться, что свое собственное благоденствие имеет такие права, которые должны быть признаны всяkim, ибо мы замечаем, что игнорирование этих прав приводит то к безвыходному положению, то к противоречиям, то к самым пагубным результатам. С другой стороны, бесспорно также и то, что непризнание каждым прав других, доведенное до еще больших размеров, гибельно для семьи и, наконец, для расы. Следовательно, эгоизм и альтруизм сосущественны (*co-essential*).

§ 91. Какую форму должно принять соглашение между эгоизмом и альтруизмом? Каким образом удовлетворить в должной мере требование каждого из них? Всеми признается, что собственного счастья нужно до известной степени достигать посредством споспешествования счастью других. Не окажется ли справедливым и обратное утверждение, что общего счастья нужно достигать путем споспешествования собственному счастью? Если благоденствия каждой единицы нужно достигать отчасти посредством заботы этой единицы о благоденствии агрегата, то не следует ли добиваться благоденствия агрегата отчасти путем заботы каждой единицы о самой себе? Очевидно, наше заключение должно состоять в том, что общего счастья следует достигать главным образом посредством должного преследования каждым индивидом своего собственного счастья, и, наоборот, счастья индивидов следует достигать отчасти посредством преследования ими общего счастья. Это заключение нашло воплощение в прогрессивных идеях и обычаях человечества.

XIV. Примирение

§ 92. Здесь нам остается показать, что между интересами каждого отдельного гражданина и интересами всех граждан вообще совершалось и совершается примирение. Хотя общественный альтруизм, лишенный некоторых элементов родительского альтруизма, никогда не может достигнуть такого же уровня, как и последний, однако можно ожидать, что он достигает того уровня, на котором он, подобно родительскому

альtruизму, сделается самопроизвольным, т.е. такого уровня, при котором забота о счастье других сделается ежедневной потребностью. Каким образом развитие симпатии приведет к этому состоянию?

§ 93. Постепенно и только постепенно, по мере того как разнообразные причины несчастья станут уменьшаться, симпатия получит возможность увеличиваться. По мере того как постоянные переформировки человека и общества, ввиду большей их взаимной приспособленности, уменьшаются, симпатия может начать возрастать ввиду существования удовольствий, обусловленных приспособленностью. Обе эти перемены действительно находятся в таком соотношении, что каждая помогает другой. Всякое возрастание симпатии, позволяющее данными условиями, само помогает уменьшению страдания и увеличению удовольствия, а тот больший излишек удовольствия, который таким образом возникает, делает возможным дальнейшее возрастание симпатии.

§ 94. При обсуждении вопроса о развитии симпатии мы должны рассмотреть два фактора: естественный язык чувства у того существа, которому симпатизируют, и способность понимать этот язык у того, кто симпатизирует. Если мы предположим одновременно и более свободное пользование языком душевных волнений, и более тонкое схватывание знаков этих душевных волнений, и усиление построительного воображения, то мы получим некоторое понятие о той более широкой и более глубокой симпатии, которая возникнет в будущем.

§ 95. Каково должно быть сопутствующее этому развитие поведения? Беспрерывное общественное воспитание так перерабатывает человеческую природу, что в конце концов все станут самопроизвольно стремиться к симпатическим удовольствиям настолько, насколько это только согласно с выгодами всех и каждого. Область альтруистической деятельности не будет превосходить желания пользоваться альтруистическими удовольствиями.

§ 96. По мере приближения к наивысшему состоянию случаи, удобные для того самоотречения в пользу других, которое составляет альтруизм, как его обыкновенно понимают, должны, по многим причинам, делаться все более и более редкими. По мере приближения человечества к полному приспособлению природы индивидов к потребностям общества случаи для оказания помощи должны делаться все малочисленнее и менее важными, ибо никакое вмешательство между способностью и ее направлением не может быть полезно там, где способность и ее направление приспособлены друг к другу. Общий альтруизм в своей развитой форме должен неизбежно противодействовать крайностям индивидуального альтруизма: вместо того чтобы каждый индивид поддерживал свои права, эти права его будут поддерживаться для него другими. Какие же сферы деятельности останутся, в конце концов, у альтруизма? Три сферы. Одна, которая до конца оста-

нется обширной, есть сфера семейной деятельности. Две другие будут заключаться в способствовании общественному благополучию вообще и в различных случайных деятельностих, вызываемых болезнями и несчастьями.

§ 97. Можно ли заключить, что в конце концов альтруизм, с уменьшением сферы его деятельности, уменьшится в своем количестве? Ни под каким видом. То, что теперь у самых высших натура встречается только в слабой и случайной форме, сделается, как можно ожидать, при дальнейшей эволюции сильным и обычным, и те качества, которыми теперь отличаются исключительно высокие личности, сделаются, как можно ожидать, в конце концов присущими всем. Ибо то, на что способны лучшие представители человеческой природы, доступно человеческой природе вообще.

§ 98. Невероятно, чтобы с этими выводами согласилась более или менее значительная группа людей. Они не обладают для этого достаточным сходством ни с ходячими идеями, ни с ходячими чувствами. Однако найдутся некоторые люди, которые согласятся, что человечество в конце концов станет поступать согласно этим нравственным принципам.

XV. Абсолютная и Относительная Этика

§ 99. Если, как это подразумевалось в предыдущих разделах, принципы деятельности, называемые абсолютными и относительными, приложимы к поведению обусловленных существ, то, спрашивается, в каком смысле следует понимать слова «абсолютный» и «относительный»? Лучшим ответом на это будет критическое рассмотрение ходячих понятий о хорошем и дурном.

§ 100. Значительная часть путаницы в этических спекуляциях возникает вследствие невнимания к различию между абсолютно хорошим и относительно хорошим. И много дальнейшей путаницы является результатом предположения, будто в каждом случае можно каким-нибудь образом решить, какое из двух поведений нравственно обязательно.

§ 101. Чтобы выяснить различие между тем совершенным поведением, которое составляет предмет Абсолютной Этики, и тем несовершенным поведением, которое составляет предмет Относительной Этики, достаточно дать два примера.

§ 102. Взглянем на отношение здоровой матери к здоровому ребенку. Между ними существует взаимная зависимость, служащая источником удовольствия для обоих. Давая ребенку его естественную пищу, мать испытывает удовлетворение; а для ребенка это ведет к удовлетворению аппетита, к поддержанию жизни, к росту и к наслаждению. Прервите это отношение, и обе стороны начнут страдать. Следовательно, это действие принадлежит к таким, которые мы называем абсолютно хорошими. Возьмем другой пример. Утомительность продуктивного труда в том виде,

как он теперь совершается, делает его злом; но уклонение от этой утомительности повело бы к гораздо большим страданиям как для самого работника, так и для его семьи и, следовательно, послужило бы источником гораздо большего зла. Следовательно, этот труд относительно хорош.

§ 103. Мы должны указать здесь на ту дальнейшую истину, что в тех случаях, когда нельзя принять абсолютно хорошего решения, но можно прийти только к таким решениям, которые более или менее дурны, часто бывает невозможно сказать, какое из решений наименее дурно. Так, например, существует предел, до которого самопожертвование родителей для пользы детей является относительно хорошим актом; и существует предел, за который самопожертвование не может заходить, не ведя за собой как для самих родителей, так и для всего семейства бедствий гораздо больших, чем те бедствия, которые устраниются самопожертвованием. Кто скажет, где лежит этот предел? Завися от организации и потребностей заинтересованных лиц, этот предел не может быть одинаковым в двух каких-нибудь случаях, и относительно него всякий может только строить догадки.

§ 104. Теперь мы подготовлены, чтобы заняться вопросом о различии между Абсолютной Этикой и Относительной Этикой. Научные истины всякого рода добываются путем исключения пертурбирующих факторов. Когда это рассмотрение основных факторов в отвлечении (т.е. не в том виде, в каком они даны в действительности, а в том виде, в каком они представляются нам при их идеальном отделении) позволит установить общие законы, тогда станет возможным дать объяснение частных случаев, приняв во внимание случайные факторы. Но все-таки отыскиваемые основные истины можно открыть только путем предварительного игнорирования этих случайных факторов и путем рассмотрения одних существенных элементов.

§ 105. Поэтому Абсолютная Этика неизбежно предшествует Относительной Этике. Кто следил до сих пор за общим ходом наших доказательств, тот не станет отрицать, что можно представить себе идеальное социальное существо, устроенное таким образом, что его самопроизвольные деятельности находятся в полной гармонии с условиями, налагаемыми на него общественной средой, образованной другими подобными же существами. Отсюда следует неизбежный вывод, что существует идеальный кодекс поведения, формулирующий образ действия вполне приспособленного человека во вполне развитом обществе. Подобный кодекс есть то, что называется здесь Абсолютной Этикой, в отличие от Этики Относительной, — кодекс, предписания которого должны считаться абсолютно хорошими, в отличие от тех предписаний, которые относительно хороши или наименее дурны; кодекс, который как система идеального поведения должен служить руководством при решении, по мере наших сил, вопросов действительного поведения.

§ 105а. Когда, формулируя нормальное поведение в идеальном обществе, мы входим в область науки об абсолютной нравственности, мы вместе с тем входим в область такой науки, которая, приложенная к истолкованию явлений реальных обществ, находящихся в своем переходном состоянии, полном бедствий, происходящих от неприспособленности, позволяет нам образовать приблизительно верные заключения касательно природы ненормальностей и тех путей, которые наиболее приближаются к нормальному.

§ 106. Чтобы идеальный человек мог служить мерилом нравственности, он должен быть определен в терминах тех условий, которые выполняются его природой, — в терминах тех объективных требований, которые должны быть удовлетворены, прежде чем поведение может сделаться хорошим.

IV. Питание

§ 210. Насколько несправедливо забывать о питании как о предмете этического суждения, можно ясно видеть, наблюдая ошибочность господствующих теперь взглядов относительно этого вопроса.

§ 211. Говоря вообще, нравственность санкционирует полное удовлетворение потребности в пище. Во-первых, потому, что удовлетворение потребности само по себе есть элемент тех нормальных удовольствий, которые даются жизнью; а во-вторых, потому, что оно косвенно ведет к полноте жизни и к возможности выполнять все обязанности, налагаемые жизнью.

§ 212. Так как энергия, необходимая для работы, зависит от хорошего питания, а это последнее — от хорошего пищеварения, то, очевидно, этика одобряет должную заботу о качестве и разнообразии пищи, ибо и ежедневный опыт и наука подтверждают мнение, что вкусная пища вызывает более деятельное пищеварение.

§ 213. Относительно альтруистических требований, предъявляемых питанию, мы можем заметить, что при излишнем питании уменьшается количество пищи, остающейся для других, а при недостаточном питании наносится вред потомству.

V. Возбуждение

§ 214. Нельзя писать об этике индивидуальной жизни и не сказать ничего о принятии возбуждающих веществ. Здесь мы должны руководиться одними физиологическими соображениями.

§ 215. Нельзя, по-видимому, сомневаться в том, что с точки зрения абсолютной этики прием каких бы то ни было возбуждающих веществ предосудителен; по крайней мере это следует сказать о ежедневном их потреблении.

§ 216. Принятие возбуждающих законно только при болезненном состоянии и старости, и то только в тех пределах, которые необходимы для усиления восстановительных процессов.

§ 217—218. Кроме этого, можно оправдать те случайные употребления возбуждающих веществ, которые сопровождаются усиленным приемом пищи и оживлением пиршества, ибо нарушение однообразия время от времени бывает полезно.

VI. Воспитание

Ф Воспитание активизирует процесс освоения ребенком общественно необходимых нормативов поведения, оказывает серьезное влияние на его способности к восприятию стихийных воздействий окружающей среды, стимулирует усвоение положительного примера.

§ 219. Воспитание в самом широком смысле слова есть приготовление к полной жизни. Оно заключает в себе, во-первых, обучение всем тем знаниям и сведениям, которые необходимы

для успешного самоподдержания и поддержания семьи; во-вторых, оно предполагает развитие способностей в том направлении, чтобы сделать для человека доступными все радости, которые можно почерпнуть в природе и в человечестве.

№ Г. Спенсер раскрывает некоторые аспекты воспитания, о которых мы сегодня забыли (например, развитие «ловкости рук»). Как это ни парадоксально, такое развитие стало еще более актуальным в наш компьютерный век, чем во времена Спенсера, времена конторских счетов. Известна связь мозга и рук. Развитие рук связано с развитием интеллекта. Это одна сторона. Другая — современный ученик утратил контакт с предметным миром, тем более перестал создавать вещь, целостный предмет. Образование погрузило школьника в мир знаков, абстракций, виртуальной реальности. Положение современного школьника можно сравнить с ситуацией невесомости: его ступни оторвались от родной земной почвы. Можно много говорить об отрицательных последствиях «виртуальной жизни» ученика. Его спасение — в школьной дисциплине, названной сегодня материальной технологией. Однако сегодня покушаются и на этот островок «почвы человека», включающий в себя общение с природным материалом, радость от созданной своими руками вещи, информационной, или просто — информатики.

Но в целом Г. Спенсер в духе позитивизма сужает содержание образования в основном его «полезностью» для жизни. Еще К. Маркс говорил, что человек, в отличие от животного, не довольствуется «головой пользой». У человека есть потребность «бесполезного» общения с красотой и гармонией в искусстве, истинное вдохновение он получает, погружаясь в мысли и чувствования о невидимом духовном мире, не преследуя при этом никакой пользы для жизни. Более того, утрата такой связи, как показывают современные исследователи (С. Гроф, В. Франкл и др.), ведет к деформации психики и заболеванию человека.

Эти общения Г. Спенсер относят к развлечениям и отмечает, что существует стремление слишком много времени посвящать «этим предметам». Но «эти предметы» и «удовольствия» есть самое человеческое в человеке. Утилитаризм, погоня только за пользой привели к деградации человека.

§ 220. Есть одна часть воспитания, которой обыкновенно пренебрегают и которая, однако, необходима как для тех, кому впоследствии она пригодится для добывания средств к жизни, так и для тех, которые не извлекут из нее материальной выгоды, — мы говорим о развитии ловкости рук.

§ 221. Если развитие телесной ловкости необходимо для более успешного обращения с непосредственно окружающими вещами, то интеллектуальная культура необходима для успешного совершения действий, имеющих в виду отдаленные цели. Изучение явлений всех порядков, доведенное до тех пределов, через которые никакое исследование не может перешагнуть, необходимо для того, чтобы познать наше отношение к конечной тайне вещей и чтобы, таким образом, пробудить в нас то сознание, которое может, по справедливости, считаться родственным нравственному сознанию.

§ 222. Всякий гражданин обязан стремиться к усвоению достаточных знаний в области социальных наук, чтобы иметь верные политические взгляды; а достаточное литературное воспитание даст богатство и силу его выражениям, увеличит могущество его ума и общественную полезность.

§ 223. Воспитание должно преследовать еще и другие цели. При современном воспитании, особенно при современном воспитании женщин, физическая сторона воспитания подвергается такому забвению, что в результате получается физическое и духовное ослабление как самих воспитываемых, так и их потомства. А между тем можно дать детям достаточно высокое воспитание, не напрягая их сил до чрезмерности: для этого стоит только исключить из программ все те бесполезные сведения, которые теперь почему-то считаются необходимыми для хорошего воспитания.

§ 224. Так как быть человеком, доставляющим удовольствие другим, есть общественная обязанность, то, следовательно, воспитание, особенно то воспитание, которое ведет к повышению жизнерадостности субъекта, имеет за собой нравственную санкцию и даже более того — является нравственно обязательным.

VII. Развлечения

§ 225. То удовлетворение, которое сопровождает развлечения, поднимает жизненную энергию и, если при этом сохранены должные пределы, делает человека более производительным во всех отношениях. Поэтому развлечения имеют нравственное

оправдание и будут увеличиваться с развитием человеческой жизни.

§ 226. Обращаясь к удовольствиям, в которых индивид играет главным образом пассивную роль, мы находим, что даже аскетически настроенные люди не отвергают эмоциональных и интеллектуальных удовольствий, доставляемых путешествием. Мало удовольствий могут быть более одобрены и менее давать повода к злоупотреблениям, чем удовольствия, связанные с занятием живописью и скульптурой. По-видимому, даже не следует настаивать на том, что существует нравственная санкция для развлечения беллетристикой, театром и музыкой, ибо и без того существует всеобщее стремление даже слишком много посвящать времени этим предметам.

§ 227. Свое отношение к спорту этика может выразить только указанием на большую или меньшую преступность различных его видов. Те виды спорта, которые сопряжены с причинением непосредственного страдания, особенно людям, являются отчасти видами удовольствия, унаследованными нами от дикарей худшего разряда. Игры, наоборот, доставляют удовольствия, из которых почти не приходится делать вычетов (а иногда и совсем не приходится их делать) на покрытие причиняемых ими страданий. Само собой разумеется, что азартные игры и пари только осуждаются этикой.

§ 228. Для того чтобы человек мог принять участие в общих удовольствиях, он должен культивировать в надлежащей мере эти излишние виды деятельности, доставляя при этом удовольствие не только себе, но в то же время и другим.

VIII. Брак

§ 229. В этом и следующем разделах мы переходим к вопросам, лежащим между индивидуальной этикой и этикой социальной.

§ 230. Признавая желательность сохранения человеческого рода, мы видим, что существует обязательство приносить для этого соответствующие жертвы. Естественная справедливость указывает, что так как каждый индивид находится в долгу перед предшествовавшими ему индивидами за издержки, связанные с производством и воспитанием его, то он должен дать известный эквивалент на пользу будущих индивидов.

§ 231. Брак нравственно оправдывается и даже нравственно предписывается как условие восполнения индивидуальной жизни. Нужно, однако, заметить, что ожидаемые от него благотельные последствия (которые заключаются в подъеме энергии и возбуждении чувств даже у натур вообще пассивных) могут появиться только при нормальном браке — браке по любви. Наоборот, браки по расчету могут вести не к повышению, а к понижению нравственного уровня.

§ 232. Теперь перед нами трудный вопрос: что следует сказать относительно непредусмотрительных браков? За исключением решительного осуждения браков между лицами моложе двадцати лет (среди высших рас), этика может дать в данном случае только неопределенные указания. Обыкновенно здесь приходится сообразовываться с разными вероятностями. Если совершенно непредусмотрительный брак следует строго осуждать, то, с другой стороны, во многих случаях известный риск всегда следует допустить, чтобы избежать тех бедствий, которые могут возникнуть вследствие продолжительной отсрочки.

§ 233. Что может сказать этика относительно выбора жены мужем и мужа женой? Хотя указанию чувств здесь нужно следовать до такой степени, что брак, не требуемый чувствами, следует осуждать, однако это руководство чувствами не должно быть единственным руководством. Этика требует, чтобы разум помогал здесь инстинкту и контролировал его.

§ 234. Обыкновенно думают, что, исполнив религиозные и общественные требования относительно отношений между полами, исполнили все требования. Так как физиологические требования не получили признания, то на них и не обращают внимания. Отсюда вытекает немало бедствий; если правильно понятая этика должна высказывать суждения относительно всего поведения, то отсутствие самоконтроля, которое осуждается ею в других областях, должно быть осуждено и здесь.

IX. Родительское положение

§ 235. Эволюционная этика настаивает, чтобы все требования, предъявляемые браку, сообразовывались с условиями возникновения нового поколения.

§ 236. Нравственный кодекс Природы не позволяет родителям уклоняться от исполнения своих обязанностей. Если с гедонистической точки зрения он дает энергическую санкцию удовлетворению родительских чувств, то с точки зрения эволюционной он категорически предписывает выполнение всех тех действий, благодаря которым дети готовятся к жизненной борьбе. А если обстоятельства таковы, что часть этих действий может быть выполнена другим лицом, то он все-таки воспрещает взваливать на других расходы и заботы по выполнению этих обязанностей.

§ 237. Наступит время, когда, одновременно с полным признанием родительских обязанностей, будет существовать и не преодолимое препятствие для злоупотребления ими. Когда родители, как это и следует, добросовестно исполнят все обязанности, налагаемые на них их родительским положением, они станут энергично отрицать право какого бы то ни было собрания людей брать от них их детей и переделывать их по-своему.

§ 238. Если непредусмотрительные браки должны быть осуждаемы, то следует осуждать и тех, которые рождают много детей,

имея средства для вскармливания только немногих из них. Непредсмотриительность после брака также дурна, как и непредсмотриительность до брака.

§ 239. К этому ограничению должно быть присоединено другое, которым современные этики, каково бы ни было их происхождение, совершенно не занимаются. Рождение детей не должно быть слишком частым. Это необходимо не только для более полного развития и уже родившегося ребенка, и того, который рождается впоследствии, но также и для здоровья матери.

§ 240. Каким же образом привести в соглашение интересы индивидов и интересы расы? На этот вопрос, быть может, и нельзя ответить. Несомненно, однако, одно: интересы расы должны господствовать над интересами индивидов.

XXI. Права детей

§ 337. В самом начале этого исследования мы указали на основное различие между этикой семьи и этикой государства; поэтому легко видеть, что права детей имеют совсем иной характер, чем права взрослых. Чтобы яснее оттенить это различие, мы будем говорить не о правах (rights) детей, а об их законных требованиях (rightful claims). Право взрослого человека есть выражение его свободы деятельности при добывании себе пищи, одежду и т.п., а законные требования ребенка имеют своим объектом самые эти продукты деятельности — пищу, одежду и т.п.

Ф Формирование личности ребенка происходит как под непосредственным влиянием объективных условий его жизни в семье, так и под воздействием целенаправленного воспитания взрослых. Наилучшая позиция, к которой следует стремиться обоим родителям, это признание ребенка как личности, как равноправного члена семьи, без переоценки и недооценки его роли. Наилучшим способом воздействия является объяснение, а не навязывание или принуждение.

§ 338. Но так как сохранение вида необходимо, чтобы молодые индивиды достаточно упражняли свои способности, то законные требования детей распространяются не только на продукты деятельности, но и на участие в деятельности, поскольку это необходимо для развития их способностей. На вопрос о том, насколько жизнь родителей должна быть подчинена выполнению их обязанностей по отношению к детям, — нельзя дать общего ответа.

§ 339. Переайдем теперь от законных требований детей к их обязанностям. Естественным следствием их неспособности к самоподдержанию является право родителей руководить их деятельностью. Это право имеет двойное основание: во-первых, самостоятельная деятельность детей была бы вредна для них са-

мих; во-вторых, повиновение воле родителей есть самое лучшее вознаграждение за оказываемую ими поддержку. Из всего этого следует, что законность подобных отношений прекращается с того момента, как возросший индивид делается способным к самоподдержанию.

§ 340. На примере детей еще лучше, чем на примере женщин, мы можем видеть, каким образом с ходом цивилизации устанавливаются справедливые отношения. Для этого стоит только вспомнить о громадном распространении детоубийства среди дикарей, стоит вспомнить о полнейшем бесправии даже взрослых сыновей у римлян, а затем взглянуть на современное положение детей у наиболее цивилизованных народов.

§ 341. Таким образом, мы еще раз замечаем полное совпадение теории и практики — нравственных требований и политических улучшений — выводов из основных принципов и указаний опыта.

V. Воздержание от обнаружения своих способностей

Ф Известны две крайние точки зрения в изучении способностей. Одна из них характеризует способности как врожденные образования, которые даются человеку в готовом виде. Другая исходит из тезиса о полной зависимости способностей человека от внешних условий его жизни и утверждает, что, организуя соответствующим образом деятельность человека, можно добиться высокого уровня развития любых способностей. Однако, признавая решающую роль деятельности и воспитания в развитии способностей, неправомерно недооценивать их природной основы. Эффективным может быть лишь то воспитание, которое учитывает своеобразие природных особенностей человека и его одаренность.

§ 411. Указания отрицательной благотворительности в вопросе об удовольствии и удовлетворении, вытекающих из общественных отношений, сводятся к требованию так воздерживать себя при получении удовольствия от этих отношений, чтобы не лишать и других соответствующей доли удовольствия.

§ 412. Одна из форм себялюбия, временами обнаруживаемая некоторыми людьми и справедливо осуждаемая другими, заключается в неограниченном проявлении своих замечательных способностей собеседника. Относительно многих блестящих собеседников мы читаем, что они нередко превращали беседу в монолог. Такие люди более теряют от нравственного осуждения, чем выигрывают от признания их способностей.

§ 413. Бывают еще специальные случаи, предписывающие воздерживаться от проявления своего превосходства. Например, собеседник, одаренный тонким нравственным чувством, предпочтет лучше показаться человеком малосведущим или несообра-

зительным, чем обнаружить невежество или нелогичность другого человека в присутствии его невесты.

§ 414. В интересах более высокой цивилизации следует практиковать известное самоограничение, которое помогает установлению более гармонических общественных сношений и предупреждает бесцельное подчеркивание умственных недостатков других людей.

VI. Воздержание от порицания

§ 415. Так как для достодолжного применения порицания нужно принять во внимание очень много обстоятельств, то желательно, чтобы порицание высказывалось после продолжительного обсуждения.

Ф Способы выражения порицания различны — от мимических реакций и вербальной оценки до негодования. Порицание чрезмерное или спровоцированное гордыней того, кто высказывает осуждение, может стать источником несправедливости, фактом ущемления достоинства человека.

§ 416. Самое обыкновенное применение порицания есть то, к которому прибегают родители относительно детей. Отрицательная благотворительность воспрещает слишком частое пользование порицанием. Родитель, который оставляет без замечаний небольшие проступки или, в крайнем случае, выражает свое неодобрение только взглядами и высказывает порицание только при значительных проступках, достигает, при прочих равных условиях, лучшего руководства ребенком, чем суровый родитель; ибо суровый родитель не пользуется теми мотивами, на которых основано хорошее поведение, и подставляет вместо них низший мотив — страх. Само собой разумеется, что все сказанное здесь относительно семьи применимо и к школе.

§ 417. В отношениях нанимателя с нанимаемым справедливость должна господствовать над благотворительностью; поэтому здесь соображения относительно порицания должны быть подчинены соображениям относительно выполнения долга.

§ 418. Что следует сказать касательно высказывания порицания между людьми, не зависимыми друг от друга — знакомыми или совсем чужими лицами? Здесь нельзя дать общего ответа: каждый случай должен быть рассмотрен отдельно.

§ 419. Правильно понятая отрицательная благотворительность не предписывает воздерживаться от порицания, когда поступок достоин порицания, совсем напротив. Не может быть нравственного оправдания поведению, которое оставляет недостойного благоденствовать и считает опасным заставить этого недостойного испытать естественные последствия его поведения.

§ 420. Многое из того, что было сказано в этом разделе, применимо с соответствующими изменениями и к наказанию, т.е. такому виду порицания, при котором вместо суровых слов употребляются суровые меры.

VII. Воздержание от похвалы

§ 421. Кроме тех случаев воздержания от похвалы, которые предписываются правдивостью, существуют еще случаи воздержания, обусловливаемые желанием способствовать общему или индивидуальному благоденствию.

§ 422. Когда ребенком любуются, это доставляет удовольствие матери: сознательное или бессознательное желание похвал заставляет мать брать даже грудного ребенка у кормилицы и показывать его гостям. Но тщеславие уже и без того является господствующей чертой среди людей; должны ли вы похвалами ребенку разжигать его самолюбие (если он уже достаточно велик, чтобы понимать похвалы) и увеличивать тщеславие его матери? Не хвалить ребенка — значит причинить огорчение обоим и, быть может, уменьшить дружелюбие матери. Но дальновидное понимание интересов и ребенка и матери заставит воздержаться от ожидаемых похвал.

§ 423. Подобное же воздержание, налагаемое частью искренностью, частью желания не причинять другому вреда, часто бывает необходимо тогда, когда от нас ожидают похвал авторы книги, поэмы, речи, картины или исполнители песен. Нет надобности прибавлять, что долг перед обществом категорически воспрещает писателям-критикам пускать в общественное обращение незаслуженные похвалы.

§ 424. Существует еще одна, сходная с лестью, форма похвалы, от которой следует воздерживаться, — это та молчаливая лесть, которая проявляется постоянным согласием с мнением другого лица.

§ 425. Приглашение присоединиться к общественному чествованию человека, который, быть может, только хорошо исполнил свой долг, дает еще один повод к отрицательной благотворительности воздержания. В высокоразвитом обществе будут менее искать похвал и менее выражать их.

ГЛАВА XXXI. ЭТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Делается попытка рассмотреть все виды поведения, подсказываемые активной симпатией, которая предполагает удовольствие в доставлении удовольствия, т.е. тот вид поведения, который порожден приспособлением к общественной жизни и который благодаря тому же приспособлению будет делаться все более и более общераспространенным, а сделавшись все-

общим, поведет к возможно большей полноте человеческого счастья.

I. Супружеская благотворительность

§ 428. Только в более поздние периоды человеческой истории обращение с женщинами сделалось мало-помалу менее животным; и только в течение того же периода возникла у мужчин мысль о том, что женщины могут предъявлять к ним известные требования; одновременно с этим у мужчин возникли и чувства, соответствующие этой идеи.

§ 429. Почтительность, которая в цивилизованных обществах характеризует поведение мужчин относительно женщин, не есть, как это кажется с первого взгляда, результат общепринятой условности.

§ 430. Мысли и чувства, которые должны регулировать отношения между мужчинами и женщинами вообще, находят свою специальную сферу в супружеских отношениях. Здесь более, чем где-либо, мужчина обязан, насколько возможно, уменьшить те невыгоды, которые связаны с условиями женского существования. В самом деле, тот антагонизм индивидуализации и воспроизведения, о котором мы говорили в «Основаниях Биологии», особенно сильно дает себя знать женщинам, потери которых на пользу будущих поколений без всякого сравнения превосходят потери мужчин.

§ 431. Конечно, самопожертвования, большие и малые, на которые муж обязан обрекать себя ради жены, имеют свои пределы. Однако лучше, чтобы муж обладал излишком благотворительности, чем недостатком ее.

§ 432. Супружеская благотворительность должна быть взаимной. Хотя главным образом она должна применяться мужем относительно жены, но она должна быть широко применяема и женой относительно мужа.

§ 433. Полная благотворительность в этих отношениях достигается тогда, когда каждый заботится о правах другого. Высочайшая ее форма может быть достигнута только тогда, когда каждый будет стремиться скорее принести жертву, чем пользоваться ею.

II. Родительская благотворительность

§ 434. Поведение родителей более всякого другого дает примеры благотворительности, так что в данном случае нужно не столько говорить о ее необходимости, сколько указывать на необходимость руководиться обдуманной, а не безрассудной благотворительностью.

§ 435. Руководство дальнейшим интеллектуальным развитием может быть с выгодой передано учителям; но руководство первоначальным интеллектуальным развитием, так же как и руковод-

ство эмоциональным развитием в течение всего воспитания, должно лежать на родителях. Другие могут тут только помогать им, но не заменять их.

§ 436. Родительская благотворительность слишком часто приводит к стремлению доставить непосредственное удовольствие, не сообразясь со счастьем будущего; таково, например, воспитание так называемых балованных детей.

§ 437. Весьма нередки случаи, когда родители распределяют неравномерно свою нежность между детьми, т.е. когда они руководятся только указанием чувств, питаемых ими к каждому ребенку. Бороться с этим стремлением — одна из важнейших обязанностей родительской благотворительности.

§ 438. Нам остается еще упомянуть о самом вредном виде дурно направленной родительской благотворительности: о желании, чтобы дети после смерти родителей имели достаточно средств, чтобы жить без труда и забот. Правильное понимание прав родителей, их сограждан и общества, а также и дальновидная благотворительность — все это должно было бы предостеречь родителей от желания создать независимое положение для своих детей.

III. Сыновняя благотворительность

§ 439. Хотя обязанности детей относительно родителей теоретически всеми признаются, однако на самом деле они очень мало чувствовались прежде, да и теперь еще далеко недостаточно чувствуются.

§ 440. Хотя все, за исключением крайне озверелых людей, со знают обязанность защитить родителей от нужды и прямых физических лишений, но только весьма немногие сознают обязанность сделать своими заботами и нежностью старость родителей по возможности счастливой. Мало в каком направлении современная человеческая природа представляет такие недостатки, как здесь. Необходимость в сыновней (т.е. детской) благотворительности является вопиющей нуждой; и нельзя сказать, каким образом мы можем справиться с этим недостатком.

ВОСПИТАНИЕ: УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ

Глава I. КАКИЕ ЗНАНИЯ ВАЖНЕЕ ВСЕГО

Люди предпочитают декоративное полезному. Справедливо замечено, что исторически украшения появились раньше одежды. Люди, из-за красивой татуировки подвергающие себя жестоким физическим страданиям, очень мало заботятся о смягчении резкого влияния температуры.

Гумбольдт рассказывает, что какой-нибудь индеец из Орино-ко, совершенно презирая всякие удобства для своего тела, готов в то же время проработать целых две недели для того только, чтобы купить себе краски и разукраситься. Женщина того же племени, не задумываясь, выходит из своей хижины без всяких признаков одежды, но никогда не осмелится нарушить до такой степени приличие, чтобы выйти нераскрашенной.

Путешественники знают, что цветные бусы и разные безделушки ценятся у первобытных племен гораздо больше, чем коленкор и тонкое сукно. Существуют анекдоты о том, как дикари, получив в подарок рубашки и разное платье, презабавно развещивают их напоказ: это доказывает только, как сильно преобладает идея украшения над идеей пользы.

Ф **Философия позволяет педагогике, социологии, биологии и другим наукам «заглядывать» в глубь пролетевших веков, сверять содержание образования, методики и результаты мониторинга не с конъюнктурой или устоявшимися догмами, а с вечно развивающимся универсумом.**

Существуют даже более яркие примеры. Доказательством служит факт, рассказанный капитаном Спеком о его африканских спутниках, которые в хорошую погоду с важностью расхаживали в плащах из козьих шкур, а в сырую снимали их, складывали и убирали, а сами ходили голые, дрожа под дождем.

Факты первобытной жизни действительно указывают, по-видимому, на то, что одежда развилась постепенно из украшений.

Принимая во внимание, что даже большинство из нас самих заботится о красоте материи гораздо больше, чем о теплоте ее, и

NB И сегодня становится социально опасным распространение массовой культуры, ориентированной на потребительство, духовно-нравственное и гражданское безразличие. Среди молодежи, носителей этой культуры, снижается стремление к высшим достижениям в продуктивных областях деятельности.

Все эти процессы вызывают необходимость уточнить понятие элиты, исследовать возможности управления процессом социальной стратификации, чтобы противопоставить массовой культуре ориентацию на высокие достижения в продуктивных сферах деятельности, т.е. на социальновзначимые аспекты.

не в пошлости, когда мы говорим, что мальчику в девяти случаях из десяти ни на что не пригодятся в жизни ни латынь, ни греческий язык.

Между тем эти знания, на которые потрачено им столько лет, очень мало помогают ему в жизни, будет ли он сидеть у себя в лавке, в конторе, будет ли управлять своим имением, руководить семьей, играть роль банковского или железнодорожного директора. Так мало, что в большинстве случаев он и совсем утрачивает их из памяти, а если ему и случится иногда отпустить какую-нибудь латинскую цитату или сослаться на какой-нибудь греческий миф, то это делается не столько для того, чтобы лучше осветить затронутый предмет, сколько ради эффекта.

Если мы вникнем в истинную причину того, почему мальчику дают, например, классическое образование, то и окажется, что это делается просто в угоду общественному мнению. Как тело, так и детскую душу люди наряжают согласно существующей моде.

Индеец из Ориноко разрисовывает себе тело перед тем, как выйти из хижины, не потому, что видит в этом прямую для себя пользу, а потому, что ему стыдно показаться нераскрашенным. Подобию этому и современному мальчику вбивают в голову латынь и греческий язык не потому, что видят в этом какую-нибудь существенную пользу, а просто для того, чтобы не упрекну-

о фасоне платья гораздо больше, чем о его удобстве, видя, как назначение вещи приносится в жертву ее внешности, еще более убеждаемся в справедливости такого происхождения.

Интересно, что и в умственном отношении бытует то же самое. Как в умственном, так и в физическом развитии декоративное предшествует полезному. Не только во времена давно минувшие, но, пожалуй, и теперь знания, которыми можно блеснуть, предпочтитаются тем, что ведут к нашему благополучию.

Преобладающими предметами в греческих школах были: музыка, риторика и философия, которая до сократовского учения имела очень слабое отношение к жизни. Все же знания, способствовавшие приобретению житейской мудрости, занимали второстепенное место.

В настоящее время в наших университетах и школах существует такая же антитеза. Нас готовы обвинить чуть

ли его в невежестве, чтобы воспитание его носило на себе печать барства. Это дает ему известное общественное положение и окружает соответствующим почетом.

Такая параллель выступает еще ярче, когда мы обратимся к другому полу. Декоративный элемент, как в духовном, так и физическом отношении, всегда преобладал у женщины в значительно большей степени, чем у мужчин. Вопрос об украшении своей персоны занимал первоначально одинаковое внимание обоих полов.

В новейшие времена цивилизации мы видим, что в мужском костюме внешность в значительной степени уступила место удобству, а в деле образования за последнее время полезное начинает вытеснять орнаментальное.

Ничего подобного ни в том ни в другом направлении не замечается у женщин. Ношение серег, колец и браслетов, вычурные прически, употребление косметики, громадный труд, какой затрачивается на то, чтобы сделать одежду привлекательной, большие неудобства, претерпеваемые из-за моды, указывают на то, как сильно преобладает в женском костюме желание нравиться над потребностью в теплоте и удобстве.

То же самое и в женском образовании: огромное преобладание всяких «усовершенствований» указывает на то, что и тут полезное подчинено показному.

Какое обширное место занимают тут танцы, хорошие манеры, игра на фортепиано, пение, рисование!

Если вы спросите, зачем английских девочек учат итальянскому и немецкому языку, то и окажется, что, помимо всяких фиктивных причин, настоящая-то причина заключается в том, что знание этих языков считается признаком благовоспитанности. Учат не для того, чтобы пользоваться книгами, написанными на этих языках (вряд ли даже и пользуются когда-нибудь этими книгами); учат для того, чтобы можно было пропеть какие-нибудь итальянские или немецкие арии и своими познаниями вызвать шепот удивления.

Рождение, смерть, браки королей и тому подобные пустяки заучиваются в истории не потому, что эти знания могут принести какую-нибудь непосредственную пользу, а потому, что общество считает эти знания принадлежностью хорошего воспитания, и отсутствие их может навлечь презрение со стороны других.

Если взять чтение, чистописание, правописание, грамматику, арифметику и шитье, то этим исчерпывается почти все, чему учат девочек с целью практического применения этих знаний в жизни. Да и из этого многое проходится учить не столько для того, чтобы способствовать личному благосостоянию, сколько в угоду мнению посторонних.

Чтобы прочно установить ту истину, что как в духовном, так и в физическом отношении орнаментальное предшествует полезному, необходимо бросить взгляд в самый корень этой истины. Сущность ее заключается в том факте, что начиная с самого от-

даленного прошлого вплоть до наших дней социальные потребности подчиняли себе индивидуальные и главной социальной потребностью был контроль над индивидуальными.

Существует не одна только, как мы полагаем, власть с монархами, парламентами и конституционными администрациями во главе. В дополнение к этой признанной власти, существует еще непризнанная, возникающая во всяких сферах, где каждый мужчина и женщина непременно хотят играть роль короля, королевы или, по крайней мере, какого-нибудь сановника. Возвыситься над другими, добиться всеобщего почитания, снискать себе расположение высших — в этом и заключаются всеобщие цели, на которые тратится в жизни главная энергия.

Каждый старается взять верх над другим своим богатством или изысканностью, красивой одеждой или же, наконец, познаниями и умом, каждый участвует таким образом в плетении той бесконечной сети ограничений, которыми и поддерживается порядок в обществе.

Не только предводитель первобытного племени, разукрасив тело воинственными знаками, со скальпами у пояса, старается внушить страх подчиненным. Не только красавица изысканным туалетом, изящными манерами и бесчисленными совершенствами стремится «одерживать победы», но и ученый, историк, философ пользуется своим положением для той же цели.

Никто из нас не довольствуется спокойным и полным развитием своей индивидуальности во всех направлениях; всех нас одолевает неутомимая жажда импонировать своей индивидуальностью другим и в некотором роде подчинять их.

Вот этим-то и определяется характер нашего воспитания. Принимаются во внимание не те знания, какие действительно важнее для нас, а те, какие приносят успех, почести, уважение, какие доставляют общественное положение и влияние, какие больше всего импонируют.

Так как в жизни имеет значение не то, что мы сами по себе представляем, а то, что о нас подумают, то и в воспитании знания ценятся не столько по внутреннему их достоинству, сколько по тем внешним эффектам, какие они производят на других. При таком господствующем направлении вряд ли непосредственная польза оценивается

NB К сожалению, это мнение бытует сегодня и в нашем обществе. Следует помнить, что личность гражданина общества с его мотивами, целями, профессиональной направленностью складывается в школьном возрасте. Необходимо и актуально рассматривать возможности общеобразовательной школы в развитии тех сторон внутреннего мира, жизненных позиций, которые необходимы людям, стремящимся к высоким достижениям в разных областях деятельности, влияющим на развитие общества.

лучше, чем ценит ее дикарь, когда подпиливает себе зубы или красит ногти.

Необходим критерий оценки знаний. Если б потребовалось дальнейшее доказательство грубости и отсталости нашей системы образования, то его можно найти в том факте, что вопрос о сравнительном достоинстве различного рода знаний вряд ли когда-либо поднимался, а если и поднимался, то обсуждался несистематически и без всяких определенных результатов. Не только до сих пор не установлено никакого масштаба для сравнительной оценки знаний, но мы даже не ясно представляем себе существование такой мерки. И мы не только не представляем себе существование такого критерия, но и совсем не чувствуем как будто даже потребности в нем.

По этому предмету читаются книги, посещаются лекции, решают посвящать детей в такие-то отрасли знания и в такие-то не посвящать. И всем этим руководит привычка, личный вкус или предрассудок; не принимается даже во внимание и то, какое громадное значение имеет рациональное разрешение вопроса, чему действительно стоит учиться.

Правда, во всех сферах нам приходится иногда слышать замечания о важности той или другой области знания. Но оправдывается ли этой важностью траты времени, какая на нее полагается, и нет ли другого чего-нибудь более важного, на что можно было бы посвятить это время, — такие вопросы, если и поднимаются, решаются поверхностно, сообразно с личными взглядами.

Правда и то, что время от времени приходится слышать повторение споров о сравнительном достоинстве классики и математики. Но эти споры ведутся эмпирически, без всякого отношения к какому-нибудь определенному критерию, и затронутый вопрос является незначительным в сравнении с тем общим вопросом, к которому он принадлежит, как часть его.

Предполагать же, что, решая вопрос о том, какое образование лучше — классическое или математическое, мы решаем в то же время будто бы вопрос: какой для нас учебный план или образ жизни истинны, — все равно что полагать, будто вся диетика заключается в разрешении вопроса, что питательнее — хлеб или картофель.

Вопрос, который мы здесь обсуждаем и который имеет такое существенное значение, заключается не в том, какие достоинства имеет то или другое знание, а в их относительных достоинствах.

Указав на некоторую пользу, приносимую каким-нибудь занятием, обычно думают, что этим все сказано, забывая, что в данном вопросе прежде всего надо разобрать соразмерность этой пользы.

Не найдется, быть может, такого предмета, занятие которым не приносило бы людям хоть какой-нибудь пользы. Год усердных занятий геральдикой дал бы, по всей вероятности, возможность лучше вникнуть в характер прежних нравов и обычаяев. Изучившему расстояния между английскими городами пришлось бы, вероятно, воспользоваться в своей жизни двумя—тремя фак-

тами из тысячи или двух тысяч фактов, которые он приобрел: они оказали бы ему, вероятно, некоторую услугу во время путешествий. Собирание местных преданий — занятие малополезное, а между тем оно может привести к некоторым полезным выводам, дать — например, хороший пример преемственности между поколениями.

Но в этих случаях, как всякий согласится, нет никакой пропорциональности между затраченным трудом и возможной пользой. Никто, конечно, не согласится с тем, чтобы ребенок потратил несколько лет на приобретение подобных знаний и притом ценюю более важных сведений, которые он мог бы за это время приобрести.

Если здесь возможен критерий относительного достоинства, если он возможен и убедителен, то он возможен и убедителен для всех случаев.

Если бы у нас хватало времени на изучение всех предметов, то тогда нечего было бы вдаваться в частности. Как говорится в старинной английской песне:

Если б человек был уверен,
Что его дни продлятся,
Как некогда, тысячу долгих лет,
Чего бы только он ни узнал!
Чего бы он только ни свершил!
И все без спешки и забот.

Но жизнь наша «как миг, коротка», и потому не следует забывать, что время для приобретения знаний ограничено. И помня, как сильно ограничено это время не столько кратковременностью жизни, сколько житейскими делами, мы в особенности должны заботиться о том, как бы с наибольшей пользой употребить находящееся в нашем распоряжении время.

Прежде чем посвящать годы на изучение какого-нибудь предмета, навязываемого модой или прихотью, необходимо тщательно взвесить результаты этого труда сравнительно с результатами которые принесут те же годы в приложении к другим предметам.

Стало быть, для образования это вопрос вопросов, и наступила, наконец, пора обсудить его систематически. Первая по важности задача — хотя мы будем обсуждать ее после всего — заключается в том, чтобы решить, на чем среди столь разнообразных предметов остановить наше внимание. Прежде чем установить рациональный учебный план, надо определить, что нам следует знать или, по выражению Ф.Бэкона, к сожалению, теперь вышедшему из употребления, определить относительную ценность знаний.

Для этого прежде всего необходим критерий этой ценности.

При оценке знаний в общих чертах не может быть, к счастью, никаких разногласий. Всякий при оценке какой-нибудь области знаний ссылается на отношение этой области к жизни.

В ответ на вопрос «чем это полезно?» математик, лингвист, натуралист и философ объясняют, каким образом их область знания оказывает благотворное влияние на жизнь, предупреждая зло, ведет к добру и счастью.

Когда учитель чистописания доказывает, какую помощь приносит его искусство в жизни, помогая поддерживать существование, т.е. жить удовлетворительно, он этим убеждает нас в пользу своего дела. Если же собирателю мертвых фактов, например нумизматику, не удастся доказать, какую существенную пользу приносят эти факты человеческому благосостоянию, ему придется сознаться в сравнительной их бесполезности.

Все поэтому, прямым или косвенным путем, сводится к этой окончательной мере.

Цель воспитания. Как жить? Вот самый существенный для нас вопрос. Жить не только физически, а в самом широком смысле слова.

Общая задача, которая включает в себя все частные задачи, — правильный образ действий, правильное поведение во всех отношениях и при всех обстоятельствах.

Ф Человек рождается в облике (форме) человека: но его родовая человеческая сущность не обеспечивается простым физическим рождением, она существует в нем как возможность. Для того чтобы генетически заложенные задатки, родовая человеческая сущность превратились в действительность, их необходимо развернуть, вытащить из глубины природы человека. Это достигается в значительной мере при условии востребованности человека, человеческих качеств со стороны общества, природы, бытия в целом. Такова противоречивость человеческой сущности и обусловленная ею закономерность образования: врожденные задатки и способности раскрываются в полном объеме при определенном стимулировании.

Как поступать нам со своим телом? Как поступать с душой? Как вести свои дела? Как воспитать семью? Как поступать в качестве гражданина? Как пользоваться источниками счастья, которые предоставляет нам природа? Каким образом пользоваться своими способностями с тем, чтобы приносить наибольшую пользу себе и другим? Как жить полной жизнью?

Все это очень важно и необходимо знать, а следовательно, изучение этого должно составлять главный предмет воспитания.

NB Так, например, в современной школе одной из важнейших задач должно стать такое развитие личности, при котором заложиваются основы будущих наиболее активных и

Главная обязанность воспитания должна заключаться в том, чтобы подготовить нас к полной жизни. И единственный способ оценки образовательной системы заключается в том, чтобы определить, насколько она отвечает этому назначению.

творческих деятелей в разных социальных областях, и прежде всего в профессиональных, акцентируется внимание на то, что когда-то сегодняшним школьникам придется брать гражданскую ответственность за судьбы общества и государства независимо от той социальной сферы, где они будут лидировать. По выходу из школы будут играть роль и способность, и талант, но фундамент личности, ее гражданская ответственность, ориентация на творчество закладываются именно здесь — в средней школе, а общество забывает об этом, особенно в последнее десятилетие.

Недостаточно только подумать, что такое-то или иное знание было бы полезно в жизни, или такое-то знание имеет более практическое значение, чем другое. Мы должны отыскать какой-нибудь способ оценки их относительного достоинства, так, чтобы знать, по возможности точно, какие из них больше всего заслуживают нашего внимания.

Задача, без сомнения, трудная и, можно сказать, разрешимая только приблизительно. Но, принимая во внимание огромный интерес, какой она представляет, трудность не может служить уважительной причиной нашей малодушной уклончивости; на-против, она должна побуждать нас употребить всю энергию на то, чтобы овладеть ею. И если только мы будем действовать систематически, мы очень скоро достигнем немаловажных результатов.

Классификация. Первым делом нам, очевидно, придется установить классификацию главных видов деятельности, определяющих собой круг человеческой жизни, по степени их важности.

По природе своей они распадаются на: 1) деятельность, прямо направленную к самосохранению; 2) деятельность, доставляющую все необходимое в жизни и косвенным образом способствующую самосохранению; 3) деятельность, имеющую целью воспитание и образование потомства; 4) деятельность, направленную к поддержанию надлежащих социальных и политических отношений; 5) разнообразного рода деятельность, наполняющую жизненный досуг и посвященную услаждению вкусов и чувств.

Этот масштаб, никогда не применяющийся в целом, очень редко используется в частных случаях, да и то смутно и почти бессознательно, а между тем его должно добросовестно и последовательно применять во всех случаях.

Нам необходимо помнить и ясно представлять себе, что конечной нашей целью должна быть полная жизнь, так что при воспитании детей мы должны выбирать такие предметы и методы преподавания, какие явно ведут к этой цели.

Мало того, что мы должны отказаться от безрассудного следования моде в деле воспитания, которая сама по себе непрочна и изменчива, но мы должны также стать выше того грубого, эмпирического способа суждения, какой высказывается людьми более интеллигентными, заботящимися о развитии своих детей.

Не трудно доказать, что все указанные виды деятельности зависят один от другого.

Понятно, что действия и всякие меры предосторожности, которыми мы время от времени обеспечиваем свою личную безопасность, должны быть поставлены впереди других. Если бы нашелся такой человек, который, подобно младенцу, ничего не знал бы об окружающих предметах и движениях, он наверняка погиб бы при первом же своем выходе на улицу, несмотря на все свои познания в других областях.

И так как полнейшее неведение в других направлениях не столь неудержимо фатально, как полнейшее неведение в этом направлении, то знания, непосредственно ведущие к самосохранению, должно признать первостепенными по важности.

Само собой разумеется, что вслед за непосредственным самосохранением должно идти опосредованное самосохранение, заключающееся в приобретении средств к существованию. Материальные обязанности должны стоять впереди родительских. Это видно из того, что отправление родительского долга возможно лишь по исполнении материальных обязанностей.

И так как способность поддерживать свое существование стоит непременно впереди способности поддерживать потомство, то отсюда следует, что знания, необходимые для поддержания своего существования, важнее знаний, направленных к поддержанию благосостояния семьи. И по важности они уступают только знаниям, необходимым для непосредственного самосохранения.

Семья появилась по времени раньше государства, а воспитание и образование детей — до возникновения государства и сохранится по окончании его существования. Государство же возможно только при условии воспитания и образования детей. Вот почему родительские обязанности требуют большего внимания, чем гражданские.

Или же, аргументируя дальше, можно сказать, что характер общества зависит в конце концов от характера граждан. Но характер граждан формируется больше всего ранним воспитанием. Отсюда следует вывод, что от благосостояния семьи зависит благосостояние общества. Следовательно, знания, ведущие непосредственно к первому, должны предшествовать знаниям, ведущим непосредственно к последнему.

Разнообразные формы удовольствий, наполняющие свободное, остающееся от более важных занятий время, — музыка, поэзия, живопись и прочее, явно указывают на то, что общество существовало раньше их появления. Значительное развитие их не только невозможно без предварительного долгого существования социального союза, но и самый предмет их отражает в себе социальные чувства и симпатии. Общество обуславливает не только их развитие, но и выражаемые ими идеи и чувства.

Отсюда следует, что та часть человеческой деятельности, которая обуславливает собой добропорядочное сожительство граж-

дан, гораздо важнее той, какая идет на разное усовершенствование талантов и удовлетворение вкусов. И в воспитании подготовка к первой деятельности должна стоять впереди подготовки к последней.

Расположение предметов по степени их ценности. Итак, рациональный порядок расположения учебных предметов по степени важности таков.

Образование, готовящее к самосохранению.

Затем — готовящее к опосредованному самосохранению.

Далее — образование, готовящее к жизнедеятельности в гражданском обществе. И, наконец, воспитание, подготовляющее к различным утонченным занятиям.

Мы не хотим сказать, что эта градация окончательна.

Мы не станем отрицать, что эти разделы учебного плана тесно связаны между собой. Подготовка к одному какому-нибудь разделу является в то же время в некотором роде подготовкой ко всем остальным.

Не спорим и о том, что в каждом разделе есть части более важные, чем некоторые части в предшествующих разделах. Так, например, человек, очень искусный в деловых отношениях, но не отличающийся никакими другими способностями, в достижении образца полной жизни стоит ниже человека с умеренными способностями в добывании денег, но с разумными родительскими взглядами. Или же обширные познания в области социальной деятельности при полнейшем отсутствии общих сведений по литературе и изящным искусствам менее желательны, чем умеренные познания из одной области в соединении с умеренными познаниями из другой.

Но и после надлежащей оценки все-таки остаются эти широко намеченные разграничения. Порядок их существенным образом остается все тот же, как было указано выше, так как соответствующие подразделения в жизни подчинены тому же порядку.

Разумеется, идеальное образование заключается в подготовке по всем этим отделам. Но, отступая от идеала, как это приходится делать более или менее каждому при теперешней фазе цивилизации, следует по крайней мере соблюдать известную пропорциональность между степенями подготовки к каждому из этих отделов.

Ф

Урок, отдельная дисциплина, предметные области знания должны преподноситься не как нечто изолированное, а в духовно-онтологическом образе, как явление всеобщего (общеприродного, общемирового, общечеловеческого) характера. Это важнейший аспект законов образования как всеобщей формы развития и как объективной онтологической целостности образовательного процесса.

Другой, дидактический аспект закона объективности и целостности образования заключается в том, что единое и цело-

стное понимание развития действительности возможно лишь при условии, что человек схватывает изучаемое явление всеми сторонами своего внутреннего мира, не только мыслью, но и чувством, и интуицией. Процесс обучения полностью совпадает с реальным постижением явлений действительности, когда эти явления имеют для человека острое жизненное значение. В этом случае включаются все способности человека.

Не надо обширных сведений в одной какой-нибудь области, как бы важна она ни была, не надо исключительно заниматься даже двумя, тремя или четырьмя наиболее важными отделами, надо заниматься всеми. Более важным посвящать больше внимания, менее важным — меньше, а самым маловажным — меньше всего.

Не надо забывать случая, когда исключительные способности к какому-нибудь отделу знаний справедливо заставляют человека избрать его своим занятием с целью добывания средств к жизни.

Но для среднего человека желательно такое образование, которое скорее всего способствуют достижению им полной жизни и менее совершенствует в таких предметах, какие имеют наиболее отдаленное отношение к полной жизни.

Регулируя образование по данному образцу, мы должны, помимо того, принимать во внимание некоторые общие соображения.

Достоинство какой-нибудь области культуры с точки зрения ее вклада в достижение полной жизни может быть безусловным, а может — более или менее условным. Есть знания, ценные по своей внутренней сущности, есть квазиценные и, наконец, есть знания условного достоинства.

Например, естественнонаучные истины имеют безусловную ценность. Они еще десять тысяч лет будут необходимы человеку, как необходимы ему теперь.

Основательное знание английского языка, какое мы приобретаем, изучая латинский и греческий языки, можно считать квазиценным знанием. Оно имеет значение для нас, англичан, и для тех народов, языки которых многое почерпнули из этих источников. Но оно будет держаться только до тех пор, пока существуют наши языки.

Те же сведения, которые присваивают себе в наших школах ложное название истории — простое сплетение имен, чисел и мертвых, ничего не значащих фактов, — имеют условное достоинство. Они не имеют ни малейшего отношения ни к какой сфере нашей деятельности и преподаются только во избежание неприятных порицаний, какие высказываются ходячим мнением в случае их отсутствия.

Факты, касающиеся всего человечества, во все времена должны, разумеется, цениться больше тех фактов, которые касаются

лишь части его, и то в определенную эпоху, и гораздо больше тех фактов, которые касаются только некоторой части человечества в период господствующей моды.

Отсюда следует, что при рациональном подходе к оценке знания, отличающиеся существенными достоинствами, при прочих равных условия должны стоять впереди других знаний.

Еще одно предварительное замечание. Всякое приобретение знания имеет двоякое значение: как знания и как упражнения. Помимо влияния на нашу деятельность, оно имеет еще значение умственной дисциплины, и его значение как подготовительного средства к полной жизни должно рассматриваться с обеих указанных сторон.

Вот общие идеи, с которыми мы должны приступить к рассмотрению учебного плана, сообразованного с жизнью. Жизнь делится на разнообразные формы деятельности, располагающиеся в исходящем порядке по степени их важности. Достоинства каждого порядка фактов, регулирующих эти разнообразные формы деятельности, бывают существенные, квазиценные и условные. Их образующее, развивающее влияние рассматривается и как знание, и как умственная дисциплина.

Самосохранение. К счастью, столь важный отдел воспитания, как тот, что направлен непосредственно к самосохранению, по большей части уже сам по себе обеспечен. Природа берет его в свои руки; он слишком важен для того, чтобы предоставлять его нашей опрометчивости.

Ребенок еще на руках у няньки прячет лицо и поднимает крик при виде незнакомого. Это показывает, что у него есть уже зачаток чувства самосохранения. Он прячется от того, что ему неизвестно и что может быть для него опасным.

Когда же он начинает ходить, то страх, испытываемый им при виде незнакомой собаки, и те крики, с какими он бросается к матери при виде чего-нибудь ужасного или заслышав какие-нибудь необычайные звуки, указывают на то, что инстинкт этот в нем развился еще больше.

Знания, непосредственно ведущие к самосохранению, накапливаются у него с часу на час.

Ребенок постоянно учится, как сохранять равновесие тела. Как управлять движениями, чтобы избежать столкновений. Какие предметы твердые и могут причинить боль при столкновении с ними. Какие вещи тяжелые и могут ушибить при падении на ногу. Какие объекты выдержат тяжесть его тела и какие нет. Боль от ожога, от пореза, — все то, в соединении с другими разнообразными сведениями, что необходимо для избежания смерти или несчастного случая, ребенок усваивает непрерывно.

И когда, несколько лет спустя, энергия его проявляется в бегании, лазании, прыганье, в упражнениях и играх, выказывающих силу и ловкость, мы видим, как при всех этих действиях, развивающих мускулы, изощряются также понятия и суждения.

И ребенок подготавливается к самосохранению среди окружающих предметов и движений и к встрече с более важными опасностями, которые могут представиться в жизни каждого.

Предусмотренная так прекрасно самой природой, эта фундаментальная часть воспитания требует от нас сравнительно мало забот. От нас требуется только главным образом, чтобы мы давали детям возможность приобретать этот опыт, проходить через эти упражнения. И чтобы с нашей стороны не было такого противодействия природе, какое оказывают в школе некоторые глупые учительницы, запрещая вверенным им девочкам предаваться увлекательной, самопроизвольной деятельности и лишая таким образом возможности оберегать себя в минуты опасности.

Этим, однако, ни в каком случае не исчерпывается все в деле воспитания, подготовляющего непосредственно к самосохранению. Помимо предохранения тела от механического повреждения и гибели, его надо беречь еще от вреда иного происхождения — от болезни и смерти, являющихся следствием нарушения физиологических законов. Для полной жизни необходимо не только предупреждать внезапное прекращение жизни, но также избегать нарушений в отправлениях и медленного уничтожения жизни, являющихся следствием неразумных привычек.

Так как материальная, семейная, социальная и всякая другая деятельность более или менее невозможна без здоровья и энергии, то отсюда ясно, что эта второстепенная отрасль непосредственного самосохранения по важности уступает только первостепенной, и знания, направленные к обеспечению ее, ставятся очень высоко.

Правда, что и в этом отношении все в некотором роде предусмотрено, и природа руководит нами. Она довольно успешно, посредством разных физических ощущений и потребностей, обеспечивает удовлетворение главных требований. К счастью для нас, недостаток в пище, сильная жара, чрезмерный холод так властно выражают свои требования, что мы не можем ими пренебречь.

И если б люди повиновались этим и другим подобным им требованиям в то время, когда эти требования еще не столь настоятельны, это спасло бы их от сравнительно многих зол.

Если бы физическое и умственное утомление всегда сменялось отдыхом, если бы духота, производимая спретым воздухом, устранилась вентиляцией, если бы люди не ели без надобности и не пили, когда не чувствуют жажды, то организм редко подвергался бы расстройству.

Но так глубоко невежество в познании законов жизни, что люди даже не сознают, что ощущения — их естественные и (если только они не ослаблены долгим неповиновением) верные руководители.

Так что, хотя природа, говоря основательно, и предусмотрела в достаточной степени охрану нашего здоровья, тем не менее наше невежество делает эти меры бесполезными.

Если кто-нибудь сомневается в важности знакомства с основами физиологии как условием полной жизни, пусть тот поищет, много ли вокруг него здоровых мужчин и женщин в среднем и преклонном возрасте. Только случайно попадается какой-нибудь субъект, сохранивший до старости крепкое здоровье. На каждом шагу встречаются примеры острых расстройств, хронических недугов, общей слабости и преждевременной дряхлости.

Вряд ли найдется хоть один человек, если вы станете спрашивать, который сам бы в течение жизни не накликал на себя нездоровья, которого можно было бы избежать при самых ничтожных сведениях. То попадается случай болезни сердца на ревматической почве, развившейся вследствие постоянных простуд, то глаза испорчены на всю жизнь чрезмерными занятиями.

Недавно мы слышали, что один страдает очень упорной хромотой вследствие того, что не поберег слегка поврежденное колено. Сегодня нам рассказывают о другом субъекте, обреченному несколько лет пролежать в постели благодаря тому, что он не знал, что испытываемые им сердцебиения являются результатом мозгового переутомления. Теперь мы слышим о неизлечимом недуге, наступившем после безрассудного хвастовства своей силой, о здоровье, надломленном навсегда вследствие предпринятой бесполезно чрезмерной работы.

Повсюду мы видим менее важные расстройства, сопровождающие общую слабость.

Не говоря уже о мучениях, об утомлении, о мрачности, о потере времени и денег — неизбежных спутниках болезни, стоит подумать только, как сильно мешает плохое здоровье исполнению всяких обязанностей. Как нездоровье затрудняет всякое дело и ставит ему препятствия, вызывает раздражительность, которая мешает правильному обращению с детьми, делает невозможной всякую общественность и обращает в скуку всякое развлечение.

Не ясно ли, что наши физические пороки — отчасти грехи наших предков, частью же наши собственные — больше, чем что-либо другое, вредят полноте жизни, в значительной степени делают жизнь неудачной и, вместо блага и удовольствия, обращают ее в тяжкое бремя?

Это еще не все. Помимо серьезных расстройств, еще сокращается жизнь. Напрасно мы полагаем, что после расстройств и нездоровья мы выздоравливаем и становимся как прежде. Никакое нарушение нормального течения в жизненных отправлениях не проходит так, чтобы все оставалось по-прежнему. Наносится постоянное повреждение, может быть, сначала незаметное, но все-таки существующее.

Наравне с другими недочетами, которые природа никогда не упускает из виду, это повреждение скажется в неизменном сокращении нашей жизни. Мелкие повреждения, накапливаясь постепенно, подтачивают организм и ломают его задолго до

срока. И если мы обратим внимание, насколько средняя продолжительность жизни падает ниже возможной продолжительности, то убедимся, как велика эта потеря. Если ко всем частным ущербам, наносимым здоровью, мы присоединим еще этот конечный ущерб, то и окажется, что пропадает обыкновенно полжизни.

NB *Неправда ли, нарисованная Г. Спенсером картина чрезвычайно напоминает современную российскую ситуацию. Концепции образования, выходящие из высших политических и административных сфер, повторяют особенности западной школы. Вполне понятно из вышесказанного, почему они не находят поддержки у большей части педагогической общественности. И сегодня большое значение имеют знания о самосохранении.*

нять, и сообщение таких знаний должно предшествовать более рациональной жизни, когда бы она ни началась.

Так как крепкое здоровье и сопровождающее его веселое настроение духа заключает в себе больше элементов счастья, чем все другое, то отсюда следует, что наука, преподающая нам, как сохранить их, занимает первое место среди других знаний.

Мы утверждаем поэтому, что самую существенную часть рационального учебного плана составляет такой курс физиологии, какой необходим для ознакомления с ее общими истинами и их отношениями к повседневной жизни.

Странно, что все это надо доказывать! Еще страннее, что все это надо защищать! Но есть люди, которые готовы встретить такое предложение чуть не насмешками. Люди, краснеющие от стыда, если их уличат в том, что они произносят *Ифигения* вместе с *Ифигенией*, и считающие личным оскорблением всякий намек на их незнание вымышленных подвигов какого-нибудь сказочного полубога, ничуть не стыдятся, однако, признаться в своем незнании, где находятся евстафьевы трубы, какую роль играет в организме спинной хребет, каков нормальный пульс или как расширяются легкие.

Добиваясь, чтобы их детей посвящали бы во все суеверные предания, существовавшие две тысячи лет тому назад, люди несколько не заботятся о том, чтобы им преподавали что-нибудь

Отсюда следует, что знания, служащие непосредственно самосохранению путем охранения здоровья, занимают первое место.

Мы не уверяем, что обладание такими знаниями вполне устраниет зло. Ясно, что на нынешнем уровне развития цивилизации людей заставляет часто отступать от правил нужда. Ясно и то, что даже при отсутствии этого принудительного фактора люди склонны, наперекор своим убеждениям, приносить в жертву свое будущее благо текущим наслаждениям.

Но мы утверждаем, что истинное знание, внущенное как следует, имеет большое значение, и что законы сохранения здоровья должны быть усвоены раньше того, как их будут применять.

Странно, что все это надо доказывать! Еще страннее, что все это надо защищать! Но есть люди, которые готовы встретить такое предложение чуть не насмешками. Люди, краснеющие от стыда, если их уличат в том, что они произносят *Ифигения* вместе с *Ифигенией*, и считающие личным оскорблением всякий намек на их незнание вымышленных подвигов какого-нибудь сказочного полубога, ничуть не стыдятся, однако, признаться в своем незнании, где находятся евстафьевы трубы, какую роль играет в организме спинной хребет, каков нормальный пульс или как расширяются легкие.

Добиваясь, чтобы их детей посвящали бы во все суеверные предания, существовавшие две тысячи лет тому назад, люди несколько не заботятся о том, чтобы им преподавали что-нибудь

строении и направлениях своего же собственного тела, мало того, что не заботятся, но даже и не желают этого.

Таково всемогущее влияние установившейся рутины! Такой страшный перевес берет в нашем воспитании декоративное над полезным.

Нам нечего убеждать в важном значении тех знаний, которые ведут косвенным путем к самосохранению, облегчая добывание средств к существованию. С этим согласны все, и большинство даже считает это, пожалуй, исключительной целью образования.

Каждый в принципе согласен, что образование, подготавливающее юношество к деловой жизни, имеет чрезвычайно важное или даже самое важное значение. Но вряд ли каждый задаст вопрос, в чем же заключается это образование.

Правда, что чтению, письму и арифметике обучают с явным сознанием пользы этих знаний. Но этим почти исчерпывается все. Большая же часть преподаваемых предметов не имеет никакого отношения к практической деятельности, а между тем огромное число сведений, имеющих прямое отношение к практической деятельности, совсем исключается.

Чем занимаются люди? Они занимаются производством, приготовлением и распределением необходимых продуктов.

А от чего зависит успех в производстве, приготовлении и распределении продуктов? Он зависит от умения пользоваться методами, приспособленными к свойствам этих продуктов; он зависит от точного знания физических, химических и биологических их свойств, если в этом явится необходимость, — иначе говоря, зависит от естественных наук.

Этот отдел знаний, по большей части игнорируемый в наших школьных программах, необходим между тем для приведения в исполнение тех процессов, которыми обусловливается цивилизованная жизнь. Как ни очевидна эта истина, однако же ее, по-видимому, не сознают; ее не замечают, потому что она слишком обыдена. Чтобы придать больше веса нашему аргументу, мы должны сделать эту истину очевидной читателю, быстро перечислив факты.

Оставив в стороне самую отвлеченную науку — логику, под руководством которой, однако, сознательно или бессознательно, крупный производитель или дистрибутор обеспечивает успех своих предприятий, прежде всего возьмем математику. Общий отдел ее, имеющий дело с цифрами, оказывает помощь во всякой промышленной деятельности, приводится ли само дело в известность, оценивается ли, что покупаются или продаются продукты, ведутся ли счета. Никого даже и не приходится убеждать в пользу этого отдела отвлеченной науки.

Для более сложных построек необходимо знакомство с более специальными отделами математики.

Деревенский плотник, руководствуясь в своей работе чисто эмпирическими правилами, подобно строителю Британского

моста*, ежеминутно сообразуется с законами пространственных отношений.

Землемер при измерении купленной земли, архитектор, делая чертеж будущего дома, строитель, закладывая фундамент, каменщики, обтесывая камни, и разные рабочие, участвующие в отделке, — все руководствуются геометрическими истинами.

Постройка железной дороги, с начала до конца, производится под контролем геометрии как в подготовке планов и разрезов, так и в проектировании линии, в измерении выемок и насыпей, в черчении и построении мостов, в проведении туннелей, путей и в устройстве станций.

То же самое и при устройстве портов, доков, пристаней, при разных инженерных и архитектурных сооружениях, которые тянутся вдоль берегов Англии и рассеяны внутри страны, наподобие мин, изрезывающих недра земли. В настоящее время даже фермер прибегает к ватерпасу для правильного заложения дренажных труб, прибегает, значит, к помощи геометрических принципов.

Обратимся теперь к отвлеченно-конкретным наукам.

Успех современного производства основан наложении простейшей из этих наук — механики. Значение рычага, вала и т. п. важно для всякой машины, а в настоящее время всеми нашими продуктами мы обязаны машинам.

Проследим историю хлебца, который подается у англичан за завтраком. Земля, из которой он взялся, дренирована вышедшей из-под машины черепицей, поверхность ее взрыхлена машиной, пшеница ската, обмолочена и провеяна машинами, машинами же она смолота и просеяна, и если муку отправят на фабрику морских сухарей, то ее обратят в сухари тоже машинами.

Взгляните на комнату, в которой вы сидите. Если дом выстроен недавно, то кирпичи его стен сделаны машиной; машиной же распилен и выстлан пол, выпилена и отполирована каминная полка, выделаны и разрисованы обои. Фанерки стола, точенные ножки стульев, ковер, драпировки — все это машинное производство.

А ваше платье, гладкое, узорчатое или набивное, разве оно не соткано, не сшито, может быть, тоже машиной? А книга, которую вы читаете, разве листы ее не сфабрикованы машиной и не испещрены словами тоже с помощью машины?

Прибавьте к этому все, чему мы обязаны способам передвижения по морю и суше.

И заметьте, что успех или неудача в этом отношении зависит от умения прилагать к тому делу знание механики. Инженер, не-

*Знаменитый трубчатый мост, построенный в 1850 г. Стефенсоном и соединяющий остров Энглези с Валлийским берегом. (Здесь и далее все подстрочные примечания, кроме особо оговоренных, сделаны переводчиком. — Г.К.)

верно рассчитавший прочность материалов, строит мост, который потом проваливается.

Фабрикант, пользующийся плохой машиной, не может конкурировать с другим фабрикантом, у которого машина с меньшим расходом на трение и инерцию. Кораблестроитель, придерживающийся старых образцов, бывает побит тем, который строит, основываясь на строгих принципах механики.

И так как способность нации не отставать от других зависит от искусства отдельных ее членов, то отсюда видно, что знание механики может иметь влияние даже на судьбу нации.

Оставив отвлеченно-конкретные науки, имеющие своим предметом количества вещества, и переходя к разделам, трактующим о молекулярных силах, мы наталкиваемся на другую обширную серию приложений. Этой группе наук, в соединении с предыдущими группами, мы обязаны паровой машиной, заменяющей собой миллионы тружеников.

Отдел физики, в котором говорится о законах теплоты, научил нас экономизировать топливо в разных производствах, увеличивать силу плавильных горнов, заменяя холодную тягу горячей, вентилировать копи, с помощью предохранительной лампы избегать взрывов, и посредством термометра регулировать бесчисленное множество других процессов.

Отдел физики, занимающийся явлениями света, награждает зренiem старика и близорукого, помогает открывать с помощью микроскопа болезни и их фальсификацию и с помощью усовершенствованных маяков предупреждает кораблекрушения.

Исследования в области электричества и магнетизма привели к изобретению компаса, спасшего бесчисленное множество жизней и несметное число состояний, оказали услугу многим искусствам изобретением гальванопластики, дали, наконец, телеграф, который делает возможным урегулирование всяких торговых и политических сношений.

Наконец, и в частной жизни, начиная от усовершенствованной кухонной печи до стереоскопа в гостиони на столе, во всем успехи физики способствуют нашему комфорту и удовольствиям.

Еще больше имеет приложений химия. Белильщик, красильщик, набойщик занимаются такими делами, которые удаются или не удаются смотря по тому, применяются ими или нет как следует химические законы. Расплавка меди, олова, цинка, свинца, серебра, железа производится под руководством химии. Рафинирование сахара, производство газа, мыловарение, приготовление пороха — все это более или менее химические операции точно так же, как и производство стекла и фарфора. Барыш или убыток винодела зависит от того, сумеет ли он уловить момент спиртового брожения сусла или допустит его до уксусного брожения, а пивовар, если только его дело мало-мальски широкое, находит выгодным держать у себя химика. Да и вряд ли есть какое-нибудь производство, в которое не входила бы теперь химия.

Мало того, даже и в земледелии принуждены в настоящее время руководиться ею, если желают, чтобы оно было выгодно. Анализ удобрений почвы, изучение их взаимных отношений, употребление гипса и других веществ для закрепления (фиксирования) аммиака, эксплуатация копролитов (особый вид фосфорита), производство искусственных удобрений — все это блага химии, с которыми земледельцу необходимо познакомиться. Касается ли дело зажигательных спичек, дезинфекции сточных вод или фотографии, касается ли оно хлеба, получаемого без брожения, или духов, вырабатываемых из отбросов, — во всех производствах существует химия; поэтому знание ее необходимо каждому, кто так или иначе соприкасается с тем или другим производством.

Из конкретных наук мы прежде всего возьмем астрономию. Из нее выработалось искусство мореплавания, которое дало возможность Англии развить обширную иностранную торговлю, поддерживающую большую часть населения и снабжающую ее многими предметами первой необходимости, а также большинством предметов роскоши.

Геология тоже наука, много способствующая успеху промышленности. Зная, что железная руда составляет крупный источник богатства Англии, что вопрос о количестве запаса каменного угля приобрел живейший интерес, что в Англии существует горное училище и геологическое ведомство, вряд ли надо еще распространяться относительно той истины, что изучение земной коры имеет важное значение для материального благосостояния страны.

А затем наука о жизни — биология, разве она не имеет фундаментального отношения к процессам косвенного самосохранения? Конечно, она мало имеет отношения к тому, что мы называем собственно фабричным производством, но неразрывно связана с самым существенным процессом — питанием. Так как земледелие должно приравнивать свои методы к явлениям растительной и животной жизни, то отсюда следует, что изучение этих явлений ложится в основу рационального земледелия.

Правда, различные биологические истины установлены были и усвоены земледельцами эмпирически, но не облечены были пока еще в научную форму. Так, например, они знали, что такое-то удобрение годится для таких-то растений, что такие-то посевы делают почву негодной для других посевов, что лошади не могут хорошо работать на плохом корме, что такие-то и такие-то болезни рогатого скота и овец причиняются такими-то условиями. Вот это, вместе с познаниями, которые земледелец приобретает ежедневным опытом относительно ухода за растениями и животными, и составляет запас его биологических сведений. От глубины и широты этих познаний в значительной степени зависит его успех.

Если столь скучные, неопределенные и зачаточные биологические познания оказывают ему столь существенную пользу, то

можно себе представить, какую пользу принесут те же сведения, когда будут положительны, определены и обширны.

На самом деле, мы и теперь уже видим, какую пользу приносит земледельцу рациональная биология.

Та истина, что развитие животной теплоты сопряжено с потерей самого вещества и что, предупреждая потерю теплоты, избегают лишней траты корма, — это чисто теоретическое рассуждение ложится в основу откармливания скота. Замечено, что чем теплее держат скот, тем меньше требуется корма.

То же самое и относительно разнообразия пищи. Опыты физиологов показали, что не только перемена пищи действует благотворно, но что и прибавление разных приправ в пищу облегчает пищеварение.

Открытием того, что болезнь, называемая «вертеж», от которой ежегодно умирало тысячи овец, причиняется паразитом, проникающим в мозг, и что овцы обыкновенно выздоравливают, если удалить этого паразита через размягченные части черепа, обозначающие его положение, — этим открытием земледелец тоже обязан биологии.

Нам остается упомянуть еще об одной науке, имеющей прямое отношение к успехам промышленности: это — социология, наука об обществе.

Приверженцы социологии — все люди, ежедневно следящие за состоянием денежного рынка, за текущими ценами. Все, обсуждающие предстоящий сбор хлеба, хлопка, сахара, шерсти, шелка. Те, кто взвешивают шансы войны и сообразно с этими данными определяют ход своих торговых операций. Все это adeptы социологии, может быть, эмпирические и ошибающиеся, но все-таки поборники, пользующиеся прибылью или страдающие от убытков сообразно с тем, к верным или неверным выводам они приходят.

Не только фабrikант и купец должны считаться в своих делах со спросом и предложением и молча подчиняться разным общим принципам социологии. То же самое принужден делать и мелкий торговец; его благосостояние в сильной степени зависит от того, насколько правильно он судит о будущих оптовых ценах и количестве потребления.

Очевидно, что тот, кто принимает участие в сложной предпринимательской деятельности общества, живо заинтересован в понимании законов, сообразно с которыми изменяется эта деятельность.

Таким образом, всем, кто занимается производством, обменом или распределением продуктов, знакомство с наукой, в том или другом ее отделе, приносит фундаментальную пользу.

Каждому, кто непосредственно или хотя бы отдаленно заинтересован в той или другой области промышленности (а мало кто не заинтересован в ней), приходится так или иначе иметь дело с математическими, физическими и химическими свойствами тел; каждый может быть заинтересован в биологии и уже непре-

менно в социологии. Успех его или неудача в той области само-сохранения, которую мы называем добыванием средств к существованию, в большой степени зависит от знакомства его с одной или несколькими из этих наук, хотя бы даже эмпирически.

То, что обычно называется изучением дела, есть в сущности знакомство с той наукой, какая в нем заключается, хотя бы мы и не называли ее наукой. Отсюда следует, что знакомство с науками имеет очень существенное значение, во-первых, потому, что подготовляет к вышеупомянутой деятельности, и потому еще, что рациональное знание имеет огромное преимущество над эмпирическим.

Научное образование нужно для человека не для того только, чтобы понимать, как и для чего существуют известные предметы и процессы, с которыми он сталкивается как производитель или распределитель. Для него нередко бывает гораздо важнее знать, как и для чего существуют разные другие предметы и процессы.

В наш век акционерных предприятий почти каждый человек, стоящий выше простого рабочего, в качестве акционера заинтересован, помимо своего собственного дела, еще и в каком-нибудь другом занятии. Его доход или убыток зависит в этом случае от знакомства его с теми науками, которые имеют отношение к этому другому его занятию.

Тут целая компания акционеров разорилась на проведение копей, не зная, что известные ископаемые принадлежат к породе старинного красного песчаника, под которым никогда не бывает каменного угля.

Там сделаны были многочисленные попытки устройства электромагнитных машин в надежде заменить пар. Но если бы капиталисты понимали законы соотношения и эквивалентности сил, они имели бы лучшие балансы на своих счетах в банках.

Ежедневно мы видим примеры, как люди бросаются помогать осуществлению изобретений, несостоительность которых мог бы доказать любой новичок в науке. Вряд ли найдется такая местность, где бы история не указывала примеров состояний, выброшенных на осуществление какого-нибудь несбыточного проекта.

И если теперь велик ущерб от недостатка научных знаний, то со временем он еще больше будет давать себя чувствовать. Как скоро производственные процессы примут более научную форму, — что при конкуренции неизбежно, как скоро умножатся акционерные предприятия, что непременно последует, тогда и научные сведения сделаются необходимыми для каждого.

То, что обычно выбрасывается из наших школьных программ, оказывается теснейшим образом связано с деловой стороной жизни. Английская промышленность прекратила бы свое существование, если бы англичане не приобретали кое-какие сведения по окончании так называемого образования. И если б не сведения, накопленные веками и распространяемые неофици-

альными путями, этой промышленности никогда бы не существовать.

Если б люди учились только тому, что изучается в классических публичных школах, Англия была бы теперь тем же, чем она была в феодальные времена. То возрастающее знакомство с законами явлений, которое в течение целого ряда веков дало англичанам возможность подчинить своим требованиям природу, которое в настоящее время простому рабочему доставляет такие удобства, какие несколько веков тому назад не купить бы и королям, — это знакомство вряд ли зависит от установленной системы образования молодежи.

Жизненные знания, благодаря которым выросла английская нация и стала тем, что она представляет теперь, знания, ложащиеся в основу всего существования, почерпнуты кое-где, урывками, в то время как официальные рассадники образования перевевывали одни только мертвые формулы.

Подготовка к родительским обязанностям. Мы дошли, наконец, до третьей крупной области человеческой деятельности, к которой не делается никакой подготовки.

Если б, по какой-либо странной случайности, отдаленному будущему не осталось от нас никаких следов, кроме школьных учебников и экзаменационных билетов, можно себе представить, как был бы удивлен антикварий о времени, не найдя в них никаких указаний на то, что ученики готовились со временем сдаться родителями.

«Да эта программа, вероятно, для холостяков», — непременно решил бы он.

«Я вижу, что тут есть тщательная подготовка ко многому, в особенности к чтению сочинений вымерших наций, а также и существующих, откуда ясно, что люди эти очень мало ценили чтение на своем отечественном языке. Но я не нахожу никаких намеков на воспитание детей. Не могли же они столь нелепо выпустить всякую подготовку к такой важной ответственности. Очевидно, это школьная программа какого-нибудь монастырского ордена».

Серьезно, разве этот факт не достоин удивления?

От умения обращаться с потомством зависит жизнь этих потомков, зависит их моральное благополучие, а между тем никаких указаний относительно обращения с потомством не дается тем, кто со временем возьмет на себя родительские обязанности. Не чудовищно ли, что судьба молодого поколения бросается на произвол случая, неразумных привычек, импульса, прихоти, в придчу к советам невежественных нянек и предрассудкам бабушек?

Если торговец начинает свои дела без всяких знаний арифметики и счетоводства, мы кричим, что это безумие, и предсказываем гибельные последствия. Или же, если человек берется за хирургические операции, не изучивши предварительно анатомию, мы удивляемся его смелости и жалеем его пациентов.

Но то, что родители приступают к трудной задаче воспитания детей, не уяснив себе даже принципов — физических, нравственных и умственных, которыми они должны руководствоваться, этому мы не удивляемся и не жалеем жертв такой «системы»!

Если к десяткам тысяч загубленных детей прибавить сотни тысяч оставшихся в живых, но слабого здоровья, и миллионы выросших не такими здоровыми, как им следовало быть, то мы составим себе понятие о том злом роке, который тяготеет над молодым поколением в результате того, что родители совершенно не знакомы с законами жизни.

Подумайте только, что режим, которому подвергаются дети, влияет на всю их жизнь в смысле вреда или пользы, что на один правильный способ приходится двадцать способов неправильных, и вы составите себе некоторое понятие о том громадном вреде, который почти везде наносится бессмысленной, совершенно случайной системой воспитания.

Разве не одевают мальчика в легкое, короткое платье? Разве не играет он с покрасневшими от холода ногами? Такой обычай отражается на всей его последующей жизни либо в виде болезни, либо в задержанном росте, в отсутствии энергии, в ослабленной, против обыкновенного, зрелости и в дальнейших препятствах к успеху и счастью.

Разве не подвергают детей однообразной диете или такой, в которой нет достаточной питательности? В конце концов это неминуемо отражается на их силе, уменьшая ее и ослабляя их мужество.

Разве не запрещают им шумных игр, не держат их взаперти в холодную погоду из боязни простуды (так как они плохо одеты)? И наверно они не достигнут той силы и здоровья, каких могли бы при других условиях достичь.

Когда мальчики и девочки вырастают слабыми, родители смотрят на это как на несчастье, ниспосланное Провидением. По существующему бессмысленному обычаю они воображают, что этому бедствию нет причины или что это — причины сверхъестественные.

Ничуть не бывало.

В некоторых случаях существуют, без сомнения, наследственные причины; в большинстве же случаев причины кроются в безрассудной системе воспитания. По большей части сами родители виноваты в этих страданиях, слабостях, угнетенном состоянии духа и несчастьях.

Родители или иные воспитатели взяли на себя обязанность ежеминутно следить за жизнью своих питомцев. С жестокой беззаботностью он не потрудились даже изучить хоть сколько-нибудь те жизненные процессы, которыми они распоряжаются. Они постоянно налагают на детей свои запреты, обнаруживая полнейшее невежество в знании простейших физиологических законов. Они из года в год подтачивают здоровье своих детей и

навлекают болезнь и преждевременную смерть не только на них, но и на их потомство.

Переходя от физического воспитания к моральному, мы видим, что и тут невежество и причиняемый им вред столь же велики.

Взгляните на молодую мать и на весь ее устав детской. Прошло всего несколько лет, как она сама вышла из школы, где память ее обременялась всякими словами, именами, числами, а мыслительные способности не упражнялись ни капли. Ей ни слова не было сказано относительно того, как обращаться с пробуждающейся душой ребенка. Школьная система не подготовила ее совсем к тому, чтобы она могла сама выработать себе метод.

Последующие годы она провела за музыкой, вышиванием, чтением романов и выездами. Не возбуждалось даже и мысли о важной ответственности материнства. Не дано было прочной умственной культуры, которая могла бы служить хоть какой-нибудь подготовкой к этой ответственной функции.

И вот, с не сложившимся еще характером, она приступает к исполнению своих обязанностей, глубоко невежественная во всем, что касается явлений, с которыми ей приходится иметь дело, беря на себя то, что может быть исполнено, и то не в совершенстве, лишь при глубочайших знаниях.

Она ничего не знает о природе эмоций, о порядке их эволюции, об их функциях и о том, где кончается польза и начинается злоупотребление.

Она усвоила себе, что такие-то чувства абсолютно дурны, что не оправдывается ни на одном из них, и что такие-то хороши, как бы далеко они ни заходили, что тоже ни одним из них не подтверждается.

Совершенно невежественная относительно устройства организма, с которым ей приходится иметь дело, она не знает и того, какое действие производит на этот организм то или другое обращение.

Чего же можно ждать при подобных предпосылках, как не гибельных неминуемых результатов, которые нам и приходится постоянно наблюдать?

При совершенном незнании с душевными явлениями, их причинами и следствиями ее вмешательство бывает чаще вредней абсолютной пассивности. То той то другой деятельности, совершенно нормальной и благотворной, она постоянно противодействует, лишая таким образом ребенка счастья и пользы, портЯ его и свой характер и отчуждая ребенка от себя.

Поступки, которые ей желательно поощрять, она вызывает, прибегая к угрозам, подкупам или же возбуждая желание нравиться. Она мало обращает при этом внимание на внутренние побуждения, лишь бы только наружное поведение согласовалось с ее желаниями. Таким образом, вместо добрых чувств она развивает в ребенке лицемерие, страх и эгоизм.

Требуя от ребенка правдивости, она сама подает постоянно пример лживости, угрожая разными наказаниями и не приводя их в исполнение.

Проповедуя сдержанность и самообладание, она сама, являясь к детям, постоянно сердится и распекает их за такие поступки, которые этого не заслуживают.

Она даже и не предполагает, что в детской, как и вообще на свете, только та дисциплина благотворна, которая всякое поведение, дурное или хорошее, приводит к естественным последствиям, приятным или тягостным, смотря по тому, какие последствия вытекают из самого характера этого поведения.

Без всякого теоретического руководства, совершенно неспособная руководить собой, без всякого представления о душевных процессах, творящихся в ее детях, она управляет ими импульсивно, непоследовательно, принося только одно зло.

И этот режим приводил бы действительно к гибели, если бы всесильные стремления юной души к достижению морального типа расы не подчиняли себе по обыкновению все менее важные влияния.

Разве точно так же не искажается умственное развитие детей? Признавая, что умственные явления совершаются по известным законам, мы неминуемо приходим к такому заключению, что и этот отдел воспитания нельзя правильно вести, не зная этих законов. Предполагать же, что можно правильно руководить процессом образования и накопления идей, не понимая самой сущности этого процесса, — нелепо.

Как сильно поэтому должно отличаться теперешнее обучение от того, какому ему следует быть, если о психологии очень мало знают воспитатели и совсем ничего не знают родители.

Воспитателям необходимо знание психологии.

Как и следует ожидать, существующая система сильно грешит как по своему содержанию, так и по методу.

В то время как полезные области знания совсем устраниются, бесполезные навязываются самым неправильным способом и неправильным порядком.

Родители, под влиянием той узкой, общепринятой идеи, что знания усваиваются из книг, слишком преждевременно и к большому вреду для детей своих суют им в руки всякие учебники.

Не сознавая той истины, что книга играет роль дополнительной функции, что она представляет косвенный путь к знанию, когда не бывает прямого, средство видеть глазами других, когда вы не можете видеть своими, — воспитатели очень любят сообщать факты из вторых рук вместо того, чтобы сообщать их из первых.

Воспитатели не понимают той огромной ценности, какую представляет самопроизвольное воспитание в ранние годы. Не понимают того, что не игнорировать надо безустанную наблюдательность ребенка и не препятствовать ей, а усердно направлять ее, поддерживать и расширять. Они бьют лишь на то, чтобы за-

нимать глазами мысли такими предметами, какие в данную минуту непонятны для ребенка и лишены привлекательности.

Ослепленные предрассудком, что символ знания дороже самого знания, они не замечают того, что ребенок тогда лишь можно вводить в новый круг сведений, почерпаемых из книг, когда он в достаточной степени ознакомится с предметами и явлениями из домашней жизни, из жизни улицы и окружающих полей. И не потому только, что непосредственное гораздо лучше полученного через постороннее посредство, а и потому еще, что способность ребенка правильно усваивать содержание книги прямо пропорциональна предыдущему опыту.

Заметьте также, что это формальное обучение, начатое чрезчур рано, ведется без всякой связи с законами умственного развития.

Умственное развитие непременно должно идти от конкретного к абстрактному. Однако же, невзирая на это, с ранних пор начинаются такие высокоабстрактные науки, как грамматика, которую следовало бы начинать гораздо позже.

Политическая география, мертвая и неинтересная для ребенка, место в приложении к социальным наукам, начинается рано; физическая география, понятная и для ребенка сравнительно привлекательная, почти вся выпускается.

Почти каждый предмет расположены в ненормальном порядке: определения, правила и принципы помещены в начало, вместо того, чтобы выводить их, как это в природе вещей, из примеров.

Над всем господствует вредная система зубрежки, система, приносящая дух в жертву букве.

И вот результаты. Только немногие развиваются в себе ту силу ума, какую могли бы развить. Оттого, что восприимчивость неестественно притупляется задалбливианием, что книжные занятия принудительны. От умственного сумбура, вносимого заучиванием непонятных предметов и сообщением обобщений раньше самих обобщаемых фактов. Оттого, что учащегося делают пассивным воспринимателем чужих идей и ничуть не стараются пробудить в нем активную любознательность и самообразование, от чрезмерного ли насилия над умственными способностями.

Как только оканчиваются экзамены, книги откладываются в сторону; большая часть приобретенных знаний улетучивается из памяти, так как они не были приведены в систему. А то, что остается, представляет инертную силу, так как не выработано умение прилагать свои знания к делу, а способность точного наблюдения и независимого мышления очень ослаблена.

К этому надо еще прибавить, что большая часть приобретенных сведений сравнительно мало имеет значения, а огромная масса знаний, представляющих наивысший интерес, совсем устраивается.

Таким образом, мы сталкиваемся с фактами, которые можно было бы вывести априори.

Воспитание детей — физическое, нравственное и умственное — ведется страшно неправильно, и это в большей части зависит от того, что родители совершенно лишены тех знаний, которые только одни могут правильно руководить этим воспитанием.

Что можно ожидать хорошего, когда одну из сложнейших задач берут на себя люди, вряд ли даже помышлявшие когда-либо о принципах, обуславливающих ее решение?

Для того чтобы шить башмаки, строить здания, управлять кораблем или локомотивом, необходимо долго учиться. Так неужели же развитие человеческого тела и души — такой сравнительно простой процесс, что за ним можно наблюдать и управлять им без всякой подготовки?

Если же он не так прост, если этот процесс самый сложный в природе, и обязанность управлять им представляют непреодолимые трудности, то не безумие ли это, если к исполнению такой задачи не делается никаких подготовок?

Лучше пожертвовать разною утонченностью, чем упускать такую существенную часть воспитания.

Когда отец, действуя на основании ложных принципов, принятых им без разбора, отчуждает от себя сына, возбуждает в нем непокорность своим жестоким обращением, губит его и делает самого себя несчастным, он должен был бы подумать, что изучение этиологии (науки о характере и привычках) — вещь полезная, которой следовало бы заняться, если б даже из-за этого и ничего не пришлось знать об Эсхиле.

Когда мать оплакивает своего первенца, погибшего от склератины, и откровенный доктор подтверждает ее предположение, что ребенок мог бы еще поправиться, если б организм его не был ослаблен чрезмерными занятиями, для нее плохое тогда утешение, что она может читать Данте в подлиннике.

Мы видим, таким образом, что для урегулирования третьего большого отдела человеческой деятельности необходимо одно: знание законов жизни.

Для правильного воспитания детей необходимы некоторые познания первых основ физиологии и элементарных истин психологии.

Мы ничуть не сомневаемся в том, что многие прочтут эти слова с улыбкой. Им покажется нелепым, что от родителей требуется приобретение познаний в таких мудрых науках.

Но если бы мы требовали от отцов и матерей обширных знаний по этим предметам, тогда бы нелепость, пожалуй, бросалась в глаза. Мы этого не требуем. Достаточно одних общих принципов в соединении с такими объяснениями, которые необходимы для правильного их понимания, а это легко усвоить если не рациональным, то догматическим путем.

Как бы то ни было, а факт неоспоримый: развитие детей, духовное и телесное, совершается по известным законам, и если с

этими законами совсем не сообразуются родители, отсюда неминуемо проис текают гибельные последствия.

Если же они сообразуются отчасти лишь, то происходят серьезные физические и духовные повреждения.

Только тогда наступает полное, совершенное развитие, когда в точности сообразуются со всеми этими законами.

Можете судить поэтому, как те, кто рано или поздно готовится сделаться родителем, должны стараться всеми силами изучить, в чем заключаются эти законы.

Отправление гражданских обязанностей. От родительских обязанностей перейдем теперь к гражданским. Мы должны разобраться здесь, какие знания делают человека способным к отправлению этих обязанностей. Нельзя сказать,

чтобы потребность в знаниях, делающих способными к отправлению этих обязанностей, совсем не сознавалась. Наши школьные программы содержат в себе предметы, которые, хотя и номинально, но все-таки касаются политических и социальных обязанностей. Среди этих предметов выдающееся место занимает история.

Но, как уже было сказано, сведения, сообщаемые под этим именем, не имеют почти никакой цены для воспитания.

Вряд ли в школьных учебниках найдутся такие факты, которые правильно выяснили бы принципы политической деятельности. Да и более пространные сочинения, написанные для взрослых, очень мало содержат подобных фактов.

Биографии монархов (а наши дети почти ничего не изучают кроме этого) вряд ли бросают какой-нибудь свет на социологию. Знакомство с придворными интригами, заговорами, самовластием и т.п. очень мало способствует уяснению причин национального прогресса.

Мы читаем о какой-нибудь борьбе за власть, приведшей к такой-то битве.

О том, что имена генералов и их выдающихся подчиненных были такие-то и такие-то. Что у них было столько-то тысяч пехоты и кавалерии, столько-то пушек, что силы их были расположены таким-то образом, что они маневрировали, атаковали и отступали в таком-то порядке. Что в такое-то время дня понесены были

NB В старших классах, как правило, возникает острый интерес к истории своего Отечества, социальным, культурным, природным ее особенностям, к государствоведческим наукам, стремление понять смысл отечественной истории, политическую ситуацию и состояние страны в настоящее время. Этот интерес относится к жизненным планам в той или иной форме принять активное участие в социально-политической жизни Отечества. Эти стремления необходимо использовать для воспитания у юношества элитарных качеств, сопряженных с патриотизмом и направленностью на укрепление государственности в России. И нельзя не согласиться с оценкой, которую дает Г. Спенсер преподаванию истории в свое время. К сожалению, эту картину мы наблюдаем и сегодня.

такие-то поражения, в другое — приобретены такие-то выгоды. Что при таком-то движении пал некий предводитель, а при другом — уничтожен целый полк, что после всяких перемен, к счастью, победа была одержана той или иной армией, что столько-то с каждой стороны было убитых, столько-то раненых и столько-то забрано победителями в плен.

Из всех этих рассказанных вам фактов, скажите, какой помогает вам разобраться в ваших гражданских поступках?

Положим, вы старательно прочли не только «Пятнадцать величайших сражений в истории», но и всевозможные описания битв, о которых упоминает история.

Насколько благоразумнее будете вы подавать от этого голос на предстоящих выборах?

«Но это ведь факты, интересные факты», — скажете вы. Без сомнения, факты, по крайней мере те, что не выдуманы целиком или хотя бы отчасти, — и для многих интересные факты. Искусственное или извращенное мнение часто придает цену таким фактам, которые ее не имеют.

Какой-нибудь «тюльпаноманьяк» не променяет любимой луковицы на вес золота. Для другого желанным предметом является какой-нибудь обломок старинной фарфоровой китайской вешицы. Есть и такие любители, которые платят большие деньги за какие-нибудь вещи, взятые на память о знаменитых убийцах.

Но разве могут подобные вкусы служить мерилом при оценке предметов, удовлетворяющих этим вкусам? Если так, то нельзя не согласиться, что существующее пристрастие к некоторым типам исторических фактов нисколько не доказывает, что эти факты имеют какое-нибудь значение.

Мы должны определить их значение, как определяем значение других фактов, исследовав, какое они могут иметь употребление.

Если кто-нибудь нам сообщит, что соседская кошка вчера окотилась, скажете, что такое сведение не имеет никакого значения. Хотя это и факт, но факт в высшей степени бесполезный; он не может оказывать никакого влияния на ваши поступки; не может научить вас жить полной жизнью.

Разберите же точно так большую часть исторических фактов, и результат получится тот же самый. Все это такие факты, которые не могут привести к каким бы то ни было заключениям, — бессистемные факты, а следовательно, бесполезные в установлении принципов поведения, в чем собственно и заключается главное назначение фактов. Читайте их, если хотите, ради забавы, но не воображайте, что они поучительны.

То, что, собственно говоря, составляет историю, обыкновенно не попадает в сочинения по этому предмету. Историки только за последнее время стали давать нам истинно ценные сведения и в достаточном количестве.

Как в прежние времена король был все, а народ ничего не значил, так и в прежних историях деятельность короля составля-

ла главную картину, темным фоном которой служила национальная жизнь. Только теперь, когда господствующей идеей является благосостояние нации, а не правителей, историки стали заниматься явлениями социального прогресса.

Что нам действительно надо узнать, так это естественную историю общества. Нам нужны факты, которые помогают нам уяснить, каким образом выросла нация и организовалась. Расскажите нам, между прочим, о правительстве ее, и при этом как можно меньше болтовни о лицах, исполняющих правительственные должности, и как можно больше подробностей о его организации, принципах, методах, о существующих в нем предрассудках, подкупах и пр.

Рассказ должен касаться характера и деятельности не одного только центрального правительства, но и местных, вплоть до мельчайших его разветвлений.

Дайте нам параллельно с этим описание духовного правительства: его организацию, направление, власть, отношение к государству, а в придачу к этому опишите обряды, верования, религиозные убеждения, и не номинальные, а те, в которые действительно веруют и на основании которых поступают.

Разъясните контроль, который имеет один класс над другим, выражющийся в соблюдении общественных правил, титулов, приветствий и разных формах обращения. Сообщите нам о других обычаях, управляющих народной жизнью в домашнем кругу и вне его, включая сюда отношение полов и отношение родителей к детям. Следует указать также на суеверия, начиная с важнейших мифов вплоть до простого колдовства.

Затем должна быть рассмотрена система промышленности; должно быть указано, до какой степени доведено разделение труда, как урегулированы промыслы, кастами ли, гильдиями или другими способами, какие отношения существуют между хозяевами и рабочими, какие существуют центры для распределения продуктов, каковы средства сообщения, какая монета в обращении.

В придачу ко всему этому должны быть сообщены сведения о промышленном искусстве в техническом отношении, с указанием существующих приемов и качества продуктов.

Далее следует изобразить умственное состояние нации на различных ступенях не только в отношениях к характеру и объему образования, но в отношениях к прогрессу, сделанному в науке и господствующих убеждениях.

Следует указать на степень эстетической культуры, выразившейся в области архитектуры, скульптуры, живописи, костюма, музыки, поэзии и вымысла. Не следует забывать также очерка вседневной жизни народа, жилища, пищи и развлечений.

В заключение, чтобы связать все это, надо выяснить моральную сторону всех классов, теоретическую и практическую, выражавшуюся в законах, обычаях, пословицах, поступках. Все эти факты, сжатые по возможности настолько, чтобы это не мешало

ясности и точности, должны быть сгруппированы и соединены так, чтобы их можно было понимать в целом и рассматривать как естественные части одного великого целого.

Цель их группировки должна заключаться в том, чтобы можно было тотчас же уловить существующую между частями и целим гармонию и определить, какие общественные явления существуют параллельно. Затем соответствующее изображение следующих друг за другом веков должно быть так представлено, чтобы видно было, как изменялись верования, учреждения, обычаи и порядки и как гармоническое целое предшествующих учреждений и функций развивалось в гармоническое целое последующих.

Только подобного рода сведения о прошедших временах могут оказать пользу гражданам и руководить их поступками. Практическое значение имеет только та история, которая может быть названа *описательной социологией*.

Наивысшая заслуга, какую может оказать историк, заключается в том, чтобы в представленном им описании жизни нации заключался материал для сравнительной социологии и для последовательного определения тех конечных законов, которым подчиняются социальные явления.

Предположив даже, что мы приобрели соответствующий запас истинно ценных исторических знаний, мы очень мало можем извлечь из него пользы, не имея к нему ключа. Ключ этот представляет только одна наука. Без обобщений, полученных биологией и психологией, не может быть разумного объяснения социальных явлений.

Ключ к пониманию общества — психология.

Только по мере накопления первоначальных, эмпирических сведений относительно природы человека начинают обыкновенно понимать простейшие факты социальной жизни, как, например, отношение между спросом и предложением. И если даже самые элементарные истины не могут быть почерпнуты из социологии раньше, чем приобретены познания относительно того, как люди думают и чувствуют при данных обстоятельствах, то ясно, что социология в широком смысле слова не может быть усвоена без основательного знакомства с человеком и всеми его способностями, физическими и умственными.

Рассмотрите этот предмет со схематической точки зрения, и вы увидите, что этот вывод очевиден.

Общество состоит из индивидуумов. Все, что происходит в обществе, делается соединенными усилиями индивидуумов; в индивидуальной деятельности, значит, надо искать разрешение социальных явлений. Но деятельность индивидуумов подчиняется законам их природы; деятельность их не может быть усвоена раньше, чем усвоены эти законы.

Законы же эти в простейшем своем виде являются следствием законов тела и души вообще. Отсюда следует, что биология и психология должны быть непременными интерпретаторами общества.

Иными словами, все социальные явления в то же время и жизненные явления, наиболее сложные проявления жизни, сопротивляющиеся с законами жизни; они могут быть поняты только тогда, когда усвоены законы жизни.

Таким образом, упорядочение четвертого типа человеческой деятельности — гражданской, как и первых трех, тоже зависит от знания естественных наук.

№ А коль скоро в рамках средней общеобразовательной школы закладываются основы личности гражданина, социальная направленность личности, она (школа) может стать важным звеном в развитии, формировании гражданской ответственности индивида, элитарных способностей личности, особенно духовно-нравственных качеств как ядра элитарности. Необходимым условием этого является специальная организация и форма общеобразовательной школы, построение учебных планов, содержания и методов обучения, организация внеурочной (внеклассной) работы.

Из всех знаний, какие обычно сообщаются в учебных курсах, очень немногие помогают гражданину разобраться в его поступках. Из той истории, которую он изучает, лишь небольшая часть ее оказывает ему пользу. Да и этой частью он не может пользоваться, так как не подготовлен к этому. Он не только не имеет материала для суждений в области сравнительной социологии, но у него нет даже представления о ней. Отсутствуют у него и общие сведения по наукам о человеческом поведении, без которых мало поможет ему даже и описательная социология.

Эстетическая культура. Мы обратимся теперь к последнему разделу человеческой жизни, включающему развлечения и удовольствия в свободные минуты.

Рассмотрев, какое образование требуется для самосохранения, для поддержания существования, для исполнения родительских обязанностей и для политической деятельности, нам остается теперь рассмотреть, какое воспитание требуется для целей наслаждения природой, литературой и художествами во всех их видах и формах.

Из того, что мы отводим всему этому место в конце, после предметов, более важных для человеческого благосостояния, и применяем ко всему масштаб практической пользы, можно, пожалуй, заключить, что мы относимся с пренебрежением к этим менее существенным предметам. Это было бы величайшей ошибкой.

Мы ничуть не преуменьшаем значение эстетической культуры и удовольствий по сравнению с другими разделами жизни человека. Без живописи, скульптуры, музыки, поэзии и впечатлений, производимых различными красотами природы, жизнь потеряла бы половину своей прелести.

Далеко не умаляя важности эстетического воспитания и удовлетворения вкусов, мы думаем, что со временем они зай-

мут более широкое место в человеческой жизни, чем они занимают теперь.

Ф **Доказано, что отсутствие нравственности (любви к миру и человеку) сковывает творческие способности человека («Гений и злодейство несовместны» — А.С.Пушкин). Правда, у простых смертных подобные совмещения даже в детстве отмечаются повсеместно. Люди рождаются не только с добрыми, но и, к сожалению, со злыми задатками; по скале жизни карабкаются обремененные и тем и другим багажом. Наряду с земной, космической ноосферой, очевидно, можно говорить о ноосферных генетических образованиях. Речь может идти не только о положительных, но и о злокачественных социально-природных «опухолях» и отрицательных реакциях, закреплении античеловеческого начала в генетическом аппарате.**

Прекрасное, как в искусстве, так и в природе, по справедливости займет широкое место в душе человека, когда он окончательно покорит силы природы для удовлетворения своих потребностей. Когда усовершенствуются способы производства и когда труд будет предельно экономичным по времени. Когда воспитание и образование будет приведено в такую систему, что будут служить подготовкой, сравнительно быстрой, к наиболее существенным областям человеческой деятельности. Когда увеличится, следовательно, в значительной степени свободное время.

Но одно дело — признавать эстетическую культуру широким проводником к человеческому счастью; другое дело — считать ее фундаментально необходимой для человеческого счастья. Как ни важна она, все же (должна уступить место тем областям культуры, которые имеют непосредственное отношение к нашим вседневными обязанностям.

Как указано выше, литература и художественные искусства обусловливают свое существование такими областями человеческой деятельности, которые делают возможной индивидуальную и социальную жизнь.

Цветовод выращивает растение из-за его цветка, корням и листьям он придает значение главным образом потому, что они служат орудием производства цветка. И хотя цветку, как конечному продукту, подчинено все остальное, цветовод знает однако, что корни и листья имеют большое значение, так как от них зависит развитие цветка. Он заботливо старается культивировать здоровое растение и знает, что было бы безумием стремиться получить цветок и пренебрегать в то же время самим растением.

То же самое мы имеем и в данном случае. Архитектуру, скульптуру, живопись, музыку и поэзию можно по справедливости назвать цветком цивилизованной жизни. Но предположив даже, что значение их так велико, что подчиняет себе даже самую цивилизованную жизнь, из которой они взялись (что вряд

ли можно предположить), следует однако признать, что вопрос о здоровой цивилизованной жизни должен стоять на первом плане, и культура, которая способствует этой жизни, должна занимать наивысшее место.

Вот в этом-то и обнаруживаются недостатки нашей системы воспитания. Из-за цветка она пренебрегает самим растением. В погоне за изяществом она забывает сущность.

Наше образование не доставляет никаких сведений, способствующих самосохранению. Оно сообщает одни только зачатки сведений, облегчающих добывание средств к существованию, и предоставляет пополнять их потом как-нибудь в последующей жизни. Оно не дает никакой подготовки к исполнению родительских обязанностей. Нынешняя система воспитания готовит к отправлению гражданских обязанностей одним только сообщением массы фактов, большая часть которых не имеет никакого отношения к делу, а к остальным не имеется объяснительного принципа.

В то же время эта система старательно сообщает все, что ведет к утонченности, лоску; к тому, что французы называют *eclat* (великолепие, блеск).

Вполне соглашаюсь с тем, что широкое знакомство с современными языками есть ценное приобретение и благодаря чтению, разговору и путешествиям придает некоторую законченность образованию. Но из этого не следует, что ценой этого знакомства надо было покупать более важные существенные знания.

Допустим, что классическое образование ведет к изяществу и правильности стиля, но нельзя сказать, чтобы изысканность и точность стиля были по важности равны знакомству с принципами, руководящими воспитанием детей.

Допустим, что чтение поэтов на мертвых языках способствует развитию вкуса, но нельзя утверждать, что такое развитие вкуса равносильно по важности знакомству с законами здоровья.

Утонченные знания, изящные искусства и все такое составляют, как мы сказали, цвет цивилизации и должны быть подчинены такому обучению и упражнениям, на которые опирается цивилизация. *Так как они занимают свободную часть времени в жизни, то и в воспитании должны занимать свободное место.*

Отводя таким образом надлежащее место эстетике и признавая, что хотя ее изучение и должно с самого начала входить в состав образования, тем не менее она занимает второстепенное место, мы определим теперь, какие знания более всего соответствуют этой цели, какие больше всего подходят к последней области человеческой деятельности.

На этот вопрос ответ все тот же, что был и раньше. Всякое искусство высшего достоинства основывается на науке; без науки не может быть ни истинного творчества, ни полной оценки, — заключение хотя и неожиданное, тем не менее верное.

Очень может быть, что многие знаменитые художники и не владеют наукой в том узком смысле слова, в каком ее понимают

в обществе. Но они всегда как тонкие наблюдатели имеют достаточный запас тех эмпирических общих сведений, которые и составляют науку в низшем ее фазисе.

Если они не достигают совершенства, то обычно отчасти потому, что общие сведения их малы и неточны.

Что непременной основой художеств служит наука, априори ясно уже из того, что произведения искусства так или иначе являются изображением объективных или субъективных явлений. Они хороши только в той мере, в какой сообразуются с законами этих явлений, а прежде чем согласовать их с этими законами, художник должен их знать. Мы сейчас увидим, что эти априорные суждения совершенно согласуются с опытом.

Молодые люди, готовясь к занятию скульптурой, должны познакомиться с анатомией, с костями и мускулами, с их положением, прикреплением и движениями. Все это и составляет естественнонаучный компонент пластических искусств. Оказывается, что его необходимо знать скульпторам ввиду предупреждения многих ошибок, в которые они могут впасть.

Им требуется также знание принципов механики, и так как этого знания обыкновенно не бывает у скульпторов, то они очень часто делают серьезные ошибки по части механики.

Возьмем пример: для устойчивости необходимо, чтобы перпендикуляр из центра тяжести, линия направления, как ее называют, проходил через основание опоры. Таким образом, при положении человеческой фигуры, которое называется «свободным», когда одна нога выпрямлена, а другая стоит свободно, линия направления проходит через ступню выпрямленной ноги.

Но скульпторы, не знакомые с теорией равновесия, нередко изображают это положение так, что линия проходит в среднем между ногами.

Незнание законов скорости движения ведет к подобным же ошибкам. Примером служит прославленный «Дискобол» Мирона. Поза его такова, что он неминуемо должен упасть вперед, как только будет им брошен диск.

Необходимость научных сведений, если не рациональных, то по крайней мере эмпирических, еще нагляднее дает себя чувствовать в живописи. Что придает такой странный вид живописи китайцев, как не пренебрежение к законам внешнего благообразия, как не их нелепая линейная перспектива и отсутствие воздушной перспективы?

В чем заключаются недостатки детских рисунков, как не в подобном же отсутствии правды, отсутствии, происходящем большей частью от незнания того, как изменяется наружный вид с переменой точки зрения?

Припомните только учебники и лекции, по которым готовятся молодые художники, разберите критику Рескина, всмотритесь в произведения прерафаэлитов, и вы увидите, что успех в живо-

писи сопряжен с возрастающим пониманием того, какие причины и следствия существуют в природе.

Самый внимательный наблюдатель не может не впасть в заблуждение, если только ему не будет помогать наука.

Каждый художник согласен с тем, что пока им не изучены внешние особенности предмета при данных обстоятельствах, эти особенности могут совсем ускользнуть от него. А чтобы знать, какие внешние особенности может принимать предмет, надо изучить законы этих особенностей.

Из-за недостатка научных сведений даже у такого внимательного художника, как Дж. Льюис, тень от решетчатого окна падает резко очерченными линиями на соседнюю стену. Он не сделал бы этого, если бы знаком был с явлениями полутени.

От нехватки научных знаний Д.Г.Россетти, подметив особую радужную окраску некоторых волосатых поверхностей при особом освещении (эта радужная окраска является следствием преломления световых лучей, проходящих через волосы), делает ошибку и изображает подобную окраску на таких поверхностях и при таких положениях, когда она не могла появиться.

Еще удивительнее будет, если мы скажем, что и музыка требует также научной помощи. Но можно доказать, что музыка есть только идеализация естественного языка эмоций, поэтому музыка может быть плоха или хороша сообразно с тем, насколько она согласуется с законами этого естественного языка.

Различные интонации голоса, сопровождающие разного рода чувства различной степени напряжения, — вот те истоки, из коих развилась музыка. Можно доказать, что все эти модуляции, все эти повышения и понижения тона не случайны и не произвольны. Они определяются известными общими принципами жизненной деятельности, и на этом основывается их выразительность.

Отсюда следует, что музыкальные фразы и построенные на них мелодии эффектны только тогда, когда они находятся в гармонии с этими общими принципами.

Очень трудно пояснить это положение хорошим примером. Но, может быть, достаточно привести в пример бесчисленное множество никуда не годных баллад, которыми заполоняются гостиные в Англии, — произведения, которые наука должна была бы изгнать. Они грешат против науки тем, что кладут на музыку такие идеи, которые недостаточно эмоциональны и не могут выразиться в музыке. Они грешат против науки и тем еще, что берут музыкальные фразы, не имеющие никакого естественного отношения к выражаемым идеям даже тогда, когда эти идеи эмоциональны. Они плохи, потому что неправдивы. А если они неправдивы — это значит, что они не научны.

То же самое справедливо и по отношению к поэзии. Подобно музыке поэзия коренится в тех естественных способах выражения, которые сопровождают глубокое чувство. Ее ритмичность, ее сильные, многочисленные метафоры, ее гиперболы,

могучие обращения — все это не что иное, как преувеличенные выражения взволнованной речи.

Чтобы поэзия была хороша, она должна обращать внимание на те законы нервной деятельности, которые управляют возбужденной человеческой речью. Усиливая и комбинируя возбужденную речь, поэзия должна соблюдать пропорциональность и не злоупотреблять ею без разбора. Там, где идеи менее эмоциональны, она должна умеренно пользоваться формами поэтического выражения и только тогда употреблять их свободнее, когда возбуждение усиливается. Когда же возбуждение достигает крайней степени, этими формами поэзия может пользоваться в самых широких размерах.

Нарушение этих принципов ведет к тому, что поэзия обращается в напыщенное рифмоплетство. Недостаточное соблюдение их замечается в дидактической поэзии. Оттого-то и бывает поэзия так часто не художественной, что эти принципы соблюдаются весьма редко.

Художник, какой бы он ни был, не может создать истинного произведения, если он не уясняет себе законов изображаемого им явления. Помимо того он должен знать, как отзовутся на некоторые особенности его произведения души зрителей, — и это вопрос чисто психологический.

Художнику необходимо знать психологию.

Впечатление, которое производит известное произведение искусства, зависит от душевных свойств того, кому оно предлагается, и так как душевые свойства имеют некоторые общие характеристические особенности, то и получаются некоторые общие характеристические принципы, на которых только и может быть основан успех художественного произведения.

Художник не может вполне уяснить себе эти общие принципы и прилагать их до тех пор, пока он не откроет связи между ними и законами душевых явлений. Спросить, хороша ли композиция картины — все равно, что спросить, в какой степени затрагивает она впечатлительность и чувствительную сторону зрителя. Спросить, хорошо ли построена драма — все равно, что спросить, сосредоточивает ли на себе совокупность ее положений внимание слушателей и устранило ли в ней обременительное употребление какой-нибудь одной сферой чувств.

То же самое соблюдается и при расположении главных частей поэмы или романа, при комбинации слов отдельных изречений. Удачный эффект зависит от искусства экономизировать умственную энергию и восприимчивость читателя.

Каждый художник, в ходе своего образования и всей последующей жизни, накапливает запас правил, которыми руководствуется в своей деятельности. Отыщите корень этих правил, и вы непременно придете к психологическим принципам. И только тогда, когда художник усвоил себе эти психологические принципы и их различные выводы, он может творить в гармонии с ними.

Мы ни одной минуты не думали, что наука может создать художника. Говоря, что художником должны быть усвоены главные законы как объективных, так и субъективных явлений, мы отнюдь не хотим этим сказать, что знание этих законов может заменить природный художественный дар.

Не только поэты, но и художники всех типов рождаются, а не делаются. Мы хотим только сказать, что природные способности не могут обойтись без помощи систематического знания. Интуиция многое значит, однако же не все. Высшие результаты достигаются лишь сочетанием гения с наукой.

Как мы уже заметили выше, наука необходима не только для успешного творчества, но и для полной оценки изящных искусств. От чего же зависит, что взрослый человек скорее может оценить красоты картины, чем ребенок, если не от большего знакомства его с теми истинами природы и жизни, изображением которых служит картина? Отчего образованный человек может больше наслаждаться красотами поэмы, чем необразованный, если не от большего его знакомства с предметами и действиями, дающими ему возможность видеть в поэме многое, чего не может в ней видеть простой, необразованный человек.

И если, как это видно отсюда, прежде чем браться оценить изображенные предметы, должно быть предварительное знакомство с ними, то и изображение может быть тогда только вполне оценено, когда изображаемые предметы вполне уяснены.

Любая истина, изложенная в произведении искусства, доставляет наслаждение понимающему ее уму — наслаждение, не испытываемое тем, кто не сознает этой истины. Чем более истинно изображение жизни в произведении художника, тем больше способностей затрагивает он в душе зрителя, тем больше возбуждает идей и доставляет большее удовольствие.

Но для того, чтобы получить это удовольствие, зритель, слушатель или читатель должны знать ту действительность, которую изображает художник, а знать эту действительность — значит быть посвященным в науку.

Теперь обратим внимание на следующий важный факт. Мало того, что наука составляет основу скульптуры, живописи, музыки и поэзии, но она и сама по себе поэтична.

Общепринятое мнение, что наука и поэзия противоположны друг другу, ошибочно.

Без сомнения, справедливо, что познание и эмоция как стадии сознания стремятся исключать друг друга. Без сомнения, справедливо и то, что напряженная деятельность рефлексивных способностей стремится заглушить проявление чувств, тогда как напряженная деятельность чувств стремится заглушить рефлексивные способности. В этом смысле, разумеется, оба типа душевной деятельности антагонистичны друг другу.

Но неверно, что научные факты не поэтичны, или что занятие наукой непременно неблагоприятно действует на воображе-

ние и любовь к прекрасному. Напротив, наука открывает мир поэзии там, где для неученого существует одна пустота.

Наука сама по себе поэтична.

Люди, погруженные в научные исследования, постоянно доказывают нам, что они ничуть не менее других, а, напротив, гораздо живее улавливают поэтическую сторону своих предметов. Кто внимательно прочтет геологию Гуго Миллера или этюды Льюиса «На берегу моря», тот убедится, что наука не заглушает поэзии, а, напротив, пробуждает ее.

Кто изучит жизнь Гете, тот убедится, что поэт и человек науки могут с одинаковым успехом уживаться вместе.

Разве это в самом деле не нелепое и даже не святотатственное мнение, что чем больше будто бы человек изучает природу, тем меньше он читает ее?

Неужели вы думаете, что капля воды, которая в глазах простого человека есть только капля воды и ничего больше, теряет что-нибудь в глазах физика, который знает, что элементы ее удерживаются вместе известной силой и что сила эта, будучи освобождена внезапно, производит молнию?

Нежели вы думаете, что простая снежинка, на которую так равнодушно смотрит непосвященный в науку человек, не вызывает высоких размышлений у того, кто под микроскопом наблюдал удивительно разнообразные и изящные по форме снежные кристаллы?

Неужели вы думаете, что крутая скала, испещренная параллельными царапинами, вызовет в душе несведущего человека такое же поэтическое чувство, как и в душе геолога, знающего, что миллион лет тому назад по ней скользил ледник?

Дело в том, что люди, никогда не занимавшиеся наукой, по большей части слепы ко всему поэтическому из окружающей среды. Кто в юности не собирал растений и насекомых, тот и на половину не испытал той прелести, какую скрывают в себе лесные просеки и опушки. Кто не искал окаменелостей, тот не может себе вообразить, какие поэтические ассоциации вызывает то место, где были найдены сокровища. У кого на берегу моря не было микроскопа и аквариума, тот не знаком с высочайшими удовольствиями, какие доставляет морской берег.

Грустно, право, смотреть, какими пустяками занимаются люди, оставаясь в то же время совершенно равнодушными к величайшим явлениям; они не стараются вникнуть в устройство небесного свода и глубоко погружены в какие-нибудь пустые разглагольствования об интригах шотландской королевы Марии или в критико-научные рассуждения о какой-нибудь греческой оде и проходят мимо, не обратив даже внимания на великий эпос, начертанный перстом Божиим на пространствах земли!

Итак, мы видим, что для этой последней области человеческой деятельности надлежащей подготовкой служит научное образование. Мы видим, что эстетика вообще опирается непремен-

но на принципы науки. Полный успех в этой области зависит от знакомства с этими принципами. Мы видим, что для критики и правильной оценки художественных произведений также необходимо знакомство с сущностью предметов, другими словами, необходимы научные знания. Мы видим, что наука не только оказывает услуги искусству и поэзии, но что она и сама по себе поэтична, если на нее правильно смотреть.

Какие занятия наиболее ценные для образования.

До сих пор мы занимались вопросом о значении тех или других знаний для целей образования. Теперь мы займемся сравнительной оценкой различных отделов знания для образовательных целей.

Этот отдел нам придется пройти сравнительно кратко, да, к счастью, он и не требует пространных обсуждений.

Отыскав, что более всего пригодно для одной цели, мы в то же время нашли, что пригодно и для другой. Мы можем вполне быть уверены, что знакомство с теми фактами, которые полезнее всего для правильного устройства человеческой деятельности, служит в то же время умственным упражнением, наиболее соответствующим укреплению духовных способностей.

Было бы высшим противоречием прекрасному порядку в природе, если бы один род занятий пред назначен был для приобретения сведений, а другой служил бы лишь умственной гимнастикой. Везде в природе мы видим, что способности развиваются

благодаря исполнению тех функций, которые они предназначены отправлять, а не искусственными упражнениями, придуманными нарочно для подготовки их к этим функциям.

Индец приобретает быстроту и ловкость, которые делают его хорошим охотником, постоянно гонясь за животными. Разнообразная жизненная деятельность лучше всякой гимнастики уравновешивает его физические силы. Ловкость, с какой он преследует врага и добычу, приобретенная им долгой практикой, указывает на такую

утонченную сметливость, какая не может быть достигнута никакими искусственными упражнениями.

То же самое и в других случаях. Глаза бушмена, упражняясь постоянно в рассматривании удаленных предметов, которые он преследует или от которых бежит, приобретают силу телескопа. Счетовод благодаря ежедневной практике доходит до того, что складывает сразу несколько цифровых столбцов.

Во всем мы видим, что наивысшие способности вырабатываются исполнением обязанностей, налагаемых жизненными условиями. И можно с уверенностью сказать априори, что то же са-

NB Поэтому мы должны развивать и общие способности — интеллект, духовно-нравственную основу, и специальные — одаренность в какой-либо области деятельности; стремление развивать свои способности и личностные качества, чувство ответственности за свой природный дар и за свое совершенствование.

мое справедливо и по отношению к воспитанию. Образование, ценное как учебный материал, должно быть в то же время важным и как умственная дисциплина. Убедимся в справедливости сказанного.

Одно из преимуществ, которым оправдывается усиленная преданность языкознанию, составляющая главную черту обыкновенного учебного плана, состоит будто бы в укреплении памяти. Это преимущество приписывается специальному заучиванию слов.

Но дело в том, что естественные науки представляют несравненно более широкое поприще для упражнения памяти. Запомнить все, что относится к нашей Солнечной системе, — задача нелегкая и тем более трудная, когда дело касается Млечного Пути.

Число сложных соединений, ежедневно возрастающее в химии, так велико, что только немногие, за исключением профессоров, могут их перечислить, а помнить их атомистическое строение и валентность вряд ли возможно для того, кто не сделал химию своим главным занятием в жизни.

Огромная масса явлений, представляемых земной корой, и еще большая масса явлений, представляемых содержащимися в ней ископаемыми, образует такой материал, который требует от занимающихся геологией несколько лет усердных занятий для полного ознакомления с ними.

Каждый крупный раздел физики — звук, теплота, свет, электричество — содержит такое множество фактов, которое способно привести в ужас всякого, кто собирается изучить их все.

Когда же перейдем к наукам об организмах, то увидим, что тут требуется еще большее напряжение памяти. Одна анатомия человека включает в себя такую массу подробностей, что молодому медику нужно пройти ее раз шесть, чтобы удержать все в памяти.

Число растительных видов, известных ботаникам, доходит до 320 тысяч. Разнообразных же форм животной жизни, которые изучает зоолог, насчитывается до двух миллионов.

Людям науки приходится иметь дело с такой обширной массой фактов, что они могут браться за их изучение только с помощью разделения и подразделения труда. Подробно изучая какой-нибудь отдел, каждый присоединяет к нему лишь общие сведения по другим родственным ему отделам и, может быть, кое-какие элементарные познания из других предметов.

Следовательно, наука, разрабатываемая даже в очень ограниченных размерах, представляет достаточное упражнение для памяти. Короче говоря, она — такое же хорошее средство для развития этой способности, как и языки.

Заметьте, однако, что, представляя для упражнения памяти такое же хорошее, если только не лучшее, средство, что и языки, естественные науки имеют над ними огромное преимущество в том, что развивают память совсем иного свойства.

При изучении языка устанавливаемая в уме связь между идеями соответствует по большей части случайным фактам, тогда как при изучении науки устанавливаемая в уме связь между идеями соответствует большей частью необходимым фактам.

Правда, отношения между словами и их значением в некотором смысле естественны. Генезис этих отношений может быть прослежен довольно далеко, хотя редко может быть доведен до начала, а законы этого генезиса образуют особую ветвь науки о душевных явлениях — филологию.

Но если при обычном способе изучения языков выясняются отношения между словами и их значением, если и изучаются законы этих отношений, надо сознаться, что они обычно изучаются как случайные отношения. Напротив того, отношения, представляемые наукой, суть причинно-следственные связи, и если они правильно изучаются, воспринимаются учащимися как тавульные. Тогда как язык знакомит с отношениями нерациональными, наука знакомит с рациональными отношениями. Один упражняет только память, другая — и память, и ум.

Заметьте также, что одним из великих преимуществ науки над языком как средством умственной дисциплины служит то, что она развивает способность суждения.

Как хорошо заметил профессор Майкл Фарадей на одной лекции об умственном воспитании, прочитанной в Королевском институте, самый обычный недостаток в умственном отношении — это отсутствие способности суждения. «Говоря вообще, — отметил он, — общество не только невежественно относительно развития способности суждения, но оно также невежественно и по отношению к своему невежеству». И причина, которой он приписывает подобное состояние, заключается в отсутствии научного образования.

Правдивость такого вывода очевидна. Правильное суждение об окружающих предметах, событиях и последствиях возможно только при знании того, в какой зависимости находятся между собой окружающие явления.

Никакое обширное знакомство со значением слов не может обеспечить правильного понимания причин и следствий. Способность правильного суждения может дать только привычка выводить заключения из данных и проверять эти заключения наблюдением и опытом. А одним из огромнейших преимуществ науки служит то, что она воспитывает эту привычку.

Наука служит лучшим средством не только для умственной дисциплины, но также и для моральной.

Ф **Слово образование (образовывание)** достаточно точно передает значение онтологических процессов: мир и человек создаются по образу и подобию своей бытийной сущности. Без образа (образца) человек и мир «без'образны», «безоб'разны».

В качестве части целого человек, общество, природа обращают мироздание и образовываются согласно его закономерностям. Образование как всеобщая развивающая форма существования онтоса толкуется не как привычное обучение и воспитание, не как просвещение или педагогическая поддержка (тиутерство), а как калька с немецкого «Bildung» — образование в смысле образовывания (созидания, творения по определенному образу, форме) человека и мироздания.

Изучение языков, если и стремится к чему, так только к усилению и без того непомерного преклонения перед авторитетом. Значение слов таково-то и таково-то, говорит учитель или словарь. Правило в этом случае таково-то и таково-то, говорит грамматика. Ученик принимает эти изречения как неоспоримые истины. Постоянное состояние ума его — это подчиненность догматической науке. И как необходимый результат всего этого является наклонность принимать все установленное без разбора.

Научное образование дает совершенно противоположное направление уму. Наука постоянно обращается к индивидуальному разуму. Истины ее принимаются не как догматы авторитетов. Всякий, кто хочет, может проверить их. Мало того, от учащегося во многих случаях требуется, чтобы он сам делал выводы.

В научном исследовании каждый шаг предлагается на его обсуждение. Ученика не побуждают принимать научные истины без проверки. Получаемая таким образом уверенность в своих силах подкрепляется впоследствии еще больше той неизменностью, с какой природа подтверждает его выводы, если только они сделаны правильно.

Все это дает независимость, составляющую столь ценную черту человеческого характера.

И это моральное благо, доставляемое научным образованием, не единственное.

Если только образование ведется как следует, в форме самостоятельного исследования, оно развивает устойчивость и искренность.

«Оно требует терпеливого усердия и скромного, добросовестного восприятия того, что открывает нам природа», — говорит про индуктивное исследование профессор Джон Тиндалль. «Первое условие успеха — это честное восприятие и готовность отказаться от всяких предвзятых, хотя бы и излюбленных мнений, если только окажется, что они противоречат истине. Поверьте, что личным опытом истинного приверженца науки нередко руководит самоотверженность, которая имеет в себе нечто благородное и о которой не слыхивали в свете».

Нам остается теперь указать на то, — и это указание вызовет, без сомнения, крайнее удивление, — что естественнонаучное образование выше обычновенного еще и потому, что дает религиозное развитие.

Разумеется, слова религиозный и научный мы употребляем здесь не в их обычном, узком смысле, а в более широком и высшем значении. Без сомнения, наука враждебно относится к тем суевериям, которые выдаются за религию, но не к той существенной религии, которую только заслоняют собой эти суеверия. Без сомнения, много неглубоких расхожих наук отличается антирелигиозным духом, но этого нет в истинной науке, которая не скользит только по поверхности, а забирается вглубь.

«Истинная наука и истинная религия — близнецы между собой, — сказал профессор Т.Г.Гексли, заканчивая курс своих лекций, — и разлучить их значит, наверно, обеим им причинить смерть. Наука процветает пропорционально тому, насколько она религиозна. Процветание же религии прямо пропорционально научной глубине и твердости ее основания. Великие деяния философов — плоды не столько их разума, сколько того направления, какое получает разум благодаря высшей степени религиозного состояния духа. Истина открылась скорей перед их терпением, любовью, искренностью и самоотверженностью, чем перед проницательностью их логики».

Таким образом, не наука антирелигиозна, как полагают многие, а пренебрежение к науке, нежелание изучать окружающий мир.

Сделаем самое скромное сравнение. Положим, писателя приветствуют ежедневно и превозносят в самых похвальных выражениях. Положим, что постоянным предметом похвал, обращенных к нему, служат мудрость, величие и красота его произведений. Положим, что эти люди, расточающие непрестанные похвалы его произведениям, довольствовались бы только тем, что смотрели на них, никогда бы не раскрывали их и даже не пытались бы уяснить себе их. Какое значение можем мы придавать их похвалам? Что мы должны думать об их искренности?

Однако же, переходя от малого к большому, мы видим, что именно так большинство людей ведет себя по отношению к Вселенной и ее причине.

Даже хуже. Люди не только проходят без внимания мимо тех предметов, которые они ежедневно восхваляют и провозглашают чудесными, но осуждают тех, кто предается наблюдениям над природой. Они смеются над теми, кто высказывает живой интерес к этим чудесам.

Не наука, повторяем, а пренебрежение к науке антирелигиозно. Преданность науке есть молчаливое поклонение, молчаливое признание достоинства изучаемых предметов, а следовательно и их причины. Это почитание не на словах только, но и на деле, почитание, которое не провозглашается только, но которому приносится в жертву и время, и мысль, и труд.

Существенная религиозность истинной науки заключается не только в одном этом. Она религиозна еще и тем, что вызывает глубокое уважение к единобразию проявлений всех объектов природы.

Путем накопления опыта человек науки приобретает глубокую веру в неизменных отношениях явлений, в постоянной связи между причиной и следствием, — веру в необходимость хороших или дурных результатов.

Ф Сейчас в обществе наметились две крайности в отношении к религии и обе — ненаучные. Одна — безоговорочное признание истинности религии, восстановления ее места в обществе, введение преподавания религии в учебных заведениях, хотя это противоречит установленным законам. Вторая — полное отрицание «религиозного мракобесия», отрицание всего положительного, что внесла религия в развитие человеческого духа.

Гуманитаризация образования предполагает особое, по Платону, компетентное изучение философских, естественнонаучных и технических наук, понимание предметной сути религии и атеизма. Как следует из законов объективности и целостности образования, принципа единства человека и мира, профessionализма и нравственности, эти дисциплины невольно должны содержать в себе онтологические смыслы во всех их аспектах, быть пронизаны духом нравственности, обращены на человека, соотносимы с гуманистическим смыслом, с природой, сущностью человека и мировой цивилизации.

Вместо наград и наказаний традиционных верований, которые смутно надеются получить или избежать люди, несмотря на свою неправедность, человек науки видит награды или наказания в установленном порядке вещей; он видит, что дурные результаты неповиновения законам неизбежны.

Он видит, что законы, которым мы должны подчиняться, в одно и то же время и неумолимы, и благодетельны. Он видит, что при соблюдении их всякая вещь идет по пути высшего совершенства и высшего счастья.

Поэтому он всегда стремится соблюдать их и негодует, когда их попирают. Таким образом, признавая вечные причины вещей и необходимость повиноваться принципиальным законам, он доказывает этим свою собственную сущностную религиозность.

Наконец, религиозные свойства науки проявляются еще и в том, что она одна может дать нам истинное понятие о самих себе и об отношениях к тайнам бытия.

Открывая перед нами все, что мы можем знать, она указывает в то же время границы, за пределами которых мы ничего не можем знать. Не догматическими рассуждениями убеждает она нас в невозможности постичь конечную причину вещей. Она ясно доказывает нам эту невозможность, по всем направлениям открывая перед нами границы, перешагнуть через которые мы не можем.

Наука показывает нам, как ничто другое не в силах показать ничтожество человеческого разума перед тем, что превышает этот разум.

В то время, как ее отношение к традициям и авторитетам, может быть, и гордое, к непроницаемой завесе, скрывающей абсолютное, она относится с полным смириением. Это — истинная гордость, истинное смириение.

Одни только искренние люди науки (под этим титулом мы разумем не вычислителей расстояний, не анализаторов сложных тел и не определителей видов, а тех, кто с помощью низших истин отыскивает высокие, даже наивысшие), только истинные люди науки, говорим мы, могут действительно познать, насколько выше пределов не только человеческого знания, но даже понимания лежит та мировая сила, проявлением которой служат природа, жизнь и мысль.

В заключение мы можем сказать, что как для умственной дисциплины, так и для направления нашей деятельности естественные науки представляют неоценимое и неоцененное средство. Во всех отношениях изучение смысла вещей лучше изучения слов. Как для умственного, так и нравственного и религиозного развития изучение окружающих явлений несравненно выше изучения грамматик и словарей.

Ответ на вопрос. Таким образом, на поставленный нами вопрос — какие знания важнее всего? — неизменным ответом будет: естественнонаучные знания. Это — вердикт по всем пунктам.

Для непосредственного самосохранения, для поддержания жизни и здоровья важнейшим знанием служат естественные науки.

Для того, что мы называем добыванием средств к существованию, — самым ценным знанием являются естественные науки.

Для надлежащего управления родительских обязанностей истинным руководством служат только естественные науки.

Неизбежным ключом к уяснению национальной жизни, прошлой и настоящей, без которого гражданин не может правильно регулировать свою деятельность, служит социологическая наука.

Точно так же и для совершенного творчества, а также для наслаждения искусством во всех его формах необходимой подготовкой опять-таки служит наука.

Для умственного, нравственного и религиозного развития самым действенным средством служат все те же науки.

Вопрос, казавшийся столь сложным вначале, по мере рассмотрения сравнительно упростился.

Нам нечего разбирать теперь степень важности различных отделов человеческой деятельности и рассматривать, какие занятия более всего подготавливают нас к ним, раз мы убедились, что изучение наук, в наиболее обширном значении этого слова, служит лучшей подготовкой для всякого рода деятельности.

Нам нечего взвешивать преимущества знания, имеющего крупное, хотя и условное значение, над тем знанием, которое имеет меньшее, но существенное значение, раз мы убедились, что наиболее важным знанием является такое знание, которое важно во всех отношениях.

NB Изучая «науку жизни», человек воспитывает в себе такие качества, как высокая активность в своем виде деятельности, творческие подходы, стремление создать новое и сделать лучше, чем другие, ответственность за свою деятельность перед собой, перед людьми, стремление к постоянно му самосовершенствованию. Эти качества могут быть присущи, например, как токарю, так и инженеру. В школе это проявляется как ответственность за учебу, стремление знать больше и лучше, переживание за свой коллектив, лидерство, патриотизм, переживание за судьбу своего отечества.

Ценность его не зависит от общественного мнения. Оно так же постоянно, как постоянно отношение человека к окружающему миру. Необходимые истины науки касаются всего человечества во все времена. Как в настоящее время, так и в отдаленном будущем людям всегда будет бесконечно важно для урегулирования своей деятельности понимать науку жизни, физической, умственной и социальной, и принимать всякую другую науку как ключ к этой науке жизни.

А между тем на это знание, по своей важности неизмеримо превосходящее всякое другое, почти не обращается никакого внимания в наш век хватливого просвещения.

Без науки не могло бы никогда возникнуть того, что мы называем цивилизацией, и в то же время эта самая наука составляет еле заметный элемент в нашем так называемом цивилизованном образовании. Прогрессу науки мы обязаны тем, что там, где находили себе пищу тысячи, теперь находят ее миллионы, и тем не менее из этих миллионов только несколько тысяч чтут кое-как то, что дало возможность им существовать.

Возрастающее знание свойств и отношений предметов между собой не только дало возможность кочевым племенам соединиться в многолюдные нации, но и доставило бесчисленным членам этих многолюдных наций удобства и удовольствия, о которых даже не знали и не воображали их голые предки.

Между тем эта область знания только теперь начинает получать надлежащую оценку в наших высших воспитательных учреждениях. Медленно возрастающему знакомству с постоянством и следствиями явлений, установлению неизменных законов обязаны мы освобождением от суеверий. Без науки мы и до сих пор поклонялись бы идолам и умилостивляли бы дьявольские силы грудами жертв. А между тем эта самая наука, которая дала нам возможность взамен унизительных понятий об окружающих предметах вникнуть в величие мироздания, подвергается гонению в богословских сочинениях и громится с высоты проповеднических кафедр.

Перефразируя одну восточную сказку, мы можем сказать, что в семье разных знаний наука является Золушкой, скрывающей во мраке непризнанные достоинства. На нее взвалены все работы, посредством ее ловкости, ума и преданности добываются всякие удобства и удовольствия. И в то время, как она прислу-

живает всем, ее держат на задворках для того, чтобы ее высокомерные сестрицы могли щегольнуть перед светом своими обветшальными тряпками.

Сравнение идет еще дальше. Мы очень быстро идем к развязке, когда положения должны измениться: высокомерные сестрицы погружаются в бездну заслуженного пренебрежения, а наука, провозглашенная первой за свои достоинства и красоту, будет царствовать над всем.

Глава II. УМСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Перемена во взглядах. Не может не быть причинной связи между развитием систем образования и существующими в одно с ними время стадиями общественной эволюции. Образовательные учреждения каждой эпохи, каковы бы ни были их специальные функции, должны носить в себе черты семейного сходства, поскольку они происходят из одного общего источника — национального духа.

В те времена, когда люди получали свои верования и их толкования от непогрешимого авторитета, не снисходившего даже до объяснений, очень естественно, что и обучение детей было чисто догматического свойства. В те времена правилом церкви было: «Веруйте и не допытывайтесь». Школе тоже было удобно выставлять такое правило.

Теперь же, напротив, когда протестантизм отвоевал для взрослого человека право личного суждения и упрочил практику обращения к разуму, произошли соответствующие изменения и в обучении молодежи. Образование превратилось в такую систему объяснений, которая обращается к рассудку молодежи.

Наряду с политическим деспотизмом и строгими заповедями, наряду стиранием, которая управляла силой террора, карала пустые преступления смертью и беспощадно мстила вся кому неподкорному, необходимо должна была развиться и школьная дисциплина. Она была столь же неумолима, с бесчисленными предписаниями и наказаниями за малейшие нарушения этих предписаний. Это была дисциплина неограниченной автократии, поддерживаемая розгами, ударами линейкой и карцером.

С другой стороны, усиление политической свободы, уничтожение законов, стесняющих индивидуальную деятельность, усовершенствование уголовного кодекса сопровождались различными явлениями прогресса на пути уничтожения принудительного обучения. Учащийся не опутывается уже такими ограничениями, а для того чтобы управлять им, прибегают не к наказаниям, а к другим средствам.

В те аскетические времена, когда люди в основу своих действий клали принцип страдания, когда они полагали, что чем больше будут лишать себя удовольствий, тем будут добродельнее, лучшим воспитанием они, разумеется, считали то, которое

больше всего шло наперекор желаниям детей. Всякую самостоятельную деятельность пресекали запретами.

Теперь же, напротив, когда счастье начинают признавать законной целью жизни, когда сокращаются рабочие часы и заботятся о народных развлечениях, родители и воспитатели склонны думать, что многие детские желания имеют право на удовлетворение. Детские забавы поощряются, и в наклонностях детской души не находят ничего бесовского, как раньше.

В прежние времена, когда полагали, что всякую промышленность и торговлю надо обставлять льготами и запрещениями, что необходимо предписывать фабрикантам качество, количество и цену товаров, что денежная валюта должна быть установлена законом, тогда излюбленной идеей неизбежно служило мнение, что детский ум можно сформировать по заказу, что способности души зависят от учителя, что ум есть приемник, куда вкладываются знания и затем отливаются в форму, сообразную с идеалом учителя.

В нашу эпоху свободной торговли и промышленности мы убеждаемся, что все регулируется само собой гораздо успешнее, чем полагали. Труд, торговля, земледелие и судоходство гораздо лучше обходятся без всяких правил. Действительно эффективное политическоеправление развивается изнутри, а не налагается извне.

Естественно, что в нашу эпоху люди видят, что и в умственном развитии существует также естественный процесс, который нельзя нарушать безнаказанно, что не следует развивающемуся уму навязывать искусственные формы, что психология тоже заключает в себе закон спроса и предложения, с которым и следует сообразоваться, если мы не хотим принести вред.

Таким образом, старый воспитательный строй, как по своему оракулоподобному догматизму, так и по суровой дисциплине, по многочисленным ограничениям, явному аскетизму и вере в вымыслы, был совершенно подобен современной ему образовательной системе. И наоборот, наши современные способы образования соответствуют более либеральным политическим и религиозным учреждениям.

Существуют и другие параллели, о которых мы еще не упоминали, а именно — подобие между процессами, которые привели к этим переменам, и стадиями разнородных мнений, к которым они привели.

Несколько веков тому назад существовало единообразие в убеждениях религиозных, политических и воспитательных. Все были католиками, все были монархистами, все были приверженцами Аристотеля. Никому и в голову не приходило подвергнуть критике ту школьную рутину, под властью которой воспитывались все.

Это единомыслие сменилось, в силу одних и тех же причин, постоянно возрастающим разнообразием.

Возникла и нарастала тенденция к утверждению прав личности, та самая, которая содействовала проявлению великого про-

тестантского движения, а после того способствовала развитию все возрастающего количества сект. Именно это направление развития положило начало политическим партиям, и из двух первоначальных партий выработало в настоящее время целую массу, с каждым годом все увеличивающуюся.

Эта тенденция привела к бэконовскому возмущению против господствовавшей тогда школьной рутине и породила в Англии и других странах множество новых систем мышления. И в образовании она вызвала разногласия и массу различных методов обучения.

Как внешние следствия одной и той же внутренней перемены, эти процессы должны были наступить более или менее одновременно. Упадок папского авторитета, философского, королевского и педагогического, в сущности — одно и то же явление. Во всех своих видах стремление к свободе действия проявляется как в выработке самих перемен, так и в выработке новых форм теории и практики, начало которым дала эта перемена.

Настоящая стадия — переходная. Быть может, кто-то жалеет о том, что размножилось такое количество разных систем образования молодежи. Широко мыслящий наблюдатель видит в этом прочное средство для окончательного утверждения рациональной системы.

Что бы ни говорили о богословском расколе, раскол в воспитании облегчает в конце концов исследование истины путем разделения труда.

Обладай мы истинным методом обучения, разногласия были бы, разумеется, предосудительны. Но так как в действительности единого правильного метода еще не найдено, то усилия множества независимых исследователей, ведущих свои исследования в разнообразных направлениях, представляют такое хорошее средство для нахождения этого метода, что лучшего нельзя и придумать.

Каждый из них осенен какой-нибудь новой мыслью, по всей вероятности, более или менее опирающейся на факты. Каждый ревностно добивается приведения в исполнение своего плана. У них обилие способов, как проверить его правильность. Они неутомимы в усилиях обнародовать успехи своего плана. Каждый беспощаден в своей критике всех остальных систем.

Соединенные усилия эти не могут не приближаться постепенно к настоящему пути.

Какая бы частица эффективного метода ни была открыта кем-нибудь, она поневоле должна, в конце концов, вследствие постоянного обнаружения своих результатов, войти в употребление.

Всякие неверные приемы благодаря постоянному опыту и неудачам должны быть непременно исключены.

Путем такого сочетания истин и удаления ошибок должна быть действительно выработана правильная и полная система образования.

Из трех фаз, через которые проходит человеческое мнение, — единодушие невежественных, разногласие пытливых и единодушие мудрых, — вторая ступень несомненно служит родоначальником третьей фазе. Они последовательны не только по времени, но и по причинам.

Мы не особенно терпеливо наблюдаем настоящий конфликт образовательных систем, сопровождающие его издергки сильно нас огорчают.

Тем не менее мы не можем не сознавать, что этой переходной стадии миновать нельзя и что она благотворна по своим коучным результатам.

А до тех пока пор разве мы не можем подвести итоги нашему прогрессу? После пятидесяти лет рассуждений, опытов и сравнений результатов не вправе ли мы ожидать, что сделано уже несколько верных шагов по направлению к цели?

Некоторые устарелые методы успели уже за это время выйти из употребления; некоторые новые утвердились, а многие другие находятся на пути к утверждению или к общему осуждению.

В этих разнообразных переменах, взятых вместе, мы можем, вероятно, найти некоторые общие характерные черты. Мы можем найти в них общее стремление к определенной цели и продуктивно найти направление, по которому ведет опыт. Таким образом можем мы достичь дальнейших улучшений.

Прежде чем переходить к более глубокому рассмотрению вопроса, бросим предварительно взгляд на главные различия между теперешним воспитанием и прежним.

Упадок механистического метода. Устранение всякой ошибки обычно сопровождается времененным появлением другой, противоположной. Так вышло и здесь. После эпохи, в которой главной целью ставилось физическое развитие, явилась эпоха, когда единственной заботой стало развитие ума, когда детям от двух до трех лет совали в руки учебники и единственной необходимостью считалось приобретение знаний.

Далее, как это всегда бывает, каждая из этих реакций сопровождалась противоположными ошибками и, наконец, сознанием, что всякая истина имеет две противоположные крайности. Таким образом, мы приходим теперь к убеждению что заботиться надо как о теле, так и о душе, и что надо развивать всего человека.

От системы ускоренного развития многие отказались. Раннее развитие перестало прельщать. Люди начинают убедиться, что для человека первое условие успеха в жизни здоровым и сильным.

Высший ум мало приносит пользы, если нет достаточного количества энергии, чтобы приводить его в действие. Приобретать одно ценное принесения в жертву другого источника считается теперь безумием, — безумием, которое в достаточной степени иллюстрируется постоянными печальными примерами скоропелой молодежи. Постепенно мы убеждаемся в мудрости того

изречения, которое гласит, что весь секрет воспитания заключается в умении «тратить разумно свое время».

Общепринятая манера заучивания наизусть с каждым днем теряет свою силу. Все современные авторитеты осуждают ста-ринный механический способ преподавания азбуки. Таблицу умножения теперь нередко выучивают практическим способом. Прежняя гимназическая система изучения языков сменилась новой, основанной на том неосознаваемом процессе, следя которому ребенок усваивает родной язык.

В отчете одной учительской семинарии так описываются употребляемые там методы: «Обучение на подготовительном курсе преимущественно устное и по возможности подкрепляется ссылками на примеры, взятые из природы».

Так и везде. Система зазубривания, подобно всяkim другим системам своего времени, придавала больше значения формам и символам, чем тому, что изображалось ими. Повторить слова в точности значило все, а уяснение их смысла не ставилось ни во что. Таким образом, дух приносился в жертву букве.

Наконец люди поняли, что чем больше внимания отдается знакам, тем меньше уделяется внимания тому, что они обозначают. Или, как давно еще сказал Мишель Монтень: «Выучить наизусть еще не значит выучить».

Наряду с системой механического запоминания падает также и родственное ей обучение с помощью правил. Сначала — частности, а потом обобщения. Этот новый метод, по словам отчета той же семинарии, оказался правильным, как показал опыт, «хотя он совершенно противоположен тому, которому следовали раньше и который состоял в сообщении учащемуся прежде всего правил».

Обучение с помощью правил отвергается теперь как дающее чисто эмпирические знания, дающее только кажущееся понимание без всякой реальной подкладки. Найдено, что давать чистый результат исследования без самого ведущего к нему исследования — недейственно и только расстраивает нервную систему.

Чтобы общие истины приносили надлежащую и постоянную пользу, они должны быть добыты. «Что легко приходит, то легко и уходит» — говорит пословица, приложимая как к богатству, так и к знаниям.

Правила, запечатленные в уме без всякой связи с содержанием, из которого они получены, постепенно утрачиваются памятью. Принципы же, частичным выражением которых служат эти правила, становятся прочными приобретениями, как только они усвоены разумом.

Молодой человек, зазубривший правила, всякий раз становится в тупик, как только забывает эти правила. Тогда как юноша, усвоивший принципы, разрешает всякий новый случай столь же хорошо, как и старый.

Между умом, который знает только правила, и умом, которому известны принципы, существует такая же разница, как между

беспорядочной грудой материала и тем же материалом, организованным в одно полное целое, части которого имеют общую связь.

Из этих двух типов последний имеет преимущество над первым потому, что обуславливающие его части лучше удерживаются в памяти. Но это преимущество обязано главным образом тому, что он дает в руки учащемуся существенное орудие для исследования, орудие для независимого мышления, для открытий, для всего того, для чего первый тип знаний совершенно бесполезен.

Не думайте, что это только сравнение: это буквальная истина. Соединение фактов в обобщении есть организация знаний, рассматриваемых как объективные или субъективные явления. Сила ума измеряется широтой, до какой доведена эта организация.

Возникновение новых методов. Следствием замены правил принципами стала необходимость оставлять все отвлеченные до той поры, пока ум не ознакомится подробно с теми фактами, из которых выведены эти отвлечения. Результат получился такой, что стали откладывать некоторые занятия, которые прежде начались очень рано.

Примером служит устранение в высшей степени нелепой привычки обучать детей грамматике. Вот что говорит Клод Марсель*: «Можно утверждать не колеблясь, что грамматика не входная ступень, а орудие отделки».

Известные своими работами по воспитанию авторы рассуждают так. Грамматика и синтаксис — это собрание законов и правил. Правила выводятся из практики; они — результаты индукции, к которым мы приходим после долгого наблюдения и сравнения фактов.

В конце концов — это наука, философия языка. Следуя естественному процессу развития, ни отдельные индивидуумы, ни нации никогда не начинают прямо с науки. Разговорный язык и писание стихов существовали тогда еще, когда и не думали ни о грамматике, ни о просодии.

Люди рассуждали, не дожидаясь, пока Аристотель составит свою логику.

Так как грамматика появилась после языка, то ее и преподавать следует после языка, — вывод неизбежный для всех, кто признает связь между историческим развитием и развитием индивида.

Из новых приемов, развившихся во время упадка старых, самым важным является тот, который выразился в систематической обработке наблюдательной способности человека.

*Клод Марсель долгое время пробыл французским консулом в Англии. Он издал на английском языке сочинение «Язык как средство умственного развития и международного общения». Он неоднократно излагал свои мысли о преподавании языков и свои принципы воспитания.

После долгих веков ослепления люди начинают, наконец, убеждаться в том, что самопроизвольная деятельность наблюдательной способности у детей имеет смысл и приносит пользу.

То, что прежде считалось бесполезным делом, забавой или вредом, смотря по обстоятельствам, — теперь признается способом приобретения знаний, на котором основываются все дальнейшие знания. Отсюда прекрасно задуманная, но пока плохо выполняемая система предметных уроков.

Изречение Фрэнсиса Бэкона, что физика* мать всех наук, приобрело значение и в образовании. Без точного знакомства с видимыми и осязаемыми свойствами предметов наши понятия должны быть ошибочны, выводы ложны, действия безуспешны.

Раз воспитание чувств находится в пренебрежении, все последующее образование носит на себе отпечаток вялости, туманности и незаконченности, от которых невозможно избавиться.

Если мы вникнем в сущность вопроса на самом деле, то увидим, что элементом всякого крупного успеха служит глубокая наблюдательность.

Она необходима не одним только художникам, натуралистам и людям науки. От нее зависит не одна только правильность медицинского диагноза. Она нужна не одному только инженеру, который для приобретения ее должен провести несколько лет в мастерской.

Мы можем сказать, что и философ — также фундаментальный наблюдатель. Он подмечает связь там, где другие ее не видят.

И поэт тоже видит в природе факты прекрасного, которые признаются другими только тогда, когда им на них укажут, а до тех пор остаются незамеченными. Ни на чем не следует так настаивать, как на важности живых и полных впечатлений. Никакой здравый смысл не может быть соткан из гнилого сырья.

Когда стал выходить из употребления старый метод представления истин в отвлеченной форме, появился новый метод конкретного представления истин. Элементарные факты точных наук изучаются теперь непосредственным созерцательным, интуитивным способом, как изучаются ткани, вкусы и цвета.

Примером тому служит введение в первоначальные уроки арифметики счетов с шариками. Хорош также способ объяснять десятичную систему, выводя соотношения между количествами экспериментальным путем. Введение географических моделей, моделей правильных тел и пр. при начальном изучении географии и геометрии — факты того же порядка.

Общей чертой подобных методов явным образом служит то, что они ведут детский ум через такой же процесс, какой пройден был умом всего человечества, взятого вместе. Истины, касающиеся чисел, формы, отношения положений, выведены были пер-

*Слово *физика* употребляется здесь в самом широком значении, как синоним науки о природе вообще.

воначально из наблюдений над предметами. Представить ребенку эти истины в конкретной форме — значит заставить его изучить их, как изучало их все человечество.

Мало-помалу, быть может, и убедятся в том, что преподавать их иначе невозможно. Если ребенка и заставляют повторять их в виде абстракций, то эти обобщения не имеют для него ровно никакого смысла до тех пор, пока он не убедится в том, что они суть не что иное, как выражения усвоенного им интуитивным путем.

Самой важной из всех происшедших перемен является стремление сделать приобретение знаний приятным, а не тягостным. Это стремление основано на более или менее ясном сознании того, что игровая деятельность, приятная ребенку в известном возрасте, есть в то же время и здоровая для него, и наоборот.

Распространяется взгляд, что проявление наклонности у ребенка к какому-нибудь роду познаний указывает на то, что ум его развился настолько, что может усвоить их, что они нужны ему для дальнейшего развития.

С другой стороны, нерасположение к какому-нибудь роду знаний есть признак того, что они или предлагаются преждевременно, или же предлагаются в неудобоваримой, невразумительной форме.

Отсюда появились тенденции превратить начальное образование в забаву и сделать всякое воспитание интересным. Отсюда — лекции о значении игр. Отсюда — защита детских стихотворений и волшебных сказок. С каждым днем мы все более и более приспособляем наши методы к детским взглядам. «Нравится ли ребенку тот или другой род занятий? Развивается ли у него охота к нему?» — спрашиваем мы постоянно.

«Любовь ребенка к разнообразию должна быть принята во внимание, — говорит Марсель. — Удовлетворение его любознательности должно быть соединено с пользой». «Уроки должны прекращаться, не дожидаясь того, когда ребенок станет обнаруживать симптомы утомления», — повторяет он опять.

То же самое и при дальнейшем образовании. Короткие перерывы в часы школьных занятий, экскурсии по окрестностям, занимательные лекции, хоровое пение — в таких или иных чертах обнаруживаются перемены. Аскетизм исчезает как из жизни, так и из воспитания.

Самая верная проверка истинности политического законодательства — стремление к доставлению людям счастья — начинает теперь в большой степени проявляться в уставах школы и нравах детской комнаты.

Природосообразный метод. Каков же общий характер всех этих различных перемен? Не нарастает ли тенденция к согласованию образования с идеей природосообразности?

Да! Доказательством этому служит отмена ускоренной системы раннего воспитания, против которой возмущается сама при-

рода, и предоставление ребенку в первые годы полной свободы в упражнении рук, ног и чувств.

Доказательством является замена бессмысленного заучивания системой устных уроков и экспериментальными методами — в поле и во время игр.

Доказательством служит отмена зубрежки правил и введение обучения посредством принципов, т.е. такой системы, в которой обобщения откладываются до той поры, пока не будут накоплены частности, служащие их основанием.

Доказательством служат предметные уроки.

Доказательством выступает элементарное знакомство с наукой в конкретной, а не абстрактной форме.

Но главным образом эта тенденция выражается в разносторонних усилиях представить науку в привлекательной форме и сделать таким образом приобретение знаний приятным.

В природе устроено так, что всякое удовольствие, сопровождающее удовлетворение необходимых функций, служит стимулом к их направлению. В период самовоспитания ребенок испытывает удовольствие в откусывании кораллов или в ломании игрушек — то и другое способствует усвоению свойств разных веществ.

Отсюда следует, что, располагая предметы и способы обучения так, чтобы они по возможности больше интересовали учащегося, мы исполняем в этом случае требование природы и приспособляем наши приемы к законам жизни.

Таким образом, мы находимся на пути к усвоению доктрины, давным-давно провозглашенной Песталоцци, что воспитание, как по своему плану, так и по методу, должно согласоваться с естественным процессом умственной эволюции. Что в самопроизвольном развитии способностей существует известная последовательность и что для развития каждой способности требуется известного рода знание. Наша обязанность — установить эту последовательность и дать эти знания.

Все вышеприведенные усовершенствования являются частичными приложениями этого общего принципа.

Смутное представление о нем существует теперь у большинства преподавателей. Этот принцип с каждым днем все больше и больше отвоевывает место в педагогических сочинениях.

«Природообразный метод — образец для всяких других методов», — говорит К. Марсель. «Жизненным принципом должно быть стремление дать ученику возможность самообразования», — пишет господин Уайз.

Чем более знакомит нас наука с природой вещей, тем более мы убеждаемся в присущей им внутренней самодостаточности. Высшее знание стремится постоянно ограничить наше вмешательство в процессы жизни.

В медицине старинные «героические» способы лечения уступили место более мягкому лечению, и даже нередко стало устраиваться всякое лечение за исключением нормального режима.

И в уходе за детьми мы пришли к убеждению, что нет надобности перевязывать тело ребенка какими-то бинтами или еще как-нибудь.

Относительно тюрем пришли к убеждению, что никакая хитро придуманная дисциплина не может сравниться в деле исправления с естественной дисциплиной самопомощи в виде производительного труда.

И в воспитании мы приходим к убеждению, что успех достигается только в том случае, если мы с помощью наших методов лишь способствуем тому самопроизвольному развитию, через которое проходит всякий ум на пути к зрелости.

Последовательность этапов в развитии способностей. Разумеется, никогда не забывался окончательно такой фундаментальный принцип образования, как расположение содержания и отбор методов согласно порядку эволюции и проявлений способностей. Этот принцип настолько ясный, что достаточно указать на него, чтобы почти убедиться в его истине.

Преподаватели неизбежно должны были в некоторой степени принаршивливать к нему свои предметы по той простой причине, что только при таком условии возможно воспитание. Мальчиков никогда не учили тройному правилу до тех пор, пока они не обучатся сложению. Их не сажали за письменные упражнения, пока они не привыкли еще списывать с прописи. Коническим сечением всегда предшествовал Евклид.

Но ошибочность старых методов заключается в том, что они не признавали всеобщеобязательного характера этого принципа.

А между тем принцип прилагается везде одинаково.

С того времени, как ребенок в состоянии уяснить себе относительное положение двух предметов, проходят годы до тех пор, пока он будет в силах составить себе надлежащее понятие о Земле как о шарообразной поверхности, состоящей из моря и суши, покрытой горами, лесами, реками и городами, о Земле, врашающейся вокруг оси и носящейся вокруг Солнца.

Ребенок постепенно переходит от одного понятия к другому, и переходные понятия последовательно расширяются и усложняются.

Не ясно ли отсюда, что существует общая последовательность, через которую необходимо пройти, что каждое понятие составляется из комбинаций других — меньших, предварительных понятий?

Почти столь же нелепо предлагать ребенку сложные понятия раньше того, как он овладел их элементами, сколь и давать общий вывод из целого ряда понятий раньше введения самых понятий.

Чтобы овладеть каким-нибудь предметом, надо пройти через последовательный ряд все расширяющихся, сложных идей.

Развитие соответствующих способностей заключается в усвоении этих понятий, что, собственно говоря, возможно лишь в том случае, если предлагать их в естественном порядке.

NB В настоящее время одной из важных задач средней общеобразовательной школы должно стать целостное развитие учащихся, воспитание у них высокой нравственности, общей культуры, верности духовным традициям российской культуры, ответственности за свою жизнь и жизнь других людей, формирование достоинства и доброты, правосознание, национальной и религиозной терпимости, уважения к ценностям демократического общества.

Если же этот порядок не соблюдается, в результате получается апатия и отвращение, и раз ученик недостаточно способен и не может сам пополнить пробела, понятия эти лежат в его памяти мертвыми фактами, очень мало или почти совсем не приносящими пользы.

«Но к чему нам вообще заботиться о каком-то порядке, об учебном плане?» — могут спросить.

Отчего не отдать детей всеселу во власть природной дисциплины? Не лучше ли относиться к этому пассивно и предоставить детям самим приобретать знания, как им удастся?

Отчего не быть последовательными до конца?

Ведь ум, подобно телу, имеет определенный ход развития, он созревает сам собой, и его потребности в тех или иных сведениях возникают тогда только, когда эти сведения требуются для его развития. Если таким образом в нем самом имеется стимул, побуждающий его в известное время к известного рода деятельности, к чему же нам еще вмешиваться?

Странные вопросы.

Допуская даже, что такая система полнейшей свободы является логическим выводом из изложенных посылок, она сама себя опровергает, сводя эти принципы к абсурду.

На самом деле доктрина природообразного воспитания и образования, если только ее правильно понимать, вовсе не приводит к таким невозможным выводам.

Стоит только бросить взгляд на природные явления, чтобы убедиться в этом.

Общий закон природы таков, что чем сложнее организация существа, тем дольше бывает период его зависимости от материнского организма в смысле питания и защиты.

Разница между крошечной, быстро формирующейся и самодвижущейся спорой и медленно развивающимся древесным семенем с его многочисленными оболочками и большим запасом питательного материала, отложенного для поддержания зародыша в первые периоды его роста, подтверждает закон этот в приложении его к растительному миру.

Среди животного царства мы можем проследить его в серии контрастов, начиная с одноклеточной инфузории, самопроизвольно явившиеся половинки которой столь же самостоятельны в момент разделения, как и первоначальное целое тело ее.

Что до человека, то потомок его проходит не только через долгий период внутриутробного развития и дальнейшей зависи-

мости от кормления грудью, и после того требует еще искусственно приспособленной пищи. А когда выучится есть сам, требует опять-таки, чтобы ему доставляли и хлеб, одежду, и приют, и только в период от пятнадцати до двадцати лет приобретает полную способность сам себя поддерживать.

Этот закон распространяется как на тело, так и на душу.

Относительно умственной пищи мы видим то же. Всякое высшее существо и в особенности человек находится сначала в зависимости от помощи взрослых.

Лишеннный способности передвигаться, ребенок столь же беспомощен относительно добывания материала для упражнения своих способностей, как и относительно добывания питания для своего желудка. Не имея возможности сам себе приготовить пищу, он точно так же не способен и многим знаниям придать удобоусвояемую форму.

Язык, путем которого приобретаются все высшие истины, и тот заимствуется им всесело от окружающих.

На примере дикого мальчика из Авейрона* мы видим, какая остановка в развитии происходит, когда отсутствует помощь со стороны родителей или посторонних лиц.

Таким образом, выбирая из дня в день подходящие факты, подготовляя их надлежащим образом и давая их в достаточном количестве и через известные промежутки, мы имеем полную возможность удовлетворить детскую душу в такой же степени, как и тело.

В том и в другом случае на родителях лежит обязанность обеспечить все необходимые для развития ребенка условия.

Родители исполняют эту обязанность, предоставляя пищу, одежду и кров, нисколько не касаясь ни порядка, ни способа самопроизвольного телесного развития ребенка.

Точно так же, доставляя ребенку звуки для подражания, предметы для рассматривания, книги для чтения, задачи для решения и не прибегая при этом ни к прямому, ни к косвенному принуждению, они могут делать это, нисколько не нарушая нормального процесса умственного развития или, скорее, даже облегчая его.

Таким образом, изложенные идеи вовсе не требуют, чтобы бросали обучение, как могут некоторые подумать. Напротив, они предоставляют широкое поприще для деятельной и тщательно выработанной системы образования.

Система Песталоцци. Переходя от общего к конкретному, следует заметить, что вряд ли система Песталоцци оправдала на

*Этого мальчика нашли в 1798 г. в Южной Франции, в Конском лесу (Авейрон); он жил там один, питался кореньями и плодами. Когда его нашли, ему было на вид лет 12, и окрестные крестьяне сообщили, что он блуждает по лесу лет уже семь. Его поместили в Парижскую школу глухонемых, но говорить он не научился, кроме самых обыкновенных слов и восклицаний.

практике свою теорию. Мы слышим, что дети вовсе не интересуются этими уроками, скорее питают к ним даже отвращение. Насколько нам известно, школы Песталоцци совсем не дали сколько-нибудь особенной череды выдающихся людей. Не знаю, достигли ли они даже среднего соотношения замечательных и простых людей.

Нас это не удивляет. Успех всякого приложения зависит главным образом от того, насколько разумно прилагается какая-нибудь система.

Давно известно, что, несмотря на самые лучшие инструменты, плохой рабочий только портит ими работу, а плохим преподавателям не в помощь и самые лучшие методы. На самом деле достоинства метода делаются в таких случаях источником неудачи.

Продолжая сравнение дальше, можно сказать, что совершенство орудия делается в неумелых руках источником несовершенства в результатах.

Простая, неизменная, почти механическая система обучения может быть приведена в исполнение самыми обыкновенными людьми, принося ту малую долю пользы, какую она в состоянии принести. Но такая сложная система, столь разносторонняя по своим приложениям, как разносторонен и ум по своим способностям, система, предлагающая специальные средства для каждой специальной цели, требует для приведения в исполнение таких сил, какими располагают немногие преподаватели.

Всякая учительница может обучать по складам; всякий учитель может вдолбить таблицу умножения. Но учить складам, не прибегая к названиям букв, а только к соответствующим им звукам, или учить делать вычисления с помощью экспериментального синтеза — для этого требуется известный ум.

Чтобы провести такую рациональную систему через последовательный ряд занятий, для этого нужен такой запас сообразительности, находчивости, разумного сочувствия и аналитической способности, которых нельзя и ожидать до тех пор, пока преподавательская должность будет находиться в таком пренебрежении.

Истинное философское образование может дать только истинный философ. Судите же, какая участь может ожидать теперь философский метод.

Зная так мало из психологии, как мы, при полном невежестве к тому же по этой части наших преподавателей, какого успеха можно ждать от системы, требующей в своей основе психологии?

Дальнейшие препятствия и разочарования возникли из того, что принцип Песталоцци смешали с той формой, в которую он был облечен. Так как отдельные планы не оправдали ожиданий, то и получилось недоверие к связанной с ними доктриной. Не проверили даже, согласовывались ли эти планы с самим учением Песталоцци.

Исходя по обыкновению из конкретной, а не из отвлеченной точки зрения, люди порицали теорию за неудачи на практике.

Это все равно, как если бы первые неудачные попытки построить паровую машину принятые были за доказательство того, что пар нельзя обратить в двигательную силу.

Не следует забывать, что, рассуждая правильно в своих основных идеях, Песталоцци делал не всегда правильные применения им. Даже по отзывам своих поклонников, Песталоцци был человек своеобразных взглядов, человек скорее случайных вспышек вдохновения, чем систематического мышления.

Его первый крупный успех в Станце был достигнут тогда еще, когда у него не было ни учебников, ни каких-либо других обычных средств обучения, когда «главное его внимание было обращено на то, чтобы уяснить, какие сведения особенно необходимы ребенку в тот или другой момент и как лучше связать эти сведения с приобретенным уже раньше знанием».

Главная его сила заключалась не в спокойно обдуманных планах образования, а в той глубокой симпатии, которую пробуждало в нем живое сознание детских нужд и затруднений. Он страдает отсутствием способности логически подчинять друг другу и развивать те истины, которые он время от времени брался защищать, в большинстве случаев он предоставлял это делать своим помощникам: Крюзи, Таблеру, Буссу, Нидереру и Шмидту.

В результате получилось, что его же собственные планы, а главное, планы, выработанные другими, носили на себе во многих местах отпечаток незрелости и несостоятельности.

Его метод, применимый к раннему детству и описанный в его «Руководстве для матерей», можно считать в сущности не соответствующим начальным стадиям умственного развития.

Его способ обучения родному языку посредством наглядных упражнений в разборе значения слов при построении фразы, совершенно бесполезен и отнимает у воспитанника только время, труд и радость.

Предложенные им уроки географии совершенно не соответствуют духу Песталоцци.

И в наиболее здравых местах планы его нередко то не закончены, то испорчены какими-нибудь остатками старых порядков.

Таким образом, защищая в общем доктрину, провозглашенную Песталоцци, мы полагаем, однако, что принимать без всякой критики его специальные методы было бы величайшим злом.

Человечество постоянно стремится канонизировать те формы и приемы, под видом которых людям завещана была какая-нибудь истина. Люди склонны повергать свой ум к ногам пророков и клясться каждым их словом. Они готовы принимать оболочку за саму идею.

Тем необходимее установить строгое различие между основным принципом системы Песталоцци и рядом приемов, придуманных для ее осуществления.

В то время как первый, можно утверждать, стоит совершенноочно, последние представляют не что иное, как плохие эскизы природообразного учебного курса.

На самом деле, присматриваясь к тому, в каком состоянии находятся наши знания, мы можем вполне убедиться в том, что это сущая правда.

Прежде чем приводить характер и порядок воспитательных методов в гармонию с характером и порядком развития способностей, надо вполне убедиться, каким образом развиваются эти способности.

До сих пор мы приобрели на этот счет лишь общие сведения. Эти общие сведения необходимо разработать в подробностях, необходимо превратить их в целую массу специальных знаний. Только тогда можно сказать, что мы овладели наукой, на которой построено искусство воспитания.

Потом, когда мы ясно определим, в каком порядке и в какой комбинации совершается деятельность умственных способностей, нам остается выбрать из той массы способов, какие существуют для упражнения каждой из этих способностей, наиболее соответствующие ее естественному образу деятельности.

Отсюда ясно, что наши самые усовершенствованные способы обучения не могут считаться правильными или хотя бы даже приблизительно правильными.

Принимая во внимание ту разницу, какая существует между принципом и практикой учения Песталоцци, и заключая из вышеизложенных доводов, что последнюю следует непременно признать неудачной, читатель вполне поймет недовольство, высказываемое некоторыми по поводу системы Песталоцци. Он увидит, что осуществление идеи Песталоцци еще только предстоит нам.

Так что же, осуществление природообразного образования в настоящее время невозможно? Что, все усилия должны быть направлены на предварительные исследования?

Нет! Хотя и нельзя требовать совершенства как относительно содержания, так и относительно формы того или иного плана образования до тех пор, пока не установлено рациональной психологии, тем не менее при помощи некоторых руководящих принципов, возможны эмпирические попытки приблизительно до достижения совершенного плана.

Чтобы подготовить к дальнейшему исследованию, мы и укажем теперь на эти принципы. Некоторые из них более или менее ясно вытекают из предшествующих страниц, но лучше, если мы перечислим их теперь все в логическом порядке.

Законы умственного развития. I. Что в образовании мы должны переходить от простого к сложному — это такая истина, с которой всегда соглашались до известной степени, хотя и бессознательно и во всяком случае непоследовательно.

Ум развивается. Подобно всему, что развивается, он переходит от однородного к разнородному; и всякая нормальная систе-

ма обучения, будучи объективным отражением этого субъективного процесса, должна заключать в себе такую же последовательность. Кроме того, объясняя ее подобным образом, мы можем убедиться, что эта формула имеет гораздо более широкое приложение, чем кажется с первого взгляда. Сущность ее требует, чтобы мы шли от простого к сложному не только в каждой отрасли знания, но чтобы мы поступали таким же точно образом и относительно знания в целом.

Так как ум развивает в себе сначала лишь некоторые способности, а затем прибавляет последовательно к ним другие, до тех пор пока не приведет свои способности в дружное действие, то отсюда следует, что и обучение должно начинать с некоторых лишь предметов, последовательно прибавлять к ним другие и в конце концов обнимать собой все предметы сразу. Не только в частностях воспитания должно идти от простого к сложному, но и в целом.

2. Развитие ума, как и всякое другое развитие, подвигается от неопределенного к определенному. Мозг, как и все остальное в организме, заканчивает свое развитие только по достижении человеком зрелости. Пока не закончено это развитие, в той же степени не хватает и определенности в его деятельности.

Отсюда следует, что первые понятия и мысли, подобно первым движениям и первым попыткам речи, крайне неопределены. Подобно тому, как из зачаточного глаза, отличающего только свет от темноты, развивается глаз, ясно различающий род и оттенки цветов и в точности определяющий подробности формы, так и ум в целом и в каждой из своих способностей, начиная с грубого различения предметов и действий, достигает постепенно в этом все большей ясности и точности.

С этим общим законом должны согласоваться наши образовательные курсы и методы.

Невозможно, да и нежелательно, если б даже было возможно, вбивать точные идеи в неразвившийся ум.

Правда, мы можем с ранних пор сообщить ребенку те словесные формы, в которые облечены эти идеи, и преподаватели, делая это, воображают, что раз эти словесные формы хорошо заучены, то и соответствующие им идеи усвоены как следует. Но самый краткий проверочный опыт доказывает противное. Выходит, что слова или заучены без всякого смысла, или смысл их получился очень туманный.

Ясные представления и точные понятия в структуре приобретаемых знаний только тогда становятся истинно усвоенными, когда накопившиеся опыты дают для них материал. Когда наблюдения из года в год раскрывают менее заметные свойства, отличающие предметы и процессы друг от друга и до того времени смешиваемые вместе. Когда каждый класс одновременно происходящих явлений и следствий становится понятным благодаря повторению относящихся сюда случаев. Когда все роды отношений ясно сформируются благодаря их взаимному разграничению.

Таким образом, в образовании мы должны вначале довольствоваться элементарными сведениями. Эти сведения мы должны постепенно пояснить, облегчая приобретение такого опыта, который способен исправить сначала самые крупные ошибки, а затем последовательно и менее важные. Научные же формулы следует предлагать только по мере усовершенствования понятий.

3. Говоря, что наши уроки должны идти от конкретного к абстрактному, мы этим как бы повторяем первый из вышеприведенных принципов. Тем не менее необходимо установить это правило хотя бы для того только, чтобы указать в некоторых случаях, что такое на самом деле сложное и что такое простое.

На этот счет, к несчастью, встречается недоразумение. Люди полагают, что их общие формулы, которые придумали они для выражения целых групп конкретных явлений и которые упростили понятия соединением многих фактов в один, должны упрощать также и понятия для ребенка.

При этом забывают, что обобщение только по сравнению с общей массой частных истин кажется простым. На самом же деле оно гораздо сложнее каждой из этих истин, взятых отдельно.

Обобщение тогда только облегчает запоминание и помогает рассуждению, когда приобретены уже многие из этих истин, а для ума, не обладающего этими отдельными истинами, такое обобщение непременно останется тайной.

Таким образом, смешивая эти два рода упрощения, преподаватели постоянно впадали в заблуждение и начинали дело с «первых принципов».

Этот прием хотя и незаметно, но существенным образом расходится с нашим первоначальным правилом, которое гласит, что принципы проводятся посредством примеров и должны, следовательно, идти от частного к общему — от конкретного к абстрактному.

4. Образование ребенка как по своему способу, так и по своему порядку должно согласоваться с образованием человечества в историческом смысле. Другими словами, происхождение знаний индивидуума должно идти по одному пути с происхождением всеобщего знания.

В сущности, можно считать, что этот принцип самоочевиден. И эволюция рода человеческого, и развитие отдельного человека должны подчиняться общим законам эволюции, значит, должны согласовываться друг с другом.

Тем не менее эта своеобразная параллель имеет значение ввиду тех руководящих принципов, которые она представляет. Указанием на нее мы обязаны, кажется, Конту, и мы можем принять этот пункт его философии, нисколько не обязуясь соглашаться с остальным его учением.

Это учение поддерживается двумя доводами, совершенно независимыми от всякой абстрактной теории. Чтобы установить ее, достаточно каждого из них в отдельности.

Можно доказать два факта: что историческая последовательность была в главных своих чертах необходима и что вызывающие ее причины применимы как к ребенку, так и к целому народу.

Достаточно указать здесь на то, что человеческий ум, находясь в кругу различных явлений и стараясь уяснить их себе, пришел, наконец, после бесконечных сравнений, размышлений, опытов и теорий, к настоящим своим знаниям по каждому предмету своей особенной дорогой. Отсюда следует логичный вывод, что отношение между умом и явлениями таково, что предупреждает приобретение этих знаний другим путем.

Кроме того, люди обнаруживают сходство с предками, как по внешнему виду, так и по характеру. Некоторые душевные явления, как, например, сумасшествие, обнаруживаются последовательно у членов семьи в одном и том же возрасте.

Существующее между национальными типами различие передается из века в век, а каждый из этих типов произошел от одного и того же общего корня, и замечаемое в настоящее время между ними различие обязано своим происхождением действию изменяющих условий на последовательные ряды поколений, из которых каждое передавало накопившийся материал своему потомству. Приводимые здесь факты верны и относительно всей природы человека, включая сюда и душевный строй.

Раз существует известный порядок, в котором человеческая раса восприняла различные знания, то и у ребенка должна развиваться известная способность к приобретению этих знаний в том же порядке.

Если б даже порядок этот и был по существу своему безразличен, то все-таки он облегчил бы дело воспитания, проведя индивидуальный ум через те ступени, через которые прошел ум всего человечества.

Но порядок этот вовсе не безразличен по существу своему; отсюда и является фундаментальное основание, почему образование должно быть повторением цивилизации в миниатюре.

Так как ум каждого ребенка стоит в одних и тех же отношениях к явлениям, то к этим явлениям не может быть доступа иначе, как только одним и тем же путем.

Следовательно, при выборе истинного метода образования руководящим началом может служить разбор пути развития цивилизации.

5. Одно из заключений, к которому приводит подобное исследование, выражается в том, что каждая отрасль образования требует, чтобы мы шли от эмпирического к рациональному.

Всякая наука развилась на пути человеческого прогресса из соответствующего ей искусства. Вследствие необходимости, в какую поставлена отдельная личность и целый народ, достигать абстрактного путем конкретного, науке должны предшествовать практическое знакомство с ее эмпирическими обобщениями и все возрастающий опыт.

Наука — это знания, приведенные в систему, а прежде чем привести в систему какие-нибудь знания, надо еще овладеть ими. Каждому научному занятию должно поэтому предшествовать чисто экспериментальное введение, и только тогда, когда накопится достаточный запас наблюдений, должно приступить к рассуждениям.

Наглядным примером приложения этого правила может служить то, что в теперешних курсах обучения грамматика фигурирует не до, а после изучения языка. Или то, что теперешняя система предполагает изучению перспективы практическое рисование. Мало-помалу мы укажем и на дальнейшие приложения этого правила.

6. Особенно по своей важности заслуживает внимания необходимость всячески поощрять процесс саморазвития в ходе образования.

Детей надо подводить к самостоятельным исследованиям, надо заставлять делать собственные выводы. Говорить им надо как можно меньше и как можно больше наводить на выводы.

Человечество двигалось по пути прогресса только посредством самообразования, и для того чтобы достичь лучших результатов, каждый ум должен поступать так же.

Это подтверждается выдающимся успехом, выпадающим обыкновенно на долю самостоятельно сложившихся людей. Кто воспитан по обычной системе школьного вталчивания, кто вынес убеждение, что воспитание возможно только в таком духе, тот сочтет бесполезным предоставлять детям обучаться самим.

Примите во внимание, что важнейшее знакомство с окружающими предметами приобретается ребенком в ранние годы без всякой помощи. Припомните, что ребенок сам научается родному языку.

Взвесьте весь тот жизненный опыт, всю ту внешкольную мудрость, какую сам собой приобретает всякий ученик. Обратите внимание на необычайную смывленость заброшенных уличных мальчиков и проявляемые ими способности в разносторонних направлениях. Подумайте также, сколько умов пробивают себе путь без всякой помощи не только через таинственные дебри наших нерационально выработанных программ, но и через тьму всяких других препятствий.

Стоит только расположить предметы в надлежащем порядке и надлежащей форме, и каждый учащийся с обычными способностями превзойдет последовательные трудности с самой ничтожной помощью.

Кто же на самом деле, видя постоянную наблюдательность, пытливость и любознательность, проявляемую ребенком, слыша его меткие замечания насчет предметов, не превышающих его способности, не придет к заключению, что если обнаруживаемые им способности систематически направить на занятия, их не превышающие, то он без всякой посторонней помощи быстро овладеет ими.

Эта потребность постоянного подсказывания происходит от нашей собственной глупости, а не от тупоумия ребенка. Мы отвлекаем ребенка от тех фактов, которые его интересуют и которые он деятельно усваивает сам по себе. Мы предлагаем ему факты, слишком сложные, которых он не может понимать, которые поэтому отталкивают его. Видя, что ребенок неохотно принимает эти факты, мы насилием втискиваем их в его ум путем угроз и наказаний.

Отказывая таким образом ребенку в знаниях, которых он жаждет, и пичкая его такими знаниями, усвоить которые он не в силах, мы вызываем у него болезненное состояние способностей и, как следствие этого, отвращение к науке вообще.

И когда ребенок, отчасти вследствие вызванной нами у него тупоумной лени, отчасти уже от неготовности к занятиям, без объяснений ничего уже не в состоянии понять и обращается в пассивного приемника нашего учения, мы заключаем отсюда, что образование следует вести непременно таким путем.

Вызвав своим методом беспомощность, мы ставим в основу нашего метода эту же самую беспомощность.

Отсюда ясно, что опыт педагогов не может служить опровержением той системы, которую мы защищаем.

Любой непредубежденный человек убедится, что мы во всем должны следовать методу самой природы, должны искусно принаршивливать ум ребенка к саморазвитию, как в раннем, так и в позднейшем возрасте. Только поступая так, можем мы вызвать высшую силу и деятельность ума.

7. Самой надежной проверкой какой-нибудь воспитательной системы должен быть вопрос: вызывает ли она интерес и приятное возбуждение учащихся?

В случае нашего сомнения относительно того, гармонирует или нет данный способ или порядок более, чем всякий другой, с вышеизложенными принципами, мы можем смело положиться на этот критерий. Даже когда предлагаемая система с теоретической точки зрения может считаться лучшей, мы должны отвергнуть ее, если только она не возбуждает интереса ребенка или возбуждает его в меньшей степени, чем другие.

Ибо умственные инстинкты ребенка гораздо более заслуживают веры, чем наши собственные рассуждения.

Относительно познавательных способностей мы должны верить общему закону, который говорит, что при нормальных условиях здоровая деятельность приносит удовольствие, тогда как нездоровая деятельность мучительна. Этому закону почти всецело подчиняется интеллектуальная природа, по крайней мере те области ее, которые проявляются ребенком.

Отвращение к тому или иному занятию, которое так бесит зурядного учителя, вовсе не врожденно, а является результатом неразумной системы. Фелленберг говорит: «Опыт показал мне, что леность молодежи совершенно противоречит их природной

наклонности к деятельности. Если она не следствие дурного воспитания, то почти неизменно бывает связана с каким-нибудь органическим недостатком».

Самостоятельная деятельность, к которой так склонны дети, есть просто-напросто стремление к тем удовольствиям, которые доставляет здоровое упражнение умственных способностей.

Правда, некоторые высшие способности, еще мало развитые в том или ином народе и в значительной степени наследуемые лишь самыми выдающимися лицами, не удовлетворяют предлагаемым им требованиям. Но они, в силу своей чрезвычайной сложности в нормальном образовательном курсе, подвергаются упражнению после других. К ним предъявляются требования не раньше, чем учащийся достигнет возраста, когда косвенное удовольствие может уравновесить прямое неудовольствие.

Относительно же всех остальных, менее высоких способностей можно сказать, что нормальным стимулом к их развитию служит непосредственно следующее за деятельностью удовольствие, и при хорошем ведении дела одного этого стимула бывает достаточно.

NB По существу Г. Спенсер пропагандирует гуманистическую задачу школы: обучение школьника, поддерживая и развивая его заинтересованность и увлеченностъ, от низкого до достаточно высокого уровня образования. Благодаря этому учащиеся перестают быть пассивными обучаемыми. У них появляется внутренний азарт к учебе, здоровое честолюбие, желание узнавать новое.

другие соображения, мы практике умственного воспитания.

Воспитание должно начинаться в младенчестве. По мнению Песталоцци, с тех пор укоренившемуся, известного рода воспитание должно начинаться с колыбели. Кто внимательно присматривался к глазам ребенка, широко раскрытым на окружающие предметы, тот отлично знает, что воспитание начинается уже с такого раннего возраста, помимо нашей воли. Это хватание и сование всего, что только попадается под руку, это прислушивание с раскрытым ртом ко всякому звуку — первые шаги в той серии наблюдений, которые оканчиваются открытием невидимых планет, изобретением счетных машин, творением великих произведений живописи, созданием симфоний и опер.

Если же мы принуждены прибегать к другому стимулу, это доказывает только, что мы находимся на ложном пути. Опыт чрезвычайно ясно показывает ежедневно, что всегда следует отыскивать такой метод, который в сильной степени мог бы вызвать интерес, и не только интерес, а даже наслаждение. Такой метод и по всем другим признакам будет самый настоящий.

Для многих эти руководящие принципы будут неубедительны, если оставить их в такой отвлеченной форме. Отчасти для того, чтобы на примерах показать их приложение, отчасти же для того, чтобы привести разные намерены перейти теперь от теории к практике умственного воспитания.

При такой самопроизвольной и неизбежной деятельности способностей, развивающейся с самого начала, остается только решить, должны ли мы доставлять достаточно разнообразный материал, на чем бы они могли упражняться. На такой вопрос не может быть другого ответа, как только утвердительный.

Как было сказано раньше, согласие с теорией Песталоцци не обязывает, однако, соглашаться и с его практикой. Тут именно и является подобный случай. Говоря об обучении азбуке, он выражается так:

«Азбука должна поэтому заключать в себе все звуки языка, и они должны быть изучены в каждой семье с самого раннего возраста. Ребенок, изучающий азбуку, должен повторять эти звуки перед младенцем, который еще в колыбели и который не в состоянии еще произнести ни одного из них, с тем, чтобы благодаря частым повторениям звуки эти глубоко врезались в его ум».

Присоединяя это к советам, изложенным в его «Руководстве для матерей», в котором он предметом первых своих уроков делает название, положение, связь, число, свойство и назначение частей человеческого тела, можно ясно видеть, что понятия Песталоцци относительно раннего периода умственного развития были смутны и не дали ему возможности выработать разумного плана. Рассмотрим теперь план, предписываемый психологией.

Первые впечатления, усваиваемые умом, состоят из неделимых ощущений, производимых сопротивлением, светом, звуком и пр. Разложимые стадии сознания не могут, очевидно, существовать раньше тех стадий сознания, из которых они состоят.

Никакого не может быть понятия о форме до тех пор, пока не будет приобретено достаточного знакомства с оттенками и свойствами света и с различными степенями сопротивления. Известно, что мы познаем видимую форму при помощи изменения в освещении, а осязаемую форму — при помощи изменений в сопротивлении.

То же самое должно быть и во всех остальных случаях. Соблюдая таким образом непременный закон последовательного перехода от простого к сложному, мы должны предложить ребенку достаточное количество предметов, обладающих различного рода сопротивлением в различных степенях, достаточное количество предметов, отражающих различного рода свет и в различных количествах, а также достаточное количество звуков, различных по силе, по тону и тембру.

Это априорное заключение согласуется с инстинктами ребенка. Все отлично знают тот восторг, какой доставляет маленькому ребенку кусание игрушек, хватание за блестящие пуговицы братиной куртки, дерганье отцовских бакенбардов. С каким вниманием ребенок весь уходит в рассматривание ярко раскрашенного предмета, к которому он прилагает слово «хорошенький», если только может произнести его, на том лишь основании, что предмет блестящий! Его лицико расплывается в широкую улыбку,

чуть только он заслышит болтовню своей няни, чуть щелкнет перед ним пальцами какой-нибудь гость, чуть заслышит он звук, которого прежде не слыхал.

К счастью, обычные приемы детской в значительной степени удовлетворяют этим ранним потребностям воспитания. Многое, впрочем остается пополнить, и выполнение это гораздо важнее, чем кажется с первого взгляда.

Каждая способность лучше развивается во время самопроизвольной деятельности, сопровождающей ее развитие, когда получает более живые впечатления, чем при всяких иных условиях. Кроме того, этими простейшими элементами надо еще овладеть, а на это нужно время. Поэтому, направляя первый период детства, когда невозможна еще никакая другая умственная деятельность, на полное ознакомление с этими элементами во всех их видоизменениях, мы выигрываем таким образом время.

Не забудем и того факта, что постоянное удовольствие, вызываемое достаточным количеством предложенных впечатлений, воспринимаемых ребенком с такой жадностью, действует благотворным образом на его характер и здоровье.

Признавая общий закон эволюции, идущей от неопределенного к определенному, мы должны приспособливать разработку этих понятий к тому выводу, что при развитии какой бы то ни было способности прежде всего выступают самые разноречивые впечатления.

Следовательно, прежде всего надо давать ребенку звуки, резко отличающиеся между собой по силе и тону, краски, сильно не похожие одна на другую, и вещества, широко различающиеся между собою по твердости и строению.

В любом случае переход к другим родственным впечатлениям должен совершаться медленно и постоянно.

Предметные уроки. Переходим к предметным урокам, которые служат естественным продолжением этого первоначального развития чувств.

Обычная система обучения совершенно не соответствует тому естественному методу, который замечается в детстве, в зрелом возрасте и в ходе самой цивилизации.

«Ребенок должен видеть, — говорит Марсель, — каким образом все части предмета находятся между собой в связи и т.д.».

Разнообразные руководства по предметным урокам содержат в себе целые списки фактов, которые должны быть перечислены ребенку по поводу каждого предмета. Но нам стоит только взглянуть на повседневную жизнь ребенка, чтобы убедиться, что все познания о предметах, получаемые до развития способности речи, приобретаются сами собой.

Твердость и вес, в соединении с известным внешним видом предмета, форма и окраска, принадлежащие известным лицам, специальные звуки, издаваемые разными животными, — все это такие явления, которые ребенок замечает сам собой.

Точно так же и в зрелом возрасте, когда под руками нет уже больше наставников, наблюдения и выводы, необходимые ежеминутно для направления наших поступков, должны приобретаться без посторонней помощи. От полноты и точности, с какой делаются эти наблюдения и выводы, зависит жизненный успех.

Возможно ли, чтобы процесс, обнаруживаемый эволюцией человечества вообще и повторяемый как маленьким ребенком, так и взрослым человеком, был совершенно противоположен тому процессу, которому следуют в период между детством и возмужалостью и притом в таких простых вещах, как изучение свойств предметов?

Не ясно ли, напротив, что один и тот же метод должен быть проведен везде?

Разве природа не наталкивает нас постоянно на этот метод, если только у нас хватает ума настолько, чтобы видеть это, и настолько смирения, чтобы признавать его?

Что может быть сильнее той потребности в душевной симпатии, какая проявляется у детьми?

Обратите внимание, как ребенок, сидя у вас на коленях, сует вам в лицо игрушку, которая у него в руках, желая, чтобы и вы на нее обратили внимание.

Посмотрите, как он оборачивается и глядит на вас, когда, проводя мокрым пальцем, скрипнешь по столу, точно хочет сказать на своем языке: «Послушайте, какой небывалый звук».

Посмотрите на старших детей, когда они с криком входят в комнату: «Мама, посмотри, какая интересная вещь»; «Мама, посмотри на это!»; «Мама, посмотри на то!» И так будет без конца, если только неразумная мать не скажет им, чтобы они не приставали к ней.

Присмотритесь к ним, когда они гуляют с няней: малютка, сорвав какой-нибудь цветок, каждый раз подбегает к ней, показывает, какой этот цветок хорошеный, хочет, чтобы и она непременно сказала, что он хороши.

Послушайте, с какой словоохотливостью каждый мальчуган описывает какую-нибудь невиданную им дотоле вещь, если только найдется кто-нибудь, кто слушал бы его с интересом.

Ф

Вряд ли можно возразить, что Истина, Доброта, Красота конкретны, равно как и другое: истина, порядочность, духовность во все времена есть, или их нет. Вопрос в мере — насколько они, как и любое особенное, трансформируют общее — вневременное, вечное. Можно говорить, например, о такой конкретности, как классовая, партийная, корпоративная и даже личностно-эгоистическая ангажированность истины, добра и красоты. Достаточно напомнить трактовку таких вечных общегуманистических ценностей, как мораль, совесть, честь, профессионализм, компетентность и даже красивость и некрасивость женщины в качестве классового, социально-составного, партийного, кланового и иного группового и вкусового понятия.

Не вытекает ли отсюда вывод сам собой? Не ясно ли, что мы должны сообразоваться в наших методах с этими умственными инстинктами, должны систематизировать природный процесс, прислушиваться ко всему, что говорит ребенок о том или ином предмете, побуждать его высказывать все, что он думает о таком предмете, обращать его внимание на те факты, которые еще не замечены им, с тем, чтобы он мог при случае сам приглядеться к ним, и все дальше и дальше предлагать или указывать ему на новые серии предметов с целью широкого рассмотрения?

Посмотрите, как умная мать ведет уроки по этому методу. Шаг за шагом знакомит она маленького мальчика с названиями простейших свойств: твердостью, мягкостью, цветом, вкусом, размером. При этом ребенок сам усердно помогает ей: показывает какую-нибудь вещь и говорит, что она красная; дает пощупать другую, чтобы убедиться, что она твердая, и все это по мере того, как мать называет ему эти свойства.

Каждое новое свойство, на которое обращается его внимание в принесенной им вещи, она старается связать с теми, которые ему уже известны, так что, вследствие природной наклонности к повторению, он может усвоить себе привычку повторять эти свойства одно за другим.

Постепенно, по мере того как попадаются случаи, когда ребенок пропускает одно или более свойств, с которыми он познакомился, мать устанавливает обычай спрашивать его, не может ли он еще что-нибудь сказать о принесенной им вещи. По всей вероятности, он не найдет сразу. Дав ему некоторое время подумать, мать сама говорит ему, может быть, даже посмеется над его ненаходчивостью.

Достаточно несколько таких приемов, и ребенок соображает, в чем дело.

Когда она говорит ему затем, что знает еще кое-что о том предмете, о котором он рассказывает ей, самолюбие его начинает приходить в возбуждение. Он внимательно всматривается в предмет; обдумывает все слышанное им, и так как задача легкая, то он скоро ее и решает. Он совершенно в восторге от своего успеха, а мать вторит ему.

Как это бывает со всяким ребенком, он испытывает наслаждение, открывая в себе силы. Он требует новых побед и идет отыскивать другие предметы, о которых можно было бы поговорить с матерью.

По мере развития способностей ребенка мать прибавляет все новые свойства к его списку, переходя от твердости и мягкости к шероховатости и гладкости, от цвета к лоску, от простых тел к сложным, постоянно таким образом усложняя задачу. По мере того как растет его опытность, она постоянно и все в больших размерах возбуждает его внимание и память, постоянно поддерживая в нем интерес и доставляя ему такого рода новые впечатления, которые могут быть усвоены его умом, постоянно радуя его победами над такими затруднениями, которые он в силах преодолеть.

Поступая так, мать только следует самопроизвольному процессу, который проявляется в более ранний период развития. Она лишь помогает саморазвитию или, лучше сказать, самоэволюции. Она помогает этому так, как подсказывают ей инстинктивные побуждения дитяти.

Усвоенная ею система явно рассчитана на то, чтобы выработать в ребенке широкую наблюдательность, что и является главной целью уроков.

Рассказывать или показывать то одно то другое не значит еще учить ребенка наблюдательности. Это значит — делать его простым воспринимателем посторонних наблюдений. Это скорее ослабляет, а не усиливает самообразовательные способности. Это лишает дитя того удовольствия, какое доставляет успешная деятельность, превращает привлекательное приобретение знаний в простое формальное учение и производит то, что к этим предметным урокам нередко начинают чувствовать не только равнодушие, но даже отвращение.

С другой стороны, вышеописанная система заключается в доставлении уму соответствующей пищи, в присоединении к умственным аппетитам их естественных поборников — самолюбия и стремления к сочувствию.

Такие предметные уроки возбуждают, путем соединения всего этого, усиленное внимание, обеспечивают живые и полные впечатления, сообщают уму с самого начала привычки самопомощи, которой он должен будет руководствоваться впоследствии.

Предметные уроки следует вести по системе, совершенно не похожей на принятую теперь.

Кроме того, их следует распространить на круг предметов, гораздо более широкий, и на период, гораздо более поздний, чем теперь. Они не должны ограничиваться только тем содержанием, которое представляет домашняя обстановка. Сюда должны быть включены и поля, и живые изгороди, и каменоломни, и морской берег.

Они не должны прекращаться в раннем детстве, должны продолжаться в юношеском возрасте и притом так, чтобы незаметно перейти затем в натуралистические и научные исследования.

И здесь нам остается только следовать указаниям природы.

Где можно видеть такое сильное наслаждение, как не у детей, когда они срывают какой-нибудь незнакомый цветок, наблюдают за каким-нибудь незнакомым насекомым или собирают камешки и раковины? И кто не заметит при этом, что стоит только выказать ребенку сочувствие, как тотчас же можно навести его на довольно широкое расследование свойств и строения всех этих предметов?

Всякий ботаник, который брал с собой в лес и поля детей, должен был заметить, с какой охотой присоединяются они к нему в его исследованиях, как старательно отыскивают ему растения, с каким вниманием следят за ним, пока он рассматривает их, как засыпают его вопросами.

Серьезный последователь Бэкона — «служитель и толкователь природы» — согласится с тем, что мы смиренно должны следовать вышеприведенной системе образования.

Познакомившись с простейшими свойствами неорганических предметов, ребенок, следуя тому же процессу, переходит к более широкому расследованию всего, что попадается ему на ежедневных прогулках, обращая прежде всего внимание на менее сложные факты: в цветах — на окраску, число и форму лепестков, на форму стебельков и листьев, в насекомых — на число крыльев, ног, усиков и на их окраску.

Когда все это будет вполне и прочно усвоено, можно последовательно перейти к дальнейшим фактам. В первом случае — к числу тычинок и плодников, к форме цветка, с лучистой или двухсторонней симметрией, к расположению и характеру листьев, супротивных или переменных, черешковых или сидячих, гладких или волосатых, зазубренных, зубчатых или выемчатых. В другом случае — к строению тела, к сегментам брюшка, к отметинам на крыльях, к числу членов на ногах и к форме более мелких органов, все время придерживаясь той системы, чтобы, возбуждая в ребенке честолюбие, заставлять его самого отыскивать и называть все, что находит.

Затем, по достижении известного возраста, ребенку в виде особой награды сообщается, какими способами можно сохранять эти растения, что особенно его интересует ввиду тех знаний, которые он приобрел. Потом в виде еще большей награды можно ему подарить прибор для хранения личинок обыкновенных ночных и дневных бабочек в период их превращения, — занятие, доставляющее высшее наслаждение, как мы могли убедиться из личного опыта, и поддерживающее рвение в течение нескольких лет. В соединении с энтомологическими коллекциями, занятие это придает большой интерес праздничным прогулкам и составляет отличное введение в изучение физиологии.

Мы приготовились уже выслушать возражение, что все это лишь напрасная трата времени и энергии и что дети гораздо лучше бы сделали, если бы занялись списыванием и заучиванием разных табличек, подготовляясь таким образом к деловой жизни. Очень жаль, что до сих пор еще существуют такие неразумные понятия об образовании и такое узкое представление о пользе.

Не говоря уже о необходимости систематического развития понятий и о достоинствах вышеизложенного метода как способа, соответствующего этой цели, мы готовы отстаивать его ради тех знаний, которые благодаря ему приобретаются.

Если бы люди готовились только сидеть в городах и корпеть над счетоводными книгами, не думая ни о чем, кроме своих дел, — если бы они должны были уподобляться тем гулякам, которые все деревенские удовольствия сводят к сидению в общественном саду, куренью трубки и питью портера, или тем помешикам, которые леса считают местом для охоты, а животных делят на дичь,

гадов и племенной скот, — тогда, разумеется, не было бы надобности учиться чему-нибудь, что не ведет прямо к набиванию кассы или кладовых.

Если же существуют более высокие цели, а не одна какая-то каторжная работа, если все окружающее имеет еще и другое значение, помимо доставления денег, если кроме стяжательских и чувственных способностей должны развиваться еще и другие, если удовольствия, доставляемые поэзией, искусством, наукой и философией, имеют какую-нибудь цену, тогда желательно, чтобы в ребенке поощрялись инстинктивные наклонности его к наблюдению над красотами природы и к исследованию окружающих явлений.

№ В средней школе происходит адаптация личности к жизни в обществе, на этом важнейшем этапе социальной зрелости человека формируются ценности, интересы, направленность жизнедеятельности и профессионально-деятельностных способностей, складывается стремление оптимально проявить себя в той или иной социальной сфере и формируются профессиональные задатки. Об этом непременно должен помнить учитель!

Поэтому в средней школе должна осуществляться поэтапная (в соответствии с возрастными особенностями ребенка) социализация школьника. И в ней необходимо целенаправленно изучать законы жизни.

Но этот грубый утилитаризм, проповедующий, что человеку достаточно явиться на свет, а затем исчезнуть, не потрудившись даже узнать, что такое этот свет и что он в себя включает, можно побить на его же собственной почве.

Постепенно станет ясно, что знание законов жизни важнее всякого другого знания, что законам жизни подлежат не одни только физические и духовные процессы, но, в силу необходимости, и все домашние дела, все, что происходит на улице, в торговле, в политике, в морали, что, следовательно, без знания их невозможно правильно регулировать ни свою личную, ни общественную деятельность.

Мало-помалу выяснится также и то, что законы жизни в существенных чертах одни и те же для всего органического мира и что их нельзя как следует усвоить в сложных проявлениях, не изучив их предварительно на простейших примерах.

Тогда станет очевидным, что, помогая ребенку приобретать сведения из внешнего мира, к которым он с такой жадностью стремится, и поощряя такое приобретение и в юношеском возрасте, мы способствуем накоплению материала, который он приведет со временем в порядок с помощью великих научных обобщений, дающих ему силу правильно регулировать любую деятельность.

Первые попытки рисования. Все более распространяющееся мнение, признающее рисование элементом образования, служит одним из многих признаков преобладания теперь более рационального взгляда на образование. Еще раз следует заметить, что

преподаватели стали, наконец, придерживаться метода природы, которая постоянно и настойчиво рекомендовала этот метод их вниманию.

Самопроизвольные попытки детей изображать людей, дома, деревья и окружающих животных на грифельной доске, за неимением лучшего, или карандашом на бумаге, если только удастся им выпросить то и другое, — известны каждому.

Рассматривать картинки — одно из высочайших детских наслаждений, и как обыкновенно бывает, их развитая в сильной степени подражательная наклонность возбуждает в них соревнование и желание самим рисовать картинки.

Эти попытки изображать все, что поражает, служат дальнейшим инстинктивным способом уточнения представлений, средством, которое вводит еще большую точность и полноту в наблюдения. Своими стараниями заинтересовать нас открытиями более тонких свойств предметов, своими попытками рисования дети выражают требование именно такой системы образования, которая им более всего необходима.

Если бы преподаватели руководствовались указаниями природы не в том только, что признали рисование принадлежностью воспитания, но и в самих способах преподавания его, они добились бы лучших результатов, чем теперь.

Что прежде всего ребенок пытается изобразить? Крупные вещи, привлекательные по окраске, те, с которыми можно соединить массу приятных представлений, человека, который доставлял ему столько душевных волнений, коров и собак, интересных по многим связанным с ними явлениям, дома, видимые каждую минуту и поражающие своими размерами и контрастами частей.

Какой процесс изображения доставляет ему более всего наслаждения?

Раскрашивание. Бумага и карандаш хороши за неимением лучшего, но ящик с красками и кисточками — вот это так настоящие сокровища. Рисование контуров тотчас же отходит на второй план, к нему прибегают только главным образом ввиду раскрашивания. А если позволят раскрасить книгу с картинками, какое это счастье!

Но как бы ни смешно казалось такое положение преподавателям рисования, откладывая раскрашивание и обучающим сперва форме посредством сухого копирования линий, мы все-таки полагаем, что вышеуказанная система обучения — самая правильная. Превосходство краски над формой, имеющее, как было уже указано, психологическую основу, должно быть признано с самого начала.

С самого же начала изображаемые предметы должны быть реальными.

Наслаждение, доставляемое красками, бросается в глаза не только в детях, но и не ослабевает у многих всю жизнь. Им надо постоянно пользоваться как естественным стимулом для овладе-

ния сравнительно трудной и непривлекательной формой. Удовольствие предстоящего раскрашивания должно быть наградой за труды набрасывания линий контура.

Стремление изображать интересующую действительность следует всячески поощрять, в надежде, что при расширении опыта интересовать будут и более простые, практические предметы, что дети и их будут пытаться изобразить и таким образом будут постепенно приближаться к подражанию, имеющему все большее и большее сходство с действительностью.

Крайняя неопределенность, обнаруживающаяся, согласно закону эволюции, в этих первых попытках, никак не может служить достаточным основанием для их игнорирования. Что за беда, если контуры грубы и смешны? Что за беда, если краски наляпаны как попало?

Вопрос не в том, какие рисунки выходят у ребенка. Вопрос в том, развиваются ли его способности.

Ему прежде всего надо выработать способность управлять своими пальцами, выработать некоторые первоначальные понятия о сходстве, а для этих целей лучше всего такая система, так как она самопроизвольна и в то же время интересна.

Никаких формальных уроков рисования не может быть в период раннего детства.

Но нам не следует подавлять или пренебрегать этими попытками к саморазвитию. Мы должны поощрять и руководить ими как нормальными упражнениями в изощрении представлений, а также и ловкости рук.

Давая раскрашивать дешевые картинки и простые географические карты для проведения границ красками, мы не только доставляем приятный случай упражнять свои способности в раскрашивании, но и знакомим вместе с тем с очертаниями предметов и стран, а также даем возможность учиться твердо владеть кистью.

Доставляя интересный материал и поддерживая инстинктивное стремление изображать предметы, хотя бы и в грубом виде, мы можем добиться того, что при наступлении поры, когда начнутся настоящие уроки рисования, занятие это будет уже для ребенка легко, чего бы не было в противном случае.

Как следует учить рисованию. Из всего сказанного можно ясно видеть, что мы порицаем обычай рисования с оригиналами, а еще более формальную систему проведения прямых, кривых и ломаных линий, с которых имеют обыкновение начинать обучение некоторые преподаватели.

Мы сожалеем, что Общество изящных искусств недавно в своей серии учебников по «Элементарному преподаванию изящных искусств» выпустило руководство к рисованию, основанное на самых ложных, какие только можно себе представить, началах. Мы говорим об «Эскизе с эскиза или с изображения на плоскости» скульптора Джона Белла.

Как объяснено в предисловии, книга имеет задачей «предложить учащемуся простой, но логический способ обучения», и для этой цели в ней прежде всего даются такого рода определения:

«Простая линия в рисунке есть тонкая черта, проведенная от одной точки к другой.

Линии могут быть разделены по своему характеру в рисунке на две категории:

1) На *прямые*, служащие изображением кратчайшего расстояния между двумя точками, например *AB*, и

2) *Кривые*, не представляющие кратчайшего расстояния между двумя точками, какова, например, линия *CD*.

Далее в предисловии автор переходит к горизонтальным линиям, перпендикулярным, наклонным, к разного рода углам и к разным фигурам, образуемым линиями и углами. Словом, книга эта — грамматика формы с упражнениями.

Таким образом, система, введенная в изучение языка и начинаяющаяся с сухого анализа элементов, входит также и в обучение рисованию. Мы начинаем с определенного вместо того, чтобы начинать с неопределенного. Отвлеченнное предшествует конкретному. Научные понятия идут впереди эмпирических опытов. Вряд ли надо повторять, что порядок этот совершенно противоположен нормальному.

Относительно того, что умению говорить на каком-нибудь языке предполагается обыкновенно изучение частей речи и их назначение, хорошо было сказано, что это столь же разумно, как если бы умению ходить мы стали предполагать ряд лекций о kostях, мускулах и нервах ноги.

То же самое можно сказать и о намерении предполагать умению изображать предметы перечень и определения линий, которые получаются путем анализа. Все эти технические тонкости отталкивают ребенка и совершенно бесполезны. Они только делают учение неприятным с самого начала, и все это для того лишь, чтобы научить тому, что с течением времени приобретается само собой.

Подобно тому, как ребенок случайно из окружающих его разговоров узнает значение обыкновенных слов, не прибегая к словарю, так точно и в рисовании из тех замечаний, которые он слышит о картинах и своих собственных рисунках, он узнает без всякого труда и неприятностей те самые научные термины, которые так загадочны и обременительны, когда их преподают с самого начала.

Если вышеизложенные общие принципы воспитания имеют какое-либо значение, то процесс обучения рисованию должен неотлучно сопровождать самые ранние попытки ребенка в этом направлении, заслуживающие, как сказано выше, самого широкого поощрения. Когда начатые таким образом добровольные занятия достаточно уже напрактиковали руку и дали усвоить некоторые понятия о пропорции, тогда-то вот и возникают смутные пред-

ставления о теле, имеющем в перспективе три измерения. И когда после нескольких неудачных «китайских» попыток передать это свойство на бумаге ребенок выяснит себе окончательно, что нужно делать, и будет к этому стремиться, тогда должен последовать первый урок эмпирической перспективы с помощью аппарата, специально придуманного для научного ее объяснения.

Это звучит как-то страшно. Но опыт удобопонятен и интересен как для мальчиков, так и для девочек обыкновенных способностей.

Стеклянная пластинка вделана в раму так, что стоит в вертикальном положении на столе. Она ставится перед учащимся; позади этой пластинки кладется книга или что-нибудь в этом роде. Ученику говорят, чтобы он, не сводя глаз с одного места, чернильными точками обозначил на стекле углы книги так, чтобы эти точки совершенно совпадали с углами и закрывали их.

Затем ему говорят, чтобы он соединил эти точки линиями. Делая это, он убедится, что обозначаемые им линии совпадают с очертаниями предмета. Подложив лист бумаги с другой стороны стекла, он ясно увидит, что обозначенные линии изображают предмет таким, каким он ему казался.

Чертеж его не только имеет сходство с предметом, но он убеждается, что он должен иметь сходство, так как он приспосабливал линии к его очертаниям. Убрав лист бумаги, он может убедиться, что линии действительно совпадают с контуром предмета.

Факт небывалый для него и поразительный. Он служит экспериментальным доказательством того, что известной длины линии, расположенные в известных направлениях на плоскости, могут служить изображением линий, имеющих другое протяжение и другое направление в пространстве.

Постепенно меняя положение предмета, учащемуся можно показать, как некоторые линии сокращаются и исчезают, тогда как другие появляются и увеличиваются.

Таким способом можно ему показать, как сближаются параллельные линии (пересечение в одной точке) и вообще все главные факты перспективы.

И если учащийся приучен к самопомощи, он с радостью станет воспроизводить эти контуры на бумаге на глаз, стоит только ему сказать об этом. Он поставит себе задачей воспроизводить без всякой помощи изображение, подобное тому, какое получается у него на стекле.

Таким образом, без всякого неразумного, механического копирования чужих рисунков, при помощи простой и в то же время привлекательной методы, — рациональной, однако же не отвлеченной, можно шаг за шагом познакомить учащегося с линейными очертаниями предметов и развить в нем способность изображать их.

Ко всем этим преимуществам надо прибавить еще следующее. Учащийся с раннего возраста приобретает почти бессознан-

тельно знакомство с истинной теорией живописи, а именно, что она есть линейное изображение предметов в том виде, как это изображение получается на плоскости, помещенной между предметами и глазом.

Когда же учащийся достигнет такого возраста, что можно начать и научную перспективу, он будет уже хорошо ознакомлен с теми фактами, которые составляют ее логическую основу.

Эмпирическая геометрия. Что касается рационального способа сообщения первоначальных сведений из геометрии, нам не остается ничего лучшего, как привести следующее место из сочинения Уайза: «Ребенок привык к употреблению кубиков при обучении арифметике, пусть он пользуется ими также и при ознакомлении с элементами геометрии. Я начал бы с изучения твердых тел — метод обратный общепринятому. Он устраниет трудность нелепых определений и плохих объяснений точек, линий и поверхностей, а это не что иное, как отвлеченности... Многие из главных элементов геометрии заключаются в кубике; он представляет в одно и то же время: точки, прямые линии, параллельные, углы, параллелограммы и пр. и пр. Кубики эти могут быть разделены на несколько частей. Учащийся познакомился уже с такими делениями в нумерации; теперь он приступает к сравнению различных частей и к отношению этих частей между собой... От них он переходит к шару, который дает ему элементарные понятия о круге и о кривых вообще, и пр. и пр.

Ознакомившись в достаточной степени с твердыми телами, учащийся может перейти затем к плоскостям. Переход может быть очень незаметный. Разделите, например, кубик на тоненькие части и положите их на бумагу. Перед учеником будет столько плоских прямоугольников, сколько делений; то же самое и со всем остальным. С шарами можно поступать таким же точно образом. Ученик увидит тогда, как действительно образуются поверхности, и может легко их отделять в каждом твердом теле.

Таким образом ученик знакомится с азбукой геометрии и выучивается читать ее. Затем он переходит к начертанию ее.

Простейшая операция и, следовательно, самая первая, заключается в том, что эти плоские поверхности кладут на бумагу и обводят вокруг них чернилами. После частых повторений плоские поверхности отодвигают на некоторое расстояние и заставляют ученика копировать их и т.д.».

Запасвшись таким образом геометрическими сведениями, хотя бы по способу, указанному Уайзом, или подобному ему, идут дальше, прибегая теперь к проверке точности фигур, начертенных на глаз. Этим возбуждается желание делать их точными, а также доказывается трудность исполнения такого желания.

Вряд ли можно сомневаться в том, что геометрия получила происхождение (как указывает и самое слово) от разных способов точных измерений, придуманных ремесленниками и другими для фундаментов, площадей, занимаемых зданиями, и т.п., и

что истины ее приведены были так тщательно в систему ввиду их непосредственной пользы.

В подобных же отношениях следует предлагать их и учащемуся. Заставляя его вырезать части для карточного домика, рисовать фигуры для раскрашивания, предлагая ему разные поучительные занятия, с которыми знакомит его изобретательный наставник, можно с успехом предоставить его на долгое время, как первобытного строителя, своим собственным усилиям. Так он на опыте изучит, как трудно достигнуть цели с помощью одного только воображения.

Пройдя между тем хорошую школу и укрепив свои понятия, он, по достижении им того возраста, когда уже можно владеть циркулем, вполне оценит этот инструмент, дающий ему возможность проверять то, что сделано им на глаз, но в то же время он убедится в несовершенствах приблизительного метода.

На этой стадии ребенка можно оставить до наступления следующего периода, отчасти потому, что он еще слишком мал для чего-нибудь высшего, отчасти потому, что желательно, чтобы он как можно сильнее почувствовал потребность в систематических приемах.

Приобретение знаний должно быть постоянно интересно.

NB Поразительно, как значение геометрии (науки и школьного предмета) у Г.Спенсера созвучно с утверждением Платона: «Геометрия заставляет созерцать бытие... Это наука, которой занимаются ради познания вечного бытия, а не того, что возникает и гибнет. ...Значит, она влечет душу к истине и воздействует на философскую мысль»*.

В период ранней цивилизации знание ценится только как вспомогательное средство для искусства.

Очевидно, что надлежащим введением в геометрию будет долгая практика с теми строительными процессами, которые облегчаются геометрией.

Заметьте, что и тут сама природа указывает нам путь. Дети обнаруживают усиленное стремление вырезать разные фигуры из бумаги, и если эту наклонность поощрять и направлять, то можно не только подготовить путь для научных восприятий, но и развить ту ловкость в руках, которой недостает многим из нас.

Когда наблюдательные и изобретательные способности достигли в ребенке требуемой силы, тогда можно начать с ним эмпирическую геометрию, т.е. такую геометрию, которая имеет дело с методическими решениями, но не прибегает к доказательствам.

Подобно всяким переходам в образовании, этот переход должен быть не формальным, а как бы случайным. Отношение к строительному искусству все-таки должно быть сохранено.

*Платон. Государство. 527в.; Сочинения. В 3-х т. /Пер. с древнегреч.; Под общ. ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса. — Т.3. — Ч.1. — М.:Мысль, 1971. — С.337.

Сделать из картона четырехгранник, наподобие данного ученику, очень для него занято и может служить хорошим начальом. Делая это, ученик увидит, что ему нужно четыре равносторонних треугольника, расположенных известным образом. Не имея возможности, за отсутствием точного способа, сделать это верно, он увидит при соединении треугольников, что стороны их не приходятся друг к другу и углы их не сходятся у вершины.

Ему можно показать, как при помощи двух кругов можно начертить эти треугольники совершенно правильно и без всяких затруднений. После такой неудачи он оценит это сведение.

Оказав ему помочь при решении первой задачи с тем, чтобы представить перед ним характер геометрических методов, ему предоставляется в дальнейших случаях решать вопросы, как ему вздумается. Разделить линию пополам, восстановить перпендикуляр, начертить квадрат, разделить угол пополам, провести линию, параллельную данной, начертить шестиугольник — все это такие задачи, которые ученик, при небольшом запасе терпения, может решить сам.

От этих задач он шаг за шагом переходит к более сложным вопросам. Все эти вопросы, под разумным руководством, решаются им без посторонней помощи.

Многие воспитанные по старой системе, отнесутся, разумеется, скептически к этим словам. Но мы говорим на основании фактов, не редких и не исключительных. Мы видели, как целый класс учеников так заинтересовался решением подобных задач, что каждый урок геометрии был для них главным событием недели. Недавно мы слышали об одной школе для девочек, где молоденькие ученицы добровольно занимаются геометрией в свободные от школы часы, и о другой, где ученицы мало того что добровольно занимаются, но одна из них просила даже, чтобы ей давали задачи на праздники. Тот и другой факты засвидетельствованы авторитетом учителя.

Убедительны и доказательства возможности и огромного преимущества саморазвития! Придерживаясь природосообразного метода, можно сухую, по общему отзыву, и даже отталкивающую отрасль науки превратить в крайне интересную и глубоко плодотворную. Говорим — глубоко плодотворную, потому что результаты ее не ограничиваются только приобретением геометрических фактов, а нередко производят переворот во всем умственном складе.

Случается, что способности, притупленные обычной школой зубрежки и муштры, отвлеченными формулами, обременительными и непосильными задачами, вдруг пробуждаются, когда их перестают делать пассивными воспринимателями и стараются призвать к активной, изобретательной деятельности.

Ф Узкий профессионал, как уже говорилось выше, выполняя свою в масштабах человеческого, бытийного измерения частную задачу, деформирует целое, далее если он исходит из

благородных побуждений. И дело здесь не только в том, что загрязняются реки и воздух, умы и души, происходят в прямом смысле атомарные катастрофы: нарушается кровная взаимосвязь природы и человека, сужается и огрубляется вся полнота их взаимодействия. Бездуховный, эгоистический человек уходит от своей родовой сущности, деформирует природу, общество, сам себя. Он сужает себя до *homo faber* («человек умелий»), до функционера, до механизма.

Упадок духа, вызванный дурной системой, уменьшается пробудившимся влечением к учению. Появляется упорство в достижении первого успеха, и во всем душевном строе учеников происходит переворот.

Ученики уже не считают себя бессильными: и они тоже могут что-нибудь сделать.

И постепенно, по мере того как успех следует за успехом, кошмар отчаяния исчезает, и они принимаются за трудности в других занятиях с мужеством, которое обеспечивает им дальнейший успех.

Как сделать геометрию привлекательной. Через несколько недель после того, как в первый раз были напечатаны предыдущие замечания, профессор Тиндалль в своей лекции «О важности изучения физики как предмета образования» в Королевском институте убедительно доказал то же самое. Его свидетельство, основанное на личных наблюдениях, настолько важно, что мы не можем не привести его. Вот оно: «Одной из выпавших на мою долю задач в тот период, о котором я говорю, было преподавание математики, и я всегда находил, что Евклид и вообще древняя геометрия, обращенные к разуму, составляют очень привлекательное занятие для молодежи. Но я всегда имел обыкновение избавлять учеников от книжной рутины и обращаться к их самопомощи в вопросах, стоявших вне этой рутины.

Вначале поворот с проторенной дороги вызывал часто некоторое сопротивление. Ученик чувствовал себя как ребенок среди посторонних; но не было ни одного примера, чтобы это отвращение продолжалось долго. Когда ученик совсем падал духом, я старался ободрить его, рассказывая анекдот о Ньютона, который всю разницу между собой и другими людьми приписывал своему терпению, или о Мирабо, который своему слуге, сказавшему про что-то, что это невозможно, запретил повторять это глупое слово. Повеселев, мальчик снова брался за работу с улыбкой, которая выражала, быть может, сомнение, но тем не менее и решимость попробовать еще раз. Я видел, как глаза мальчика прояснялись, и он с радостью, перед которой восторг Архимеда ничто, вскрикивал: «Добился, сэр!»

Пробужденное таким образом сознание своей силы имело огромное значение; побуждаемые им успехи класса были поистине поразительны. Я часто имел обыкновение давать ученикам по

собственному выбору решать задачи из учебника, или же попытать свои силы над такими, решения которых не было в учебнике. Я не знаю ни одного примера, когда выбор остановился бы на учебнике.

Я всегда готов был помочь, когда мне казалось, что помочь моя необходима, но мои предложения помочи по обыкновению всегда отклонялись. Ученики испытывали прелест умственных побед и домогались новых. Я видел их нацарапанные на стене и вырезанные на полу в рекреационном зале геометрические чертежи и многие другие доказательства живого интереса к этому делу.

Со своей стороны я был еще новичком по части преподавательской опытности: я ровно ничего не знал о правилах педагогики, как выражаются немцы, но я придерживался того самого духа, о котором я упомянул в начале своей речи, и старался обратить геометрию в орудие, а не отрасль образования. Опыт удался, и лучшими минутами моей жизни были те, которые я провел, следя за умственным ростом и оживлением, какие проявляли дети, когда к ним прилагался описанный метод».

Такая эмпирическая геометрия, представляющая бесконечный ряд задач, преподается наряду с другими предметами, назначенными в том же году. Она может успешно сопровождаться теми конкретными приложениями ее принципов, которые служат введением к ней.

После того как окончательно усвоены куб, октаэдр и различные формы пирамиды и призмы, можно приступить к более сложным правильным фигурам — двенадцатиграннику и двадцатиграннику, сооружение которых из отдельных картонных частей требует значительной изобретательности. Отсюда переход естественно должен быть направлен к таким видоизмененным формам правильных тел, какие встречаются в кристаллах, — к усеченному кубу, к кубу с усеченными углами, к видоизмененным таким же образом октаэдру и различным призмам. Подражая этим многочисленным формам, встречающимся в металлах и солях, ученики попутно приобретают знакомство с основными фактами минералогии.

Надо полагать, что после долгих упражнений в таком роде рациональная геометрия не представляет уже затруднений. Привыкнув всматриваться в соотношения между формой и величиной и смутно убеждаясь время от времени в необходимости достигать известных результатов с помощью известных средств, учащийся начинает смотреть на доказательства Евклида как на недостающие дополнения к известным ему задачам.

Хорошо дисциплинированные способности учащегося дают ему возможность овладевать последовательными положениями геометрии и взвешивать их значение. Он даже к своему удовольствию находит иногда собственные способы доказательств.

Таким образом, он находит удовольствие в том, что для не-подготовленного является сухой и скучной работой.

Остается только добавить, что его ум приближается теперь к такому состоянию, когда возможны уже самые ценные для мыслительных способностей упражнения — самостоятельные доказательства. Для него скоро окажутся возможными такие теоремы, какие находятся в задачниках по евклидовой геометрии для продвинутых учащихся.

Процесс их доказательства будет влиять не только на умственное саморазвитие их, но и на нравственное.

Правильность природосообразного метода. Продолжать подобные указания значило бы писать подробный трактат об образовании, что не входит в наши цели. Предыдущие наброски упражнения понятий в раннем детстве, ведение предметных уроков, обучение рисованию и геометрии должны считаться простыми иллюстрациями к тому методу, который указан общими принципами, определенными раньше.

Полагаем, что при рассмотрении этих планов будет ясно, что все они не только идут от простого к сложному, от неопределенного к определенному, от конкретного к абстрактному, от эмпирического к рациональному. Но они удовлетворяют еще и требованиям, чтобы образование было повторением цивилизации в миниатюре, чтобы оно было по возможности процессом саморазвития и чтобы оно было приятно.

Исполнение всех этих условий каким-нибудь методом подтверждает, во-первых, эти условия, а во-вторых, доказывает правильность этого метода.

Заметьте также, что этот метод есть логический вывод из тенденций, характеризующей собой все современные усовершенствования в деле обучения. Он есть полнейшее усвоение природосообразной системы, которой эти усовершенствования касаются лишь в частности.

Полнейшее усвоение природосообразного метода выражается в согласовании с вышеизложенными принципами и в соблюдении тех указаний, которые дает сам развивающийся ум. Облегчая его самопроизвольную деятельность, мы помогаем развитию, которое ведет сама природа.

Таким образом, у нас есть основания полагать, что вышеприведенный способ близко подходит к истинному методу.

Необходимо прибавить еще несколько замечаний в подтверждение двух общих принципов, имеющих наиболее важное значение и менее всего соблюдаемых.

А именно, что в юношеском возрасте точно так же, как и в раннем детстве и в зрелом возрасте, образование должно быть самообразованием.

NB На мой взгляд, в учебно-воспитательной деятельности современной школы должна воплощаться в жизнь программа самореализации личности «Четыре само»:

Самовоспитание: научиться анализу собственного Я, определению целей и средств самоизменения, овладеть методами саморегуляции и самоконтроля;

Самообразование: обрасти навыки умения самостоятельного приобретения знаний, способности к ориентации в информационном пространстве;

Самоопределение: учиться самостоятельно определять жизненные цели и способы их достижения;

Самоутверждение: овладеть гуманными и культурообразными способами утверждения своей личности.

И еще — что умственная деятельность должна всегда вызывать удовольствие.

NB Это очень важно! Современное представление об умственной деятельности школьника соответствует данному положению. Не случайно возникла и получает распространение — развитие идея профильности обучения на определенном уровне развития школьного образования. Задача средней школы — используя интерес школьника к той или иной группе учебных предметов, формировать у него стремление реализовать свои природные задатки как можно полнее, учиться творчески развивать интеллект, стремиться добиться лучших результатов в учебной деятельности. Тем самым прививается школьнику тяга к целеустремленной, осознанной деятельности, если добавить к этому и гражданское, и нравственное, и эстетическое воспитание.

Переход от простого к сложному, от неопределенного к определенному и от конкретного к абстрактному считается существенным требованием, налагаемым научной психологией. А требования того, чтобы знания приобретались самостоятельно и чтобы приобретение их доставляло удовольствие, являются пробными камнями при испытании того, соблюдаены ли предпопытания научной психологии.

Если первые воплощают собой общие положения науки об умственном развитии, то последние являются главными правилами искусства укреплять это развитие.

Если ступени нашего образовательного плана расположены так, что могут быть последовательно пройдены самим учащимся, с малою лишь помощью или совсем без всякой помощи, то они непременно должны соответствовать стадиям эволюции его способностей. Очевидно также и то, что если последовательное прохождение через эти ступени существенным образом доставляет ученику наслаждение, то отсюда следует, что для этого требуется лишь нормальное упражнение его способностей.

Но обращение воспитания в процесс саморазвития имеет еще и другие преимущества, помимо поддержания надлежащего порядка в уроках.

Во-первых, оно обеспечивает живость и прочность впечатлений, чего никогда не бывает при других системах.

Всякая область знаний, которыми учащийся овладел самостоятельно, всякая задача, решенная им самим, делается, в силу

одержанной им победы, его собственным достоянием, чего не могло быть при иных условиях.

Предшествующая умственная деятельность, обуславливающая его успех, необходимая при этом сосредоточенность и следующее за его триумфом возбуждение так сильно запечатлевают факты в его памяти, как не могут запечатлеть никакие сведения, слышанные от учителя или вычитанные в учебнике.

Если даже он и не справится с задачей, то все-таки напряженное состояние его способностей укрепляет в памяти подсказанное ему решение лучше полдюжины повторений.

Пороговые мониторинговые индикаторы — это точки временного и пространственного равновесия в динамичном потоке жизни, точки прерыва постепенности, перехода количественных изменений в качественные, точки на узловой линии мер таких переходов, скачков в развитии.

Индикатируемые явления могут характеризоваться различными параметрами. Например, возможна индикация образования по таким параметрам, как эмоциональное и рациональное, гуманитаризация и технизация, индивидуальное и общественное, профессиональное и нравственное, фундаментализация и универсализация, частные новации и общие стандарты. Мониторинговая индикация убеждает, что противоположные стороны, казалось бы, единого процесса развивающего образования работают нередко в режиме улиц с односторонним движением, монополией то одной, то другой стороны. Чаши весов колеблются, отклоняются от равновесного, сбалансированного состояния. Так, уже в наши дни от крайностей социализирующего советского образования педагогическая мысль и практика качнулись в крайность личностно-ориентирующего эгоизма; от монополии стандартов, жесткой заданности образования — к фактическому уходу государства из данной, приоритетной для любого общества, его будущего, сферы, по крайней мере многих секторов образования и особенно воспитания.

В вопросах оптимального сочетания компонентов обучения и воспитания образовательная отрасль и ее мониторинг не фундированы, не «подкованы» ни теорией, ни практикой, ни государственной поддержкой, ни состоянием массового сознания.

Таким образом, знание обращается в силу, как только оно усвоено, и следовательно, помогает общей функции мышления, а не покоится на страницах внутреннего книгохранилища, как это бывает при зазубривании.

Заметьте также, какое моральное развитие проистекает от этой постоянной самопомощи. Мужество при одолении трудностей, терпеливое сосредоточение внимания, упорство, невзирая на неудачи, — вот характерные особенности, столь необходимые в

последующей жизни. Эти же свойства характера ярко проявляются благодаря системе, заставляющей ум сам себе добывать пищу.

Что образование вполне возможно вести по такой системе — это мы можем засвидетельствовать лично, привыкнув с юности решать таким образом сравнительно сложные задачи перспективы.

Что выдающиеся педагоги склонны также держаться подобного направления — на это указывают слова Фелленберга: «Индивидуальная самостоятельная деятельность ученика гораздо важнее обычной официальной услужливости, которую проявляют многие, берущие на себя обязанность воспитателей».

О том же свидетельствует также мнение Хораса Манна, что «в настоящее время воспитание состоит, к несчастью, в рассказывании, а не в упражнении», и замечание Марселя, что «для ученика гораздо полезнее то, что он добывает умственным трудом, а не то, что рассказывают ему».

То же можно сказать и относительно второго требования, что принятый способ обучения должен быть существенным источником радостной деятельности, — радостной не в силу ожидаемых от нее наград, а в силу того, что эта деятельность сама по себе здоровая.

Удовлетворение этого требования, помимо того, что предупреждает нас от всякого уклонения от нормального процесса развития, имеет еще очень важные положительные доказательства. Если мы не хотим возвратиться к аскетической нравственности, или, лучше сказать, безнравственности, мы должны смотреть на детское счастье как на самодостаточную цель, достойную саму по себе.

Ф **Многие педагоги, руководители образования все чаще бьют тревогу по поводу сужения социально-педагогического пространства и возможностей для плодотворной работы с молодежью, ее просвещения, подготовки к самостоятельной жизни.**

В то же время педагогические инновации общей и профессиональной школы, за редким исключением, не поднимаются, да и не могут подняться до системного подхода в обучении и воспитании школьников и студентов, до философии образования при отсутствии таковой системы и философии в обществе.

Состояние удовольствия гораздо благоприятнее для умственной деятельности, чем состояние равнодушия или отвращения.

Всякий знает, что прочитанное, прослушанное или просмотренное с интересом запоминается гораздо лучше прочитанного, прослушанного и просмотренного апатично. В первом случае затронутые умственные способности принимают деятельное участие в предложенном им предмете. Во втором случае они не деятельно заняты им, и внимание постоянно отвлекается более привлекательными мыслями. Отсюда получаются сильные и слабые впечатления.

К умственному безучастию ученика, являющемуся следствием отсутствия интереса к занятию, присоединяется к тому же и

парализующий страх перед последствиями. Страх этот, отвлекая его внимание, увеличивает трудность, с какой удается ему сосредоточить свои способности на фактах, совсем для него непривлекательных. Отсюда ясно, что действительность образования, при прочих равных условиях, будет пропорциональна тому удовольствию, какое вызывают занятия.

Следует обратить внимание и на то, что обычное удовольствие или терзание, вызываемое ежедневными уроками, может иметь важные моральные последствия.

Сопоставьте между собой лица и манеры двух учеников — одного счастливого, так как он усваивает интересные предметы, а другого — несчастного от постоянного отвращения, которое он испытывает к занятиям, от неспособности, происходящей оттуда, от суровых взглядов, угроз, наказаний. И вы убедитесь, что природные наклонности одного подвергались благодетельному влиянию, а природные наклонности другого — вредному.

Кто замечал, какое действие оказывает на душу успех или неуспех и какую власть имеет дух над телом, тот убедится, что в первом случае и характер, и здоровье подвергаются благотворному влиянию, тогда как во втором является опасность вечной угрюмости, вечной робости и даже вечного физического угнетения.

Остается еще один косвенный результат немаловажного значения. Отношение между преподавателями и учениками, при прочих равных условиях, бывает дружелюбное, могущественное или же враждебное и бессильное, смотря по тому, доставляет ли система образования счастье или несчастье.

Люди находятся во власти ассоциации идей. К источнику ежедневных мучений нельзя относиться без скрытой антипатии. Если же какая-нибудь личность доставляет одни только мучения, то к ней будут непременно относиться с ненавистью.

Наоборот, кто всегда помогает детям идти к намеченной цели, ежеминутно доставляет им удовольствие победы, ежеминутно поддерживает в них мужество в преодолении трудностей и сочувствует их успеху, тот будет любим. Мало того, он непременно будет любим, если обращение его всегда будет в существенном незаменимо.

Вспомните, насколько действителен и благодетелен контроль учителя, которого считают другом, сравнительно с контролем того, на кого смотрят с отвращением или в лучшем случае равнодушно. И вы убедитесь, что косвенные преимущества системы воспитания, основанной на принципе счастья, недалеко уходят от непосредственных преимуществ.

Всем, кто сомневается в возможности применения системы, которая здесь рекомендуется, мы ответим по-прежнему, что на эту систему не только указывает теория, но ее требует и практика.

Ко всем отзывам выдающихся преподавателей, высказанным со времен Песталоцци, следует прибавить еще отзыв профессора

Пилланса*: «Там, где детей учат как следует, они также счастливы в школе, как и во время игр. Редко испытывают они от хорошо направленного упражнения умственной энергии меньшее удовольствие (чаще даже большее), чем от упражнения мускульной силы».

Самообразование никогда не прекращается. Как на последний довод в доказательство того, что образование должно быть обращено в процесс самообразования и, следовательно, в процесс приятного обучения, мы укажем на тот факт, что, сообразно с тем, в какой мере это исполняется, является и надежда на то, что процесс этот не прекратится вместе со школьными занятиями.

До тех пор пока приобретение знаний будет внушать обычное отвращение, господствовать будет стремление к прекращению этого приобретения, как только ученик освобождается от принудительной власти родителей и наставников. Когда же приобретение знаний сопровождается, как правило, удовольствием, тогда господствующим стремлением является наклонность продолжать без всякого надзора то самое самообразование, которое раньше велось под надзором.

Подобные результаты неизбежны.

До тех пор пока законы умственной ассоциации остаются неизменными, люди будут относиться с антипатией к предметам и местам, вызывающим тяжелые воспоминания, и с любовью к тем, которые вызывают в уме представления о прежних удовольствиях.

Неприятные уроки будут вселять отвращение к знанию, а приятные будут привлекать к нему.

Люди, которым в детстве сведения сообщались в виде сухих уроков, приправленных угрозами и наказаниями, которые никогда не были приучены к самостоятельным исследованиям, вряд ли станут заниматься в последующие годы.

Тот, кому знания сообщались в природосообразной форме, в надлежащее время, кто припоминает заключающиеся в них факты не потому только, что они интересны сами по себе, но и потому, что все это были случаи длинного ряда приятных успехов, тот наверняка всю жизнь будет продолжать самообразование, которое начато было им в юности.

Глава III. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Серьезный пробел в воспитании. Самый большой недостаток наших воспитательных программ никогда никем не отмечается. В то время как отдельные усовершенствования относительно содержания и относительно формы усердно вводятся в наши воспитательные системы, самый главный изъян их даже не осознается.

Подготовка молодежи к житейским обязанностям — вот та цель, которую подразумевают и имеют в виду родители и преподаватели.

*Профессор латинского языка в Эдинбургском университете.

Достоинства преподаваемых предметов и усвоенных для преподавания их методов, к счастью, оцениваются теперь явно с точки зрения пригодности их для этой цели. На этом основании и признана целесообразной замена исключительно классического образования таким, в которое входило бы изучение современных языков.

По тем же причинам признается необходимым и усиление естественнонаучного элемента образования.

Но хотя и принятые некоторые меры относительно того, чтобы делать молодежь обоего пола пригодной для общества и гражданских обязанностей, никаких мер не принимается, однако, для того, чтобы сделать ее пригодной для отправления родительских обязанностей.

Убеждаясь в необходимости тщательной подготовки для приобретения средств к существованию, думают, однако, что для воспитания детей не требуется никакой подготовки.

Ф

Проблемы и компоненты образования не существуют по отдельности, и только теоретический анализ расщепляет целое жизни, процесс и систему образования для того, чтобы полнее и глубже вникнуть в каждый существенный момент действительности. Возвращение законов и принципов образования в жизнь требует обратного: видения их педагогом-практиком в нерасторжимом единстве, в узле противоречий и проблем онтоса — бытия человека, общества, мира; их всеобщей образовательной жизнеутверждающей формы развития.

Многие годы тратит мальчик на приобретение таких знаний, все достоинства которых заключаются лишь в том, что они дают «джентльменское воспитание».

Многие годы тратит девочку на усовершенствование тех способностей блистать, которые делает ее пригодной для вечеров и балов, и ни одного часа не уделяют на подготовку к самой важной на свете ответственности — к управлению домом, семьей.

Неужели это происходит оттого, что эта ответственность представляется отдаленной и случайной? Напротив, из десятых людей она выпадает на долю девятерых.

Или исполнение ее представляется таким уже легким? Разумеется, нет. Из всех обязанностей, выпадающих на долю взрослого человека, эта — самая трудная.

Или это происходит оттого, что каждому мужчине или каждой женщине предоставляется самим, на свой страх и риск, готовить себя к родительским обязанностям? Нет! Мало того, что не ощущается никакой надобности в такого рода самообучении, но и сложность этого дела меньше всего обеспечивает его успех по сравнению с другими предметами самообразования.

Никакого рационального довода не может быть представлено в пользу исключения науки и искусства воспитания из наших учебных планов.

С точки зрения счастья самих родителей или характера и жизни детей и отдаленных потомков, мы все равно должны признать, что знание истинных методов воспитания молодежи, воспитания физического, умственного и нравственного, принадлежит к одному из важнейших разделов знания.

Предмет этот должен заканчивать собой тот курс обучения, который проходят каждый мужчина и каждая женщина.

Как физическая зрелость характеризуется способностью производить потомство, так и умственная зрелость характеризуется способностью воспитывать это потомство.

Теория и практика воспитания есть предмет, обнимающий собой все другие предметы и потому составляющий кульмиационную точку образования.

Благодаря отсутствию такой подготовки руководство детьми, и в особенности нравственное руководство, ведется крайне плохо. Родители или совсем об этом не думают, или приходят к незрелым и неосновательным заключениям.

В большинстве случаев, в особенности со стороны матерей, устанавливается такое обращение, которое подсказывает мимоударным импульсом. Обращение это не вытекает из разумного убеждения в его пользе для ребенка. Оно просто выражает преобладающие чувства родителей, дурные или хорошие, и, как сами эти чувства, изменяется с часу на час.

Если же предписания страсти и дополняются какими-нибудь определенными концепциями и методами, то эти теории и методы большей частью или переходят из прошлого, или навеяны воспоминаниями детства, или же усвоены от нянек и прислуги.

Эти методы изобретает не просвещение, а невежество века. Комментируя хаотическое состояние взглядов и приемов, касающихся самоуправления в семье, Рихтер пишет:

«Если б можно было обнаружить тайные, изменчивые побуждения обширного класса обыкновенных отцов и расположить их в виде учебного плана устных и письменных занятий, приспособленного к моральному воспитанию, то получился бы примерно следующий список.

Первый момент — ребенку должны быть прочитаны мной или воспитателем правила чистой морали. Второй — смешанная мораль, т.е. такая, которую можно приложить к личной выгоде. Третий — разве ты не видишь, что отец твой поступает так-то и так-то? Четвертый — ты маленький, а это хорошо только для взрослых. Пятый — главным образом ты должен иметь успех в свете и играть какую-нибудь роль в государстве. Шестой — достоинство человека определяется не чем-нибудь времененным, а вечным. Седьмой — поэтому лучше терпи несправедливость и оставайся добрым. Восьмой — но если кто нападает на тебя, защищайся храбро. Девятый — не надо шуметь, мой милый. Десятый — мальчик не должен сидеть на одном месте. Одиннадцатый — надо больше слушаться родителей. Двенадцатый — и стараться самому воспитать себя.

Таким образом, ежеминутно меняя принципы, отец тем самым прикрывает их несостоительность и односторонность.

Что касается жены, то она непохожа ни на него, ни даже на того Арлекина, который являлся на сцену со связками бумаг под мышками с той и другой стороны, и когда у него спрашивали, что у него под мышкой правой руки, он отвечал: «Приказания», а когда спрашивали, что под левой, он говорил: «Отмена приказаний». Мать лучше всего можно сравнить с великанином Бриареем, у которого было сто рук и под мышкой каждой руки по связке бумаг.

Такое положение вещей не очень скоро изменяется. Должно смениться несколько поколений прежде, чем можно ожидать улучшения.

Подобно политическим учреждениям, воспитательные системы не делаются, а возникают и развиваются. Их рост за короткий период незаметен. Медленно развиваясь, как и всякие улучшения, это улучшение требует для своего исполнения известных средств, и одно из этих средств — обсуждение.

Мы не принадлежим к числу сторонников мнения лорда Пальмерстона, будто «все дети рождаются хорошими». Противоположное мнение, как бы ни было несостоительно, в общем, по-видимому, не так далеко от истины.

Не принадлежим мы также и к сторонникам тех, кто полагает, что с помощью искусного обучения можно сделать детей такими, какими они должны быть. Напротив, мы убедились, что хотя искусственным обращением и можно исправить природные недостатки, но уничтожить их совсем нельзя.

Мнение, что усовершенствованная система воспитания дает идеальное человечество, очень близко подходит к мнению, высказываемому в поэмах Шелли, что стоит человечеству отказаться от своих прежних учреждений и предрассудков, как тотчас же исчезнет все зло на свете. Кто бесстрастно изучал человеческие дела, тот не может согласиться ни с тем, ни с другим мнением.

Тем не менее это не мешает нам симпатизировать людям, высказывающим столь пылкие надежды.

Энтузиазм, доведенный до крайности, — полезная двигательная сила и, быть может, даже необходимая. Очевидно, самый пылкий политик не мог бы довести своего дела до конца и привести всех жертв, если бы он не был убежден, что те реформы, за которые он борется, — вещь необходимая. Член общества трезвости действовал бы не так энергично, если бы не сознавал, что пьянство — корень всех общественных зол. Каждый класс филантропов должен иметь преувеличенную веру в свое благое дело.

Поэтому можно заявить тем, кто смотрит на умственное, нравственное и физическое воспитание как на панацею, что их неумеренные надежды имеют свою пользу. Их непоколебимая вера, может быть, и составляет уже часть благодетельного порядка вещей.

Дурное обращение родителей. Если б даже и возможно было посредством какого-нибудь нравственного контроля переделы-

вать детей по желаемому образцу и если б можно было сделать так, чтобы все родители усвоили эту систему, то и тогда мы были бы далеки от намеченной цели.

Забывают обыкновенно то, что выполнение подобной системы предполагает со стороны взрослых такой запас ума, доброты и самообладания, какого не встретишь ни в ком. Ошибка тех, кто берется за обсуждение вопросов домашнего воспитания, заключается в том, что они приписывают все недостатки и затруднения детям, а совсем не родителям.

Относительно управления семьей, как и относительно управлений народом, утвердилось такое мнение, что все добродетели на стороне правителей и все пороки на стороне управляемых.

Если судить по педагогическим теориям, то мужчины и женщины совершенно преображаются при обращении с детьми. Мы же знаем, что граждане, с которыми мы имеем дело, и люди, с которыми мы встречаемся, очень далеки от совершенства.

В ежедневных скандалах, в ссорах между друзьями, в открывающихся банкротствах, в судебных процессах и полицейских отчетах постоянно сталкиваешься с выдающимися чертами эгоизма, подлости, грубости.

Когда же начинают обсуждать детские поступки и критиковать дурное поведение молодежи, обычно считают, что все эти преступные лица свободны от всяких безнравственных поступков по отношению к детям.

Это настолько далеко от истины, что мы, не колеблясь, обвиняем поведение родителей в большинстве тех домашних беспорядков, которые приписываются обыкновенно дурным наклонностям детей.

Мы не говорим о симпатизирующих, сдержаных родителях, к числу которых относится, надеемся, большинство наших читателей. Мы говорим о массе.

Какого рода нравственной культуры можно ожидать от матери, которая, как мы не раз видели, сердито трясет своего ребенка за то, что тот не хочет сосать?

Какое чувство справедливости может внушить отец, который, засыпав крик ребенка и увидав, что он прищемил палец оконной рамой, начинает бить его вместо того, чтобы высвободить палец? Что бывают такие отцы — это засвидетельствовал нам очевидец.

Возьмем еще более поразительный случай, также подтвержденный очевидцем: какая воспитательная участь ожидает, например, такого мальчика: его приносят домой с вывихнутым бедром, и там его встречают колотушками?

Правда, это — поразительные примеры. Некоторые животные иногда уничтожают своих слабых иувечных братьев. Но столь великой жестокости по отношению к собственным детенышам животные не обнаруживают.

Хотя и редкие, эти примеры служат типичным выражением тех чувств и обращений, которые вседневно наблюдаются во

многих семьях. Кто много раз не видел, как нянька или родители шлепают ребенка за его раздражительность, являющуюся результатом, по всей вероятности, какого-нибудь физического расстройства?

Кто, наблюдая, как мать схватывает упавшего ребенка, не замечал в грубой манере и грубом крике: «Ах ты, глупый мальчишка», — той раздражительности, которая служит предвестницей бесконечных будущих ссор?

А грубый тон отца, призывающего детям вести себя смириенно, разве не указывает на недостаток сочувствия к ним?

Эти постоянные и часто совершенно бесполезные запрещения, которым подвергаются дети, — приказания сидеть смироно, чего подвижный ребенок не может исполнить без сильного нервного раздражения, не выглядывать из окна в вагоне, что составляет для мало-мальски развитого ребенка серьезное лишение, — разве эти запрещения, повторяем мы, не служат ужасным признаком недостатка сочувствия?

По правде сказать, трудности нравственного воспитания происходят всецело от обеих причин — от недостатков родителей в соединении с недостатками детей.

Если наследственная передача составляет закон природы, что известно всякому натуралисту и подтверждается нашими ежедневными наблюдениями и сложившимися пословицами и поговорками, то в среднем случае недостатки детей служат отражением недостатков родителей.

Мы говорим: в среднем случае, потому что передача свойств усложняется комбинациями черт предков, так что они проявляются в общих чертах, а не в отдельных случаях.

И если в среднем числе случаев эта наследственная передача недостатков существует, то дурные страсти детей, с которыми борются родители, предполагают такие же дурные страсти и в них самих, скрытые, быть может, от общественных взоров, быть может, затемненные другими чувствами, но все-таки существующие.

Отсюда ясно, что на общее выполнение какой-либо идеальной системы воспитания нет надежды: сами родители недостаточно хороши для этого.

Но если бы даже и существовали такие методы, с помощью которых можно было бы сразу достигать желаемой цели, если бы отцы и матери обладали достаточными знаниями, сочувствием и самонадеянением для последовательного выполнения этих методов, то и тогда мы сказали бы, что за реформу в семейном воспитании следует приниматься не раньше, как после реформ в других областях.

Общие принципы нравственного воспитания.

Чего же мы, собственно, хотим достичь?

Ближайшей и непосредственной целью подготовки ребенка к житейским занятиям является подготовка гражданина, который, будучи как следует направлен, может сам проложить себе дорогу в свет.

Ф

ХХ век характеризовался интенсивными поисками всеинтегрирующей и всеисцеляющей энергии, способной гармонизировать устройство, единообразовательное развитие человеческого, общественного планетарно-ноосферного универсума. Это и природа человека как совокупность всех общественных отношений (К.Маркс), и три модуса познания — преобразования реальности (эмпирически-чувственный, рационально-умственный, сверхчувственно-сверхрациональный), его же «этажи культурного мира», теория творческой неэгоистической любви (П.Сорокин); пассионарная активность (аккумуляция людьми, нациями в себе социальной энергии гораздо больше, чем другие) (Л.Н.Гумилев); педагогические идеи индивидуальности (Я.А.Коменский) и природосообразности (Г.Песталоцци), воспитывающего обучения (Герберт). И наконец, революционные, реформаторские эксперименты на людях и государствах, шоковые терапии, тщетные попытки напрячь силовые линии истории и поэзии силой «штыка, приравненного к перу» и т.п. ХХ века, породившие уже силу волонтистского вмешательства, равную мегатоннам, леденящей душу человека и человечества, разрушительной для всего космобиосоциокультурного универсума отрицательной энергии.

А прокладывание себе дороги в свете (под этим выражением мы подразумеваем не накопление богатства, а приобретение необходимых средств для воспитания семьи) разве не требует известной приспособленности к окружающему миру, такому, каков он есть в настоящую минуту?

Если бы можно было с помощью какой-нибудь воспитательной системы сделать человека идеальным, разве не сомнительна была бы его пригодность к современным окружающим условиям?

Не вправе ли вы, наоборот, заподозрить, что слишком развитое в нем чувство прямоты и возвышенный образ действия сделают для него жизнь невыносимой и даже невозможной?

И как бы удивительны ни были результаты по отношению к отдельной личности, не оказались ли эти результаты неудачными по отношению к обществу и потомству?

Есть много оснований полагать, что как в целой нации, так и в семье род правления в общем может быть настолько хорош, насколько это позволяет общее состояние человеческой природы. Мы можем доказать, что как в первом, так и во втором случае средний уровень людей определяет качество самого проявляемого над ними контроля. В том и другом случае можно убедиться, что повышение среднего уровня ведет к усовершенствованию общей системы. И если бы даже можно было улучшить саму систему, не подняв при этом среднего уровня, то от этого могло бы последовать скорее зло, чем добро.

Ту степень грубости, которую испытывают теперь дети со стороны родителей или учителей, можно считать лишь подготовкой к той еще большей грубости, какую они встретят при вступ-

лении в свет. И можно даже добавить, что если бы родители и наставники и могли относиться к ним совершенно справедливо и с полным сочувствием, то это только усилило бы их страдания, которые в последующей жизни причинит им людской эгоизм*.

«Не слишком ли достаточно этих доказательств? — спросит кто-нибудь. — Никакая система морального воспитания не может сделать детей такими, какими они должны быть. Если бы даже и нашлась такая система, то несовершенство родителей, оказывается, служило бы препятствием к ее выполнению. Если бы даже и можно было с успехом реализовать такую систему, то ее результаты были бы несовместимы с существующим общественным строем.

А если так, то не следует ли отсюда, что преобразование существующей в настоящее время системы невозможна, да и нежелательно?»

Нет, отсюда просто следует, что реформа в домашних порядках должна идти совместно, наравне, параллельно с другими реформами.

Отсюда следует только, что воспитательные методы не могут да и не должны быть иначе усовершенствованы, как только по частям.

Отсюда только следует, что предписания отвлеченной честности и прямоты должны на практике неминуемо подчиняться настоящему состоянию человеческой природы, несовершенствам как в детях, так и в родителях, и в обществе. Эти предписания могут исполняться по мере улучшения общего уровня людей.

«Но, во всяком случае, — снова скажет нам критик, — выставлять идеальный образец семейного воспитания, очевидно, бесполезно. Нет никакой пользы вырабатывать и рекомендовать такие методы, которые опережают свой век».

Опять-таки мы утверждаем противное. Тут то же самое, что и в политическом правлении: хотя в нем и невозможно в настоящее время применение истинной честности и прямоты, тем не

*Таков высказываемый некоторыми характер защиты грубого обращения, которому подвергаются мальчики в наших общественных школах; говорят обыкновенно, что их вводят в миниатюрный мир, тягости которого подготовляют их к реальному миру. Можно допустить, что такая защита имеет свою силу, но она очень несостоятельна. Если домашняя и школьная дисциплина не должна быть мягче жизненной школы, то она все-таки могла бы быть немного мягче, чем она есть. Дисциплина, которую молодые люди встречают в Итоне, Винчестере и пр., гораздо хуже жизненной школы, она более несправедлива и жестока. Вместо того, чтобы помогать человеческому прогрессу, как и следует всякому воспитанию, наши публичные школы, приучая мальчиков к деспотической форме правления и обращению, регулируемому грубой силой, имеют наклонность готовить учеников к такому общественному строю, который стоит даже ниже существующего в настоящее время. Наше законодательство набирает своих исполнителей из среды воспитанников подобных школ; таким образом это влияние, распространяющее варварство, становится помехой национальному прогрессу. (Примеч. автора)

менее необходимо знать, где лежит истина, с тем чтобы произведенные нами перемены приближались, а не удалялись от нее.

Так и в домашнем управлении следует поддерживать идеал, чтобы постепенно приближаться к нему.

Нам нечего бояться дурных последствий от такого идеала. В среднем, прирожденный человечеству консерватизм в достаточной мере обезопасит человечество от чересчур быстрых перемен.

На свете устроено так, что люди тогда только воспринимают высшие убеждения, когда дорастут до них. Раньше они могут придерживаться их, но только на словах, а не на самом деле. И даже тогда, когда истину признают, все же препятствия на пути ее исполнения до такой степени упорны, что переживают терпение филантропов и даже философов. Можно поэтому с уверенностью сказать, что трудности на пути к нормальному воспитанию детей всегда будут в достаточной степени тормозить попытки к его осуществлению.

После этих предварительных объяснений перейдем теперь к рассмотрению истинных целей и методов морального воспитания. Посвятив несколько страниц установлению общих принципов, мы на примерах стараемся объяснить те истинные методы, каких должны придерживаться родители в ежеминутно встречающихся затруднениях на пути домашнего воспитания.

Природообразный метод воспитания.

Когда ребенок падает или расшибает себе голову о стол, он страдает от боли, и воспоминание об этой боли делает его более осмотрительным. При повторении таких опытов он научается, как следует управлять своими движениями. Схватится ли он за раскаленную каминную решетку, сунет ли руку в пламя зажженной свечи или брызнет себе на кожу кипятком, полученные ожоги дают такой урок, который нелегко забывается. Один или два подобных случая оставляют такое глубокое впечатление, что никакие уговоры впоследствии не могут его заставить нарушить запоны своей природы.

В этих случаях природа дает нам простейший пример, преподает истинную теорию и практику морального воспитания. Эти теория и практика, как бы они ни казались при поверхностном взгляде похожими на общепринятые, при более тщательном наблюдении сильно от них отличаются.

Заметьте прежде всего, что при телесных повреждениях и следующей за ними расплате неправильные поступки и их следствия приведены к простейшей форме. Хотя выражения «хороший» и «дурной» и неприменимы в общепринятое своем значении к таким поступкам, которые имеют одни лишь физические последствия, однако же, рассмотрев этот вопрос, приходим к убеждению, что и эти поступки, подобно другим, должны быть подведены под те же категории.

Все теории нравственности, из какой бы позиции они ни исходили, сводятся к тому, что всякий поступок, непосредствен-

ные или отдаленные результаты которого благотельны, считается хорошим, тогда как поступок, непосредственные или отдаленные результаты которого вредны, считается нехорошим.

Конечные результаты, по которым люди судят о поступке, — это появляющееся в результате счастье или несчастье. Пьянство мы считаем злом, так как оно навлекает на пьющего человека и его потомство физическое вырождение и сопровождающие его нравственные бедствия. Если бы воровство доставляло удовольствие как вору, так и обкрадываемому, оно не находилось бы в списке грехов.

Если б можно было себе представить, что добрые поступки увеличивают людские страдания, мы стали бы порицать их и не считали бы добрыми.

Стоит только почитать газетные передовые статьи или прислушаться к разговору об общественных делах, как тотчас же убеждаешься, что парламентские акты, политические движения, филантропические агитации, равно как и действия отдельных личностей обсуждаются с точки зрения ожидаемых от них приятных или тягостных результатов.

И если после анализа всех второстепенных, дополнительных идей мы убедимся, что результаты эти представляют конечный критерий добра и зла, нам ничего не остается больше, как подвести физические действия под одну из этих категорий, смотря по тому, приносят они благотельные или гибельные результаты.

Во-вторых, обратите внимание на характер «наказаний», которыми предупреждаются нарушения физических законов. Мы говорим: наказаний, за неимением лучшего выражения, но это не наказания в буквальном смысле слова. Это вовсе не какие-нибудь искусственно придуманные ненужные страдания. Это просто благодетельные преграды действиям, существенным образом идущим вразрез с физическим благополучием, — преграды, без которых жизнь скоро бы уничтожилась вследствие физических повреждений. Особенность этого возмездия, если можно его так назвать, заключается в том, что оно представляет неизбежные следствия предшествующих им поступков. Следствия эти не что иное, как неизбежные реакции, вызванные поступками ребенка.

Заметим далее, что эти болезненные реакции пропорциональны вызывающим их нарушениям. Ничтожный случай вызывает ничтожную боль; более серьезный случай вызывает более серьезные страдания. Нет никакой надобности заставлять споткнувшегося о порог ребенка страдать более, чем следует, с целью сделать его еще более осторожным, чем может обыкновенное страдание. Ребенку предоставляется путем лишь ежедневного опыта узнавать свои более важные или менее важные ошибки и поступать сообразно с этим опытом.

Отметьте также, что эти натуральные реакции, сопровождающие неправильные поступки ребенка, постоянны, непосредственны, стойки, и их нельзя избежать. Никаких угроз, все делает-

ся молча и строго. Запустил себе ребенок в палец булавку — следует боль. Если он опять это сделает, следует то же самое, и так постоянно.

При всех своих столкновениях с неорганической природой ребенок встречает то неуклонное постоянство, которое глухо ко всяkim извинениям и не подлежит апелляции. И ребенок, очень скоро познакомившись с этой суровой, но благодетельной дисциплиной, усердно старается не переступать положенных границ.

Еще значительнее представляются эти истины, когда мы припомним, что в жизни взрослого они играют такую же роль, как и в детской жизни. Опытом добытое знание естественных последствий удерживает мужчин и женщин от неправильных действий.

По окончании домашнего воспитания и в ту пору, когда ни родители, ни наставники не ограничивают уже тех или иных поступков, выступает на сцену наука, подобная той, какая обучает ребенка самому руководить собой.

Если молодой человек, посвятив себя какому-нибудь занятию, праздно проводит время, медленно и небрежно исполняя вверенные ему обязанности, то вслед за этим наступает и естественная кара: ему отказывают от должности, и он принужден в течение некоторого времени испытывать на себе зло относительной бедности.

Человек неаккуратный, всегда пропускающий деловые встречи, а также время, назначенное для удовольствий, постоянно испытывает вытекающие отсюда неудобства, потери и лишения.

Торговец, поднимающий слишком высоко свою прибыль, теряет покупателей, и жадности его таким образом полагается предел.

Уменьшение практики заставляет небрежного доктора обращать больше внимания на своих пациентов.

Слишком доверчивый кредитор и слишком пылкий спекулянт, убедившись, что в результате их поспешности получаются одни только затруднения, поневоле осторожнее начинают вступать в сделки. То же самое и в жизни каждого гражданина.

В приводимой так часто в подобных случаях поговорке: «Обжегся на молоке, будешь дуть и на воду» — мы видим не только доказательство того, что существующая между социальной дисциплиной и естественной дисциплиной раннего детского возраста аналогия признается всеми. Но и убеждаемся еще, что эта дисциплина — самая важная и надежная.

Такое убеждениеочно. Всякому приходилось слышать, как некоторые говорят, что только «купленный дорогой ценой опыт» заставил их отказаться от прежних дурных или безумных поступков. Всякий слышал, как, рассуждая о поступках какого-нибудь расточителя или прожектера, говорят обыкновенно, что ему не помогли никакие советы и только «горький опыт» оказал свое действие, оказало действие только испытание неизбежных последствий.

И если бы понадобилось дальнейшее доказательство того, что самыми действенными карами являются естественные последствия, и не только самыми действенными, а что их не могут заменить никакие придуманные людьми кары, то это доказательство мы находим в общеизвестной безуспешности наших карательных и уголовных систем.

Из всех многочисленных методов уголовной ответственности, предложенных и введенных в свод законов, ни один не оправдал возлагаемых на него надежд. Искусственные наказания не произвели переворота и во многих случаях увеличили преступность.

Единственно удачные исправительные заведения принадлежат к частным учреждениям, режим которых приближается к методу природы, почти не превышающему естественных последствий преступного поведения. Преступника лишают свободы настолько, насколько этого требует общественная безопасность, и при этом требуют, чтобы он при таких ограничениях сам содержал себя.

Мы видим таким образом, что дисциплина, которая научает ребенка регулировать свои движения, и дисциплина, удерживающая в порядке большую часть взрослых и более или менее исправляющая их, — одна и та же. Дисциплина же, придуманная людьми для худшей части взрослых, не достигает цели, если только она расходится с той дисциплиной, которая установлена самой природой и приносит успех по мере приближения к ней.

Разве в этом не заключается руководящий принцип нравственного воспитания? Разве мы не имеем право сказать, что система, столь благодетельная по своим результатам в детстве и зрелом возрасте, не менее благодетельна и для юношества? Может ли кто-нибудь допустить, что система, прекрасно отвечающая потребностям первой и последней стадии жизни, не соответствует промежуточной стадии?

Ф Суперинтегративны и энергоемки для человечества и всего универсума Добро и Красота. Своей общей всепроникающей и всеисцеляющей энергией они удерживают от гибели и спасают во многом обезумевший от эгоизма и потрясений человеческий мир.

Умиротворяющая и гармонизирующая сила (слабость тоже) любви останавливает конфликты и войны, ограничивает катастрофы, облагораживает людей, народы и государства. Не случайно на Кавказе женский платок — последний рубеж, останавливающий дошедшие до края противоборствующие стороны. То же самое, но с противоположным знаком несет с собой и ненависть (зло, ложь, безобразие). Порождаемая ею социальная, биологическая и космическая отрицательная энергия усугубляет незддоровье человека и общества, асимметрию всего универсума.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Спенсер Г.* Синтетическая философия/ Пер. с англ./ Герберт Спенсер; В сокращенном излож. Говарда Коллинза. Ред. С.Д. Кошиц. — Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1997. — С.511. — (Поснание; Вып.2).
- Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские: В 3-х т./ Герберт Спенсер/ Пер. с англ. Под ред./ Н.А. Рубакина. — Минск: Соврем.литератор, 1998. — С.1407. — (Классическая философская мысль).
- Спенсер Г.* Воспитание умственное, нравственное, физическое. Ассоциативная психология: — Т.1: Основания психология/ Г.Спенсер. Физиологическая психология в 14 лекциях/ Т. Циген. — М.: ACT. — (Классики зарубежной психологии). 1998.
- Вишневский А.Л.* Религия как социально политический институт у Э.Дюркгейма и Г.Спенсера// Вест. Моск. ун-та. — Сер.12. Полит. науки. — 1999. — №4. — С.59—75.
- Елсуков А.Н.* Краткий курс теоретической социологии: Учеб. пособие для студентов вузов/ А.Н. Елсуков. — Минск: ТетраСистемс, 1999. — С.127.
- Зотов А.Ф.* Современная западная философия/ Под ред. А.Ф. Зотов — М.: Высш. шк., 2001. — С.784.
- История педагогики и образования: От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца ХХ в.: Учеб. пособие для пед. учеб. заведений/ Под ред. А.И. Пискунова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Сфера, 2001. — С.510, ил.
- История политических учений/ Под общ. ред. О.В. Мартышина. — М.: Юристь. — Вып.2: Эпохи свободной конкуренции и буржуазных революций. — 1996. — С.364.
- История социологии в Западной Европе и США. Отв. ред. Г.В. Осипов. — М.: Норма-ИНФРА-М, 1999, 2001. — С.563.
- История эстетической мысли: становление и развитие эстетики как науки: В 6-ти т./ Ред. кол.: М.Ф. Овсяников и др. — М.: Искусство. — Т.4: Вторая половина XIX века. — 1987. — С.525.
- Классики мирового религиоведения: [Антология]/ Пер. с англ., нем., фр./ Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. — М.: Канон+, 1998. — С.430. — (История философии в памятниках). — (Мистика. Религия. Наука).
- Кравченко А.И.* Социология: Хрестоматия для вузов/ А.И. Кравченко. — М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2002. — С.735. — (Gaudemus).
- Кудрявцев В.А.* Мировоззренческие основы возникновения социологии (на примере творчества О.Конта, Г.Спенсера, Э.Дюркгейма, М.Вебера)// Вест. Моск. ун-та. — Сер.18. Социология и политология. — 1999. — №3. — С.141—153.

Кукушкина Е.И. Семья и семейные традиции в современной глобалистике// Вест. Моск. ун-та. — Сер.18. Социология и политология. — 2000. — №1. — С.51—67.

Култыгин В.П. Классическая социология/ Отв. ред. Р.Г.Яновский. — М.: Наука, 2000. — С.526.

Савина С.Л. Школа и педагогика в странах Западной Европы и США в XIX в. (до 90-х гг.)// История педагогики и образования/ Под ред. А.И.Пискунова. — М.: Сфера, 2001. — С.277—339.

Социология: Конспект лекций: Пособие для подготовки к экзаменам/ Авт. сост. И.Г.Широкова. — М.: Приор, 2001. — С.91. — (В помощь студенту).

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР И СОВРЕМЕННОСТЬ	5
ОПЫТЫ НАУЧНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ	24
Том 2. I. ГЕНЕЗИС НАУКИ	24
СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	82
Глава I. Непознаваемое	82
Глава XVII. Следствия	82
Глава XX. Домашние учреждения	90
Глава XXIV. Профессиональные учреждения	95
Глава XXVI. Данные науки о нравственности	99
Глава XXXI. Этика общественной жизни.	
Положительная благотворительность	117
ВОСПИТАНИЕ: УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ	120
Глава I. Какие знания важнее всего	120
Глава II. Умственное воспитание	167
Глава III. Нравственное воспитание	209
Библиография	221

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СПЕНСЕР

Автор проекта, первый читатель, философ
Николай Петрович Пищулин

Первый читатель учитель
Грабовский Андрей Иванович

Над книгой работали
Дорофеева Наталья Николаевна
Шишкина Алла Генадьевна

Редакционно-издательская подготовка,
оформление и макет
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия: ИД № 02878 от 20.10.2001 г.
Подписано к печати 26.02.2004. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 3933.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ, Лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16
Тел.: (095) 959-55-54, доб. 121, 120

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2

ISBN 5-89147-042-X

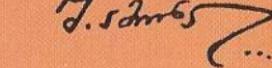

9 785891 470422

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В «Антологии» используется ранее не применявшийся в практике Российского учебного книгоиздания прием фокусирования на страницах книги не всегда совпадающих позиций — **автора** классического наследия; **составителя тома**, ученого, излагающего свои взгляды во вступительной статье и комментариях, и **первого читателя**, учителя, сегодня смотрящего в глаза своим ученикам, призванного сегодня реализовывать идеи гуманной педагогики.

Оглянитесь, что происходит в образовании?!
Перестройки, реформы, модернизации, реорганизации...
А теперь вдумайтесь в слова Герберта Спенсера:
«Ничто, кроме медленного совершенствования человеческой природы посредством организации социальной жизни, не может произвести благополучной перемены».
Прав мудрый Спенсер!

Шалва Амонашвили